

ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

УМАРОВА ФАРАНГИС КОМИЛДЖОНОВА

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ПРЕКРАСНОЕ/ЗЕБОЙ» В
РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ (В ТРИЕДИНСТВЕ
«КРАСОТА/ЗЕБОЙ» – «ДОБРО/НЕКӢ» – «ИСТИНА/ҲАҚИҚАТ»)**

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (таджикский язык)

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Азизова Мавжуда Эсановна

Душанбе - 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ПРЕКРАСНОЕ/ЗЕБОЙ» В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ	12
1.1. Лексико-семантическое поле как актуальное направление исследования в лингвистике	12
1.2. История формирования представлений о триединстве «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат»	16
1.3. Лексико-семантическое поле «ПРЕКРАСНОЕ/ЗЕБОЙ» в триединстве «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат» в русском и таджикском языках	20
1.3.1. Общая характеристика лексических средств выражения ЛСП «КРАСОТА/ЗЕБОЙ» в русском и таджикском языках	24
1.3.2. Общая характеристика лексических средств выражения ЛСП «ДОБРО/НЕКЙ» в русском и таджикском языках	33
1.3.3. Общая характеристика лексических средств выражения ЛСП «ИСТИНА/ХАҚИҚАТ» в русском и таджикском языках	39
1.4. Лексико-семантические универсалии «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат» как ядерные компоненты ЛСП «Прекрасное/Зебой» в русском и таджикском языках	42
Выводы по первой главе	49
ГЛАВА II. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛЯ «ПРЕКРАСНОЕ/ЗЕБОЙ» В ТРИЕДИНСТВЕ «КРАСОТА/ЗЕБОЙ», «ДОБРО/НЕКЙ», «ИСТИНА/ХАҚИҚАТ» В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ	51
2.1. Структурно-семантическая организация лексико-семантического поля «КРАСОТА/ЗЕБОЙ»	51

2.2. Структурно-семантическая организация лексико-семантического поля «ДОБРО/НЕКӢ»	67
2.3. Структурно-семантическая организация лексико-семантического поля «ИСТИНА/ҲАҚИҚАТ»	74
2.4. Экспликация лексико-семантического поля «ПРЕКРАСНОЕ/ЗЕБОӢ» в русских и таджикских поговорках и фразеологизмах	80
Выводы по второй главе	92
ГЛАВА III. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ПРЕКРАСНОЕ/ЗЕБОӢ» ПОСРЕДСТВОМ ПОНЯТИЙ КРАСОТА/ЗЕБОӢ – ДОБРО/НЕКӢ – ИСТИНА/ҲАҚИҚАТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ГУЛИСТОН» («РОЗОВЫЙ САД») СААДИ ШЕРАЗИ)	94
3.1 Взаимодействие лексико-семантических полей «красота/зебой», «добро/некӢ» и «истина/хақиқат» в тексте произведения «Гулистон» («Розовый сад») Саади Шерази	95
3.2 Реализация лексико-семантических полей «красота/зебой», «добро/некӢ» и «истина/хақиқат» в русском и таджикском языках в составе паремиологических единиц в авторском тексте	110
3.3 Трансформация лексем ЛСП «красота/зебой», «добро/некӢ», «истина/хақиқат» в составе фразеологизмов в индивидуально-авторском преобразовании .	118
Выводы по третьей главе	125
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	127
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	132
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	133
ПРИЛОЖЕНИЕ	159

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистической науке проблема систематизации лексического состава языка является одним из актуальных вопросов. Для достижения данной цели активно проводятся многочисленные исследования и попытки установления возможной системности и упорядоченности в языке. Основываясь на лингвокультурные универсалии и общности языков, ведутся большие научно-исследовательские работы в сравнительно-сопоставительном плане [Старостин С.А., 1996, 2005; Дыбо В.А. 1981, 1984; Гак В.Г., 1998; Джамshedов П. Д., 1989 и др.]. В современном языкознании все чаще используется полевой подход структурирования и систематизации лексики как наиболее достоверный и продуктивный метод анализа [Уфимцева А.А., 1968; Шаховский В.И., 1968; Гольдберг В.Б., 2000; Залевская А.А., 2001; Апресян Ю.Д., 2002 и др.].

Лексико-семантическая полевая система языка представляет собой сложную структуру, в которой объединяются семантика и валентность лексем, при установлении связей между компонентами поля, выделяются интегральные и дифференциальные признаки лексем в соответствии с их значением и синтагматическими связями. Данный способ анализа лексического состава языка является многоступенчатой процедурой, на исходной точке которой стоит системное описание словарного состава языка, где важным является моделирование объединений лексических единиц, основанных главным образом на общность значений.

Лексико-семантическое поле (далее ЛСП) понятия «прекрасное» находится в ряду значимых лингвистических направлений исследования как один из центральных объектов лингвистического анализа, как в системе одного языка [Богуславский М., 1995; Мещерякова Ю.В., 2004; труды исследовательской группы ЛАЯз (под руководством Н.Д. Арутюновой), 2004; Аверина М.А., 2014 и др.], так и в сопоставительном плане [Окунева И.О., 2006; Клинцева Ю.В., 2007; Пак А.О, 2009; Садриева Г.А., 2013 и др.]. Также в нынешних научных реалиях все больший интерес ученых вызывает вопрос о становлении данного ЛСП в

системе таджикского языка и в его сопоставлении с другими языками [Бойматова Н.К., 2019; Махмудова Ф.С., 2022; Мирзоева Г.Х., 2022].

При этом в современном языкознании становится актуальным анализ ЛСП «Прекрасное» в триединстве «истина», «добро», «красота» [Столович Л.Н., 1994; Арутюнова Н.Д., 2000; Хабарова О.В. и др.], которое берет свое начало из научных изысканий философской науки.

Исследование гиперконцепта и ЛСП «Прекрасное» имеет высокую значимость для языка и культуры всех народов мира, поскольку оно относится к списку самых значимых ценностных ориентиров жизнедеятельности человека и устанавливает межличностные отношения людей. Несмотря на то, что данная тема находится под пристальным вниманием многих ученых-лингвистов, в ней все еще продолжают выявляться новые научно значимые аспекты, появляются вопросы, связанные с постоянным изменением взглядов и оценками человеком окружающего мира и самого себя в нем.

Актуальность данного исследования обуславливается недостаточной разработанностью в сопоставительном языкознании механизма репрезентации лексико-семантического поля «Прекрасное/Зебой» в триединстве «красота/зебой», «добро/некй», «истина/хақиқат» в русском и таджикском языках в сравнении с родственными/неродственными языками, важностью описания ЛСП «Прекрасное/Зебой» в сопоставительном плане в русском и таджикском языках.

Понятие «прекрасное» и его центральные компоненты – «красота», «добро», «истина» не раз становились предметом лингвистического анализа. Ранее концепты «красота», «добро», «истина» рассматривались в сопоставительном плане в русском, английском, башкирском, китайском и ряде других языков, но в таджикском языке в сопоставлении с русским языком исследование проводится впервые. Особо отметить, что в таджикской лингвистической науке каждые из ранее отмеченных языковых единиц рассматривались как отдельные понятийные категории. В представленной исследовательской работе впервые предпринята попытка научно описать ЛСП

«Прекрасное/Зебой» в триединстве «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат» в русском и таджикском языках.

Объектом исследования является семантика, структура и функционирование понятия «Прекрасное/Зебой» в триединстве «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат», а также его отражение в художественном пространстве русского и таджикского языков.

Предметом сопоставительного исследования является лексико-семантическое поле «Прекрасное/Зебой» в триединстве «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат» в русском и таджикском языках.

Практическим языковым материалом работы послужили данные выборки лексических единиц, репрезентирующих понятие «Прекрасное/Зебой» из одноязычных и двуязычных толковых, фразеологических и этимологических словарей русского и таджикского языков: «Толкового словаря живого великорусского языка» [Даль В.И., 1863], «Малый академический словарь русского языка» [МАС, 1986], «Этимологический словарь русского языка» [Макс Фасмер, 1986], «Большой толковый словарь русского языка» [БТСРЯ под ред. Кузнецова С.А., 2000], «Толковый словарь русского языка» [ТСРЯ, Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю., 2006], «Большой академический словарь русского языка» [БАСРЯ, 2007], «Этимологический словарь русского языка» [Крылов Г.А., 2009], «Толковый словарь русского языка (с включением происхождения слов)» [ТСРЯ, 2011], «Новый русско-таджикский словарь» [РТС, Калонтарова Я.И., 2007], «Новый таджикско-русский словарь» [ТРС, Калонтарова Я.И., 2008], «Фарҳанги забони тоҷикӣ» [ФЗТ, в 2-х томах, 1969], «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» [ФТЗТ, в 2х томах, 2008], «Ғиёс-ул-луғот» [«Толковые словари таджикского языка», в 3-х томах, 1987] и др.

Материалом исследования послужили также произведения русских и таджикских писателей и их переводы на анализируемые нами языки: Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (перевод на таджикский язык Шамси Собира), Саади Шерози «Гулистон» (перевод на русский язык Алиева Рустама,

Старостина Анатолия), а также данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Национального корпуса таджикского языка (НКТЯ).

Всего в работе проанализировано более 3000 лексических единиц, входящих в состав ЛСП «Прекрасное/Зебой» в русском и таджикском языках.

Целью диссертационного исследования является комплексное исследование, описание и сопоставление понятия «*прекрасное – зебой*», а также моделирование лексико-семантического поля «Прекрасное/Зебой» в триединстве «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат» в русском и таджикском языках на материале словарей и художественных произведений.

Для достижения цели поставлены **следующие задачи:**

1) выписать из лексикографических источников русского и таджикского языков лексические единицы понятийного поля «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат», в которых закрепились семантическая характеристика понятия «Прекрасное/Зебой» в сопоставляемых языках;

2) описать лексико-семантическую и функциональную характеристику семантического поля «Прекрасное/Зебой» в русском и таджикском языках;

3) исследовать и описать структурно-семантические особенности функционирования лексико-семантического поля «Прекрасное/Зебой» в триединстве «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат» в русском и таджикском языках;

4) выявить и описать лексические особенности понятийного поля «Прекрасное/Зебой» в фразеологической и паремиологической системе сопоставляемых языков;

5) описать особенности отражения лексико-семантического поля «Прекрасное/Зебой» в триединстве «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат» в художественном пространстве русского и таджикского языков.

б) выявить триединство лексико-семантических полей «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат» как ядерных компонентов лексического пространства «Прекрасное/Зебой» в языке оригинала и в переводе на

исследуемые языки произведений «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского и «Гулистон» Саади Шерози.

Методы и приемы исследования обусловлены спецификой объекта, языкового материала, целей и задач работы. В рамках общенаучного подхода применялись методы контрастивного (сопоставительного) и типологического анализа, прием техники сплошной выборки языкового материала, семантического и описательного анализа, метод моделирования, метод компонентного анализа словарных дефиниций, метод структурно-семантического анализа, а также использовались элементы количественно-статистического метода анализа.

Научная новизна исследования:

- впервые проведено сопоставительно-типологическое исследование лексических единиц со значением *«Прекрасное/Зебой»* на материале двух разноструктурных языков (русский и таджикский);

- выявлены типологические сходства и различия семантического поля *«Прекрасное/Зебой»* в сопоставляемых языках на материале словарных дефиниций, паремиологии и фразеологии;

- описана структура семантического анализа функционирования понятия *«Прекрасное/Зебой»* в триединстве *«красота/зебой»* – *«добро/некї»* – *«истина/ҳақиқат»* в сопоставляемых языках;

- сделана попытка описать национально-специфический характер изучаемого понятия *«Прекрасное/Зебой»* в условиях сравнительного анализа русского и таджикского языков;

- выявлены особенности отражения понятийного поля *«Прекрасное/Зебой»* в триединстве *«красота/зебой»* – *«добро/некї»* – *«истина/ҳақиқат»* в художественном пространстве сравниваемых языков.

Теоретическая значимость диссертационной работы состоит в развитии основных положений теории языка, лексикологии, семасиологии, описания средств и способов межкультурной коммуникации, паремиологической системы, внесении определенного вклада в описание лексических единиц русского и таджикского языков.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты научного исследования могут быть применены на теоретических и практических курсах по русской и таджикской лексикологии, лексикографии, по теории и практике перевода (русский-таджикский, таджикский-русский), сравнительно-сопоставительной типологии, спецкурсам и спецсеминарам по типологии языков, а также на занятиях по русскому и таджикскому языку как неродному в образовательной площадке.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Лексико-семантическое поле «Прекрасное/Зебой» представляет собой сложное, многослойное, структурное образование, которое имеет универсальные и специфические аспекты, отражаемые в ментальности и языковой репрезентации сознания русского и таджикского народов.

2. Лексические полевые сферы «Прекрасное/Зебой» в русском и таджикском лингвокультурном пространстве отличаются разнообразием фразеологических и вербальных средств репрезентации. Эти средства способны семантически объективироваться, как свойства и признаки ценностных феноменов красоты, добра и истины.

3. Лексико-семантическое поле «Прекрасное/Зебой» образует доминантный этико-эстетический сектор языковой картины мира, посредством лексико-семантических знаков, словообразовательных дериватов и устойчивых оборотов языка с компонентами «*красота/зебой*», «*добро/некӣ*», «*истина/ҳақиқат*» и (или) их однокоренных единиц.

4. В понятийном поле тройственного союза «*красота/зебой*» – «*добро/некӣ*» – «*истина/ҳақиқат*» актуализируется, помимо референтного значения, вся этически-эстетическая и нравственно значимая информация, которая формируется на базе лингвокультурного значения ключевого знака - лексемы «Прекрасное/Зебой».

5. Как аксиологическое ментально-деривационное образование, гиперполе «Прекрасное/Зебой» содержит в себе главным образом оценку ценностей русского и таджикского народа, отражаемых в понятийных связях «красиво»-

«некрасиво», «хорошо»-«плохо», «правильно-неправильно», что формирует аксиологическую трехплановость, тройственность данного ЛСП.

6. Лексико-семантическое поле «Прекрасное/Зебой», как сложное деривационно-лингвистическое единством, отражает в своем семантическом наполнении следующие ключевые для русских и таджикских культур и национального менталитета понятия и смыслы: «нравственное качество», «внутреннее содержание», «внешность», «духовность», «добро», «идеал», «истина». Для русской лингвокультуры также значимым являются понятие «внешность» в аспекте «женской/мужской красоты», а для таджикского языкового и культурного мира синонимичность «внешности» и «внутреннего содержания» отражается во внутритекстовой связи сочетания «духтар-модар» («девушка-мама»)

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы докладывались и обсуждались на заседаниях кафедры общего языкознания и сравнительной типологии Таджикского национального университета. Основные результаты и выводы исследования были представлены на различных международных, республиканских межвузовских научно-практических конференциях, таких как «Актуальные проблемы русской филологии, сравнительной типологии и перевода» (Душанбе, 30 октября 2019г.), «Проблемы формирования вторичной языковой личности на занятиях в школе и вузе» (Душанбе, 6-7 марта 2020 года); «Актуальные вопросы русской филологии, типологии и перевода» (Душанбе, 30 октября 2019г.), X-ой научно-практическая конференция «Ломоносовские чтения» (Душанбе, 24–25 апреля 2020 г.)

По теме диссертационного исследования опубликовано 11 статей, из них 5 в рецензируемых научных журналах, входящих в реестр ВАК РФ.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании кафедры общего языкознания и сравнительной типологии Таджикского национального университета с участием кафедр теории и практики перевода и межкультурной коммуникации, таджикского языка и методики преподавания

таджикского языка и литературы, русского языка для нефилологических факультетов (протокол ____ от _____).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения. В работе содержатся 6 схем, 2 диаграммы и 4 таблицы, в которых приводятся данные, иллюстрирующие основные положения исследовательской работы.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ПРЕКРАСНОЕ/ЗЕБОЙ» В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

1.1. Лексико-семантическое поле как актуальное направление исследования в лингвистике

Лексика как объект изучения является многообразной, многоаспектной и в то же время целостно-структурной системой, которая дает исследователю возможность построить дифференциальные, но в то же время взаимосвязанные подсистемы лексем различного класса и уровня. Обычно изучение лексической системы любого языка направлено на установление лексических группировок различного объема и типа, и в последующем выявлении их межсистемных связей между собой. Всесторонние поиски путей изучения и установления системных отношений между лексическими компонентами определённой лексической группировки привели к возникновению в лингвистической науке теории семантического поля.

Изучение лексико-семантического поля как лингвистической единицы берет свое начало с XIX-го века, когда началось стремительное развитие лексикографии. В лингвистической науке проблема ЛСП, как один из объектов исследования сравнительно-сопоставительной типологии, занимает в ней особое место.

Анализ ЛСП слов различных классов позволяет выяснить семантику и валентность лексем, выявить общие и универсальные черты в структуре родственных/неродственных языков, что является основополагающей целью сравнительно - сопоставительного языкознания и когнитивной лингвистики.

Полевое структурирование лексико-семантических отношений позволяет раскрыть «связи между языковыми явлениями и внеязыковой действительностью» [39, 99-100], выявить национально-специфические черты в языковом сознании носителей. Семантическое поле является своеобразным структурированным представлением о мире, заложенном в сознании носителя языка и «каждое семантическое поле присущим только данному языку способом

членит тот кусок действительности, который оно отражает» [92, 24]. ЛСП – это особая, иерархически организованная совокупность языковых единиц, принадлежащих к разным частям речи и объединённых семантическим инвариантом.

Считается, что впервые понятие «поля» было использовано в языкознании Й. Триром [1931]. Его основной заслугой в этой области было то, что он разграничил понятия “лексического” и “понятийного” поля и ввёл их в научную терминологическую базу лингвистически. И лексические и семантические поля должны подразделяться на слова и понятия, но при этом «составные компоненты лексического поля полностью покрывают сферу соответствующего семантического поля» [219, 347].

В дальнейшем сущность данного термина было раскрыто в научных работах О. Духачека [1960], Е. Косерну [1981], Л. Вайсгербера [2004] и др.

Слово «поле» в русском языке многозначно и представляет собой некую рамку пространственных, территориальных отношений элементов. В современном языкознании понятие «поле» используется для обозначения совокупности лексических единиц, объединённых на основании общности содержания (при этом не должно исключаться общность формальных показателей) и обозначаемых ими предметов, функционального и понятийного сходства отражаемых явлений.

В современной лингвистической науке существует очень много теоретических информации и методологических изысканий по изучению поля. Данная область исследования состоит из разных точек зрения, но все так или иначе подчёркивают идею семантической связи лексического состава языка. Продуктивность использование теоретической и методологической базы «поля» в лингвистике главным образом заключается в том, что именно в этом понятии лингвисты смогли показать идею о существовании некой структурной величины в языке, где гармонично объединяются лексика и ее понятийные характеристики в лексико-семантическую структуру.

Значимыми в этой области являются труды Ю.М. Караулова [1972], который подчеркивает необходимость разграничения лексического состава на «семантические поля (например, поле «свет»), тематические группы (например, «наименования комнатных растений»), лексико-семантические группы (например, ЛСГ со значением «родства»), синонимические группы (например, ряд с инвариантным значением «честный»), ономаσιологические ряды (например, выражение понятия «добро» глаголом)» [92, 314].

Важную роль при понимании теория поля занимает работа Г.С. Щура «Теория поля в лингвистике» [1974]. В своем труде ученый пытается систематизировать и обобщить данные о полевых структурах.

В.Г. Адмони предлагает интересную интерпретацию теории поля в работе «Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики» [1988], где отмечает в качестве главного признака полевой структуры максимальную полноту и интенсивность признаков в центре поля, и разноплановость на периферийной части. При этом части поля могут совпадать при выражении общего сегмента. Также он указывает на то, что разные секторы периферии неравномерно насыщены от центра поля [4, 51]. В.Г. Адмони отмечает, что полевая структура свойственна как грамматическим категориям и формам, так и другим языковым явлениям [4,77].

Среди трудов по теории поля значимыми также являются исследования В.М. Павлова [1996], в которых раскрываются проблемы и принципы полевого строения и структурирования языковой системы, поле как воплощение континуального начала в языковой системе и проблема классификации ее единиц.

Также важно отдельно отметить масштабный проект, организованный группой петербургских лингвистов под руководством А.В. Бондарко, направленный на изучение поля под названием «Теория функциональной грамматики», которая проводилась в течение 80-90-х годов XX века. В подходе А.В. Бондарко семантика обычно анализируется в пределах отдельно взятой единицы, категории и класса. Концепция, представленная петербургскими лингвистами, рассматривала значение на основании функционально-

семантических полей. Главной задачей при описании поля была подробная «инвентаризация» значений, входящих в состав исследуемого поля, и конечно же, средства формальных выражений этих семантических связей.

В определении понятия «поле» существуют разногласия в разъяснении данного термина в языкознании, причиной которых являются проблемы внутренней организации и внутрисистемных связей в лексико-семантических системах, возможная соотносимость лексико-семантических групп и лексико-семантического поля. «Здесь членом семантических полей являются лексико-семантические группы (ЛСГ), то есть для ЛСГ семантическое поле выступает в роле родового понятия» [239, 127]. Так, лексико-семантическое поле (ЛСП), лексико-семантическая группа (ЛСГ) и лексико-тематическая группа (ЛТГ) являются взаимосвязанными между собой понятиями, где основным связующим звеном является семантическое поле.

Выделяют три основных подхода к определению структуры и сущности ЛСП: ономаσιологический, семасиологический и синтаксический. В основе ономаσιологического подхода лежит принципе системности и группировки языковых единиц, соотносимые с единым общим понятием и имеющие функциональную и семантическую близость между собой.

В основе семасиологического подхода к изучению ЛСП лежит определение семантической структуры слов с широкой семантикой, образование полевых систем, исследование парадигматических связей между лексемами внутри поля. В центре ЛСП находятся слова с широкой семантикой, а вокруг располагаются группы лексем с близким значением. Главный метод, используемый для изучения семантического наполнения слов в семасиологическом подходе, является компонентный анализ. Данный метод используется для описания особенности структурного объединения семантики различных лексических единиц и способствует выявлению интегральных и дифференциальных компонентов в составе их семантики. Именно этот тип анализа способствует установлению степени семантической связи отдельной лексемы с центральным компонентом поля, то есть с базовой лексемой.

Синтаксический подход в свою очередь объединяет в себя как семантический аспект, так и парадигматические связи лексических единиц в рамках определенного поля.

Таким образом, мы можем прийти к следующим выводам:

1. ЛСП, являясь системообразующей единицей, имеет сложную и весьма своеобразную структуру.

2. Все компоненты ЛСП связаны между собой в первую очередь парадигматическими отношениями.

3. Лексические парадигмы и упорядоченные классы различного типа лежат в основе организации ЛСП, и в семантическом поле они представляют собой основное структурирующее звено.

4. Ядро, как семантическая доминанта лексического поля, образует лексическая единица, выражающая общее инвариантное значение всех составных компонентов ЛСП.

5. Целостность структуры ЛСП обеспечивается внутрисистемными отношениями между компонентами поля, то есть предполагается вхождение менее сложных в более сложные единицы.

1.2. История формирования представлений о триединстве «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат»

Язык является процессом и результатом постижения, познания и оценки объективной реальности человеком, а наука о языке главным образом изучается как часть когнитивистики, которая имеет тесную связь с культурологией, психологией и философией.

Аксиологический подход к исследованию специфики становления высших духовных ценностей в лексике языка в форме культурного кода даёт возможность раскрыть сущность становления языковой картины мира.

В настоящее время исследования в русле концепции единства добра, истины и красоты как высшей духовной ценности в философии и лингвокультурологии занимают ведущую позицию. Понятия «красота», «добро»,

«истина» (далее КДИ) обозначаются исследователями как Великое триединство [П. А. Флоренский П.А., 1990, Столович Л.Н., 1994; Арутюнова Н.Д., 2004], выступая как фундаментальные ценностные понятия, которые тесно взаимодействуют между собой и образуют целостное единство.

Изучение тройственного союза этих понятий берет свое начало из философских научно-исследовательских основ. Концепция единства КДИ широко представлена в работах как зарубежных философов [Риккерт Г., 1994; Виндельбанд В., 1995], так и в трудах представителей классической русской философии [С.Л.Франк, 1931; Соловьев В.С., 1990]. В современной философии аксиологический (ценностный) подход утвердился благодаря научным трудам В.П.Тугаринова [1960] и О.Г.Дробницкого [2002]. Затем данный подход к выявлению сущности становления единства ценностей в разных его аспектах, получил свое развитие в трудах таких философов, как П.П.Гайденко [2001], Ю.Д. Железнов [2003], В.А.Васильев [2003, 2005], А.А.Ивин [2006] и другие.

Ценностный характер КДИ проявляется в категории «калокагатия» (от греч. kalos, - «прекрасный» + agathos - «хороший, добрый, благой»), которая органично соединяет в себе прекрасное и доброе. Считается, что впервые это понятие было использовано Сократом [209, 135].

Для Сократа калокагатия «обнимала весь комплекс нравственных добродетелей, сопряженный с эстетической восприимчивостью», и красота главным образом стояла на одном уровне с справедливостью и мудростью [41, 337]. Для философской концепции Аристотеля и Платона характерно такое же осмысление данного понятия. Они изучали калокагатию «как гармонию внутреннего и внешнего» [209, 135]. При этом у древних греков этическим началом воспринималось понятие истинности. Так, Платон одним из первых указал вопросы о сущности красоты, «не отделяет прекрасное от доброго, благого и истинного» [171, 28]. При этом, в поиске единого начала этого тройственного союза, он устанавливает понятие «благо», как общий фундамент [171, 145].

В основе данного понятия у всех исследователей заложен гармоничный союз внешнего и внутреннего начал. Ученые этого направления [Сократ,

Аристотель, Платон, Ксенофонт и др.] пытались сначала по отдельности выявить характерные черты каждой из этих категорий, но по результату своего «научного расследования» устанавливали категорию, которая соединяет все эти понятия и осознавали, что существует единое ценностное начало, которое дифференцируется на прекрасное, доброе, истинное, и конечным результатом становилось объединение всех этих понятий как единого целого [209, 135-136].

Обратим внимание, на характеристику каждого из компонента тройственного союза отдельно:

«Красота» отражает эстетико-нравственную оценочную характеристику. Семантическая организация лексического ряда данного понятийного поля усложнена тем, что в их структуре находятся семы нравственного содержания наряду с этическими и эстетическими категориями. При этом Бог выступает как Эталон Красоты.

«Добро» выступает как фундамент нравственной категории, и стоит в основе формирования системы этических ценностей. В философских учениях Добро «служит достижению прекрасных целей» [45, 278]. Так, по утверждению В. С. Соловьева, Добро отождествляясь с Богом, становится «принципом мирового всеединства и смыслом человеческой жизни» [169, 255].

«Истина» эталон категории ценностей. Оно дарует благодать. Истина для человека является высоким идеалом его жизнедеятельности» [19, 548]. Арутюнова Н.Д., исследуя проблему становления категории Истины в духовной культуре русского народа, выделяет ИСТИНУ как доминанту всего, отмечая очевидную взаимосвязь Истины с религиозным сознанием.

Мы видим, что несмотря на различные характеристики понятий КДИ, все исследователи так или иначе отмечают общее Божественное начало этих единиц, их воссоединение в образе Бога. И для исследователей [Соловьев В.С., 1990; Флоренский П.А., 1990; Лосский Н.О., 1991 и др.] мысль о Божественной (теологической), духовной сущности Троицы КДИ является ключевой.

Аксиология религиозного мировоззрения триединства «красоты», «добра» и «истины» занимает особенное положение в русской и таджикской культурах. В

таджикской философии данное триединство напрямую олицетворяется в текстах каноны мусульманской религии, где основным ценностным ориентиром выступает понятие «ҳақ» (Господь, истина) (как одно из 99 имен Аллаха, атрибуты Аллаха) и его проявление в образе «добра» и «красоты» [250, 741].

Так, например, В. Соловьев устанавливает полное единство «красоты», «добра» и «истины» в творчестве Ф.М. Достоевского в своей работе «Три речи в память Достоевского» [1990]. Говоря о союзе этих понятий, он отмечает, что «в своих убеждениях он (т.е. Достоевский Ф.М.) никогда не отделял истину от добра и красоты, в своем художественном творчестве он никогда не ставил красоту отдельно от добра и истины. И он был прав, потому что эти три живут только своим союзом. Добро, отделенное от истины и красоты, есть только неопределенное чувство, бессильный порыв, истина, отвлеченная есть пустое слово, а красота без добра и истины есть кумир» [169, 85-86]. При этом, не выходя за рамки нашего триединства, В. Соловьев выдвигает на первый план теологическое (божественное) обоснование данного единства: «Открывшаяся в Христе бесконечность человеческой жизни... – эта идея есть вместе и величайшее добро, и высочайшая истина, и совершеннейшая красота. Истина есть добро, мыслимое человеческим умом; красота есть то же добро и та же истина, телесно воплощенная в живой конкретной форме» [169, 85-86]. Ярким примером представленной позиции может послужить отрывок из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «...Здесь дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» (БК, с.136)

В таджикском языковом, культурном и религиозном мире также в центре стоит указание на божественный союз КДИ в понимании «Прекрасного». Это особенность ярко отражена в работах Саади Шерози. В его произведениях выделены границы «красоты/зебой», «добра/некй» и «истины/ҳақиқат», божественная общность этих понятийных категорий жизнедеятельности человека. Так, например, в содержании его произведения «Гулистон» («Розовый сад») часто встречаются слова *Ҳақ (Бог)*, *Ҳақ таоло (Всевышний Господь)*. Лексема «Ҳақ» в соответствии с переводом на русский язык соответствует слову «истина», но

обретает черты божественного в рамках понятийных полей «красота» и «добро» [250, 741].

В соответствии с вышеуказанными положениями, мы установили, что в науке представление о триединстве **«красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат»:**

- выражено в нравственно-эстетическом начале;
- является ключевым ценностным понятием, формирующее аксиологическую систему человеческого общества;
- имеет общий сакральный смысл и становится ведущей категорией становления человеческого существования и его языковой реализации в русской и таджикской лингвокультурах.

Так, рассматриваемое триединство становится доминантой категории «Прекрасного/Зебой» в русском и таджикском языках.

Учитывая вышеизложенные научные положения о триединстве КДИ в ЛСП «Прекрасное/Зебой», их союзное выражение в текстах произведений Ф.М. Достоевского и Саади Шерози, мы провели свой анализ единства КДИ в русском и таджикском языках на базе значимых лингвокультурных текстов этих писателей, а именно: произведений «Преступление и наказание» («Ҷиноят ва Ҷазо») и «Гулистон» («Розовый сад»).

1.3. Лексико-семантическое поле «ПРЕКРАСНОЕ/ЗЕБОИ» в триединстве «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат» в русском и таджикском языках

Красота присуща живому и вообще всему жизненному, начиная от самых малых частиц, таких как атомы, и заканчивая Вселенной, и мы являемся его частью. Но для каждого индивида, для каждой в целом взятой нации присуще своё понимание и видение прекрасного, в зависимости от истории и места развития, что имеет непосредственное влияние на язык. Раскрывая лексико-семантическое поле (ЛСП) слова «прекрасное», мы можем выделить 3 основных «очага возгорания» – «красота», «добро», «истина». Если мы видим прекрасное во

внешнем облике человека, мы чаще используем слово «красота» (эстетика); если мы говорим о внутреннем качестве человека, то мы используем лексему «добро» (этика). При этом очень редко мы видим прекрасное в понимании слова «истина», так как оно носит в себе не только эстетический и этический характер, но и психологический.

Триада понятий «истина», «добро», «красота» представлено в книге «Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразное» [2004] под редакцией Арутюновой Н.Д., где главным образом собраны научные статьи группы исследователей в данном направлении.

Настоящая исследовательская работа посвящена изучению того, как в лексике и семантике русского и таджикского языков представлена великая триада «истина/ҳаққиқат», «добро/некӣ», «красота/зебой», «каковы отношения между этими понятиями, как они формируются, и, наконец, как они пересекаются, вторгаясь во владения своих «соседей» и образуя общие зоны» [111, 6], как они становятся «коммуникативными соседями» в концепте «Прекрасное/Зебой».

Говоря о Триаде этих лексем, в первую очередь, мы видим именно различие в их семантической направленности и даже занимаемом положении в основных сферах жизни человека: науке (ментальном мире), религии, искусстве. «В каждой сфере доминирует один из компонентов Триады, но в них присутствуют и его партнеры, которые, однако, видоизменяют свое значение, приспособившись к доминанте» [111, 8]. Например, в религии доминантой выступает понятие «добро», и истинное вероучение семантически раскрывает «истину», а знание духовного мира воспринимается как «красота» духовного мира всего, сведя внешнюю красоту к нулю. Также в вере центральным понятием выступает «добро», которое указывает верный («истинный») путь к абсолютному совершенству – к «Прекрасному». Наука понимает «истину» как истинностную оценку суждений и теорий, которые научно доказаны, превращая «добро» в целесообразность и пользу, а «красоте» старается «придать геометричность, превратив ее в правильную схему» [111, 9]. В искусстве, напротив, в центре стоит «красота», сближенная с мастерством, неотделимая от озарения – прозрения

истины. Это отношение и соответствие между содержанием и формой, допущение прикосновений на первый взгляд совершенно разных лексем вызывает научный интерес у исследователя и именно изучение вышеуказанных особенностей в сравнительно-сопоставительном плане (в данном случае в русском и таджикском языках) повышает ценность нашей исследовательской работы.

Для анализа и выявления ЛСП важно в первую очередь изучить словарные статьи. Так, в «Толковом словаре русского языка» (с включением сведений о происхождении слов) [ТСРЯ – Отв. ред. Н. Ю. Шведова, 2011] и в толковом словаре таджикского языка «Фарҳанги забони тоҷикӣ» [ФЗТ – в 2-х томах, 1969] мы смогли проследить взаимную связь в дефинициях изучаемых нами лексем (Схема 1, Схема 2).

*Установление связи лексем «КРАСОТА/ЗЕБОЙ» - «ДОБРО/НЕКӢ» - «ИСТИНА/ҲАҚИҚАТ»
в дефиниции слова ПРЕКРАСНОЕ/ЗЕБОЙ
в соответствии с Толковым словарем русского языка*

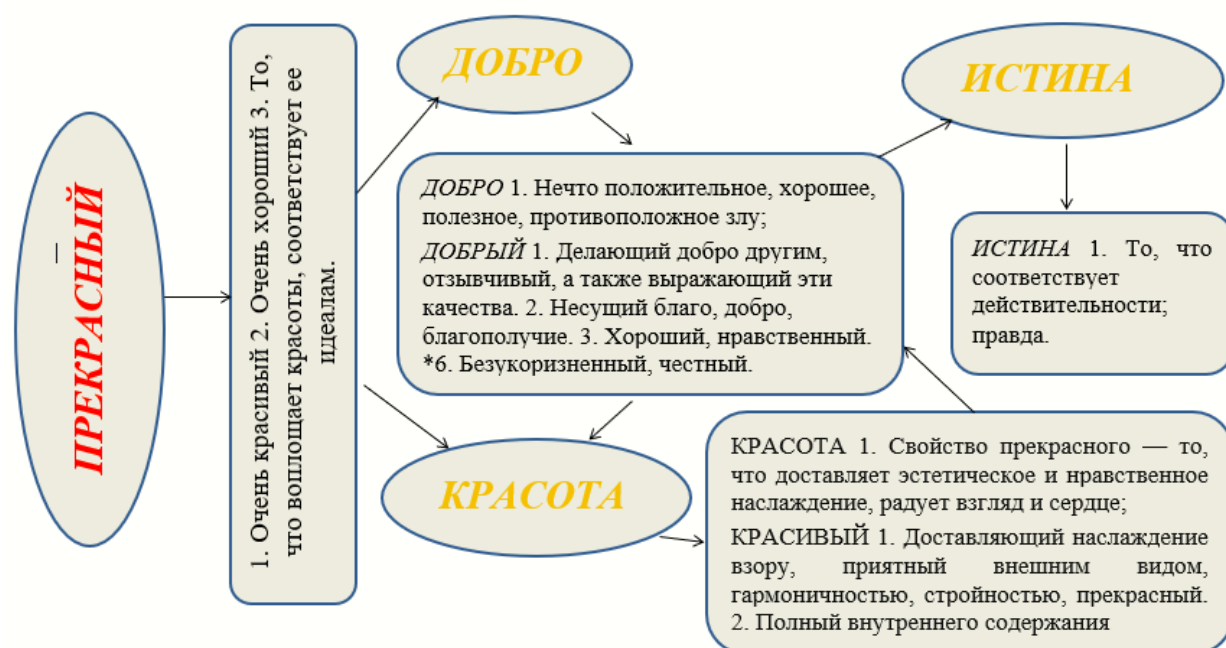

Схема 1.

Установление связи лексем «КРАСОТА/ЗЕБОЙ» - «ДОБРО/НЕКӢ» - «ИСТИНА/ҲАҚИҚАТ»
в дефиниции слова ПРЕКРАСНОЕ/ЗЕБОЙ
в соответствии с Толковым словарем таджикского языка

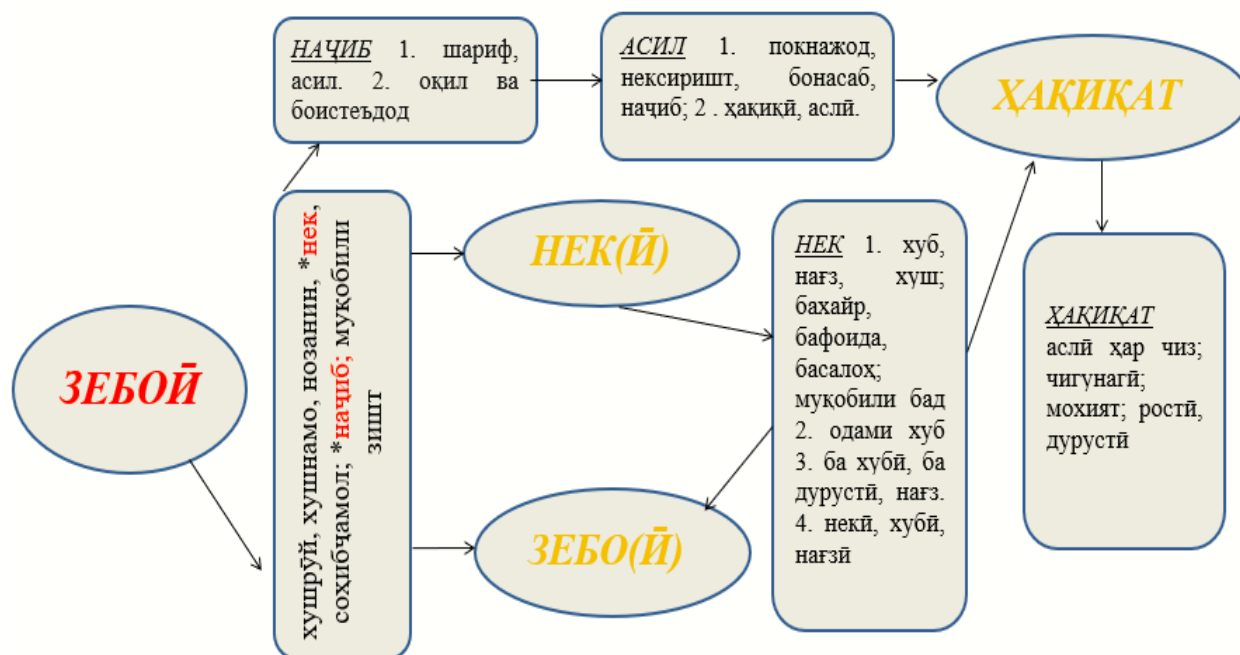

Схема 2.

В русском языке, как показывает представленная схема, лексема «Прекрасное» в ТСРЯ (с включением происхождения слов) [2011] имеет следующие толкования:

1. очень красивый; 2. очень хороший; 3. то, что воплощает красоту, соответствует ее идеалам [248, 722], которые имеют прямое семантическое указание к лексемам «добро» и «красота». К понятию «истина» прямого семантического указания не установлено. Слово «истина», как показывает схема, исходит от лексемы добро (б. Безукоризненный, честный).

В таджикском языке, как показывает следующая схема, лексема «Прекрасное/Зебой» имеет прямую связь с понятиями «красота/зебой» – «добро/некӢ» – «истина/ҳақиқат»: *хушрӯй (красивый), хушнамо (видный), нозанин (нежный), нек (хороший, добрый), соҳибчамол (красивый); начиб (превосходный, честный); муқобили зиншт (противоположное злу) [250, 448].* Лексическим репрезентантом этой связи выступают слова *нек (хороший, добрый), начиб (превосходный, честный)* и их понятийные характеристики.

В представленных схемах наглядно показана связь между лексемами «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат», и, главным образом, выявляется исходная позиция, на которой стоит понятие «прекрасное». При этом мы видим, что тройственный союз на первый взгляд совершенно разных лексем проявляется не только на уровне занимаемом положении в основных сферах жизни человека, но и в толковании данных слов в русском и таджикском языках.

Далее мы более подробно исследуем ядерные компоненты ЛСП «Прекрасное/Зебой» «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат» в русском и таджикском языках.

1.3.1. Общая характеристика лексических средств выражения ЛСП «КРАСОТА/ЗЕБОЙ» в русском и таджикском языках

Разделение членов триады по антропоцентрическим сферам, их формоизменение и модификации, их постоянное «вторжение в соседние зоны» и аксиологическая «агрессия» занимают значимую позицию в настоящей работе. На данном этапе постараемся научно обосновать весьма изменчивое взаимодействие «красоты» с ее соседями — «истиной» и «добром».

Для закрепления вышеуказанных слов, приведем несколько примеров. Так, *добрый молодец*, скорее, красив и силен, чем добр; обычно в позиции предиката прилагательное «прекрасный» сопровождается уточнением: *прекрасная жена, прекрасная женщина, прекрасная хозяйка, прекрасная работница и прекрасная дама*, где каждая из этих представительниц прекрасного пола прекрасны по-разному, но при этом последнее сочетание свидетельствует только о визуальном восприятии красивой женщины.

Попытаемся подробно раскрыть семантические и лексические особенности понятия красоты, что позволит нам научно обосновать наши исследовательские положения. В первую очередь, выясним первоначальную семантику ядерной лексемы «красота/зебой» в русском и таджикском языках, пользуясь сведениями из этимологических словарей.

В этимологическом словаре русского языка [2009] отмечается, что слово «**красота**» состоит из корня «**крас-**», оно схоже с древневерхненемецкими и древнеисландскими словами со значениями «хвалиться», «слава». Также здесь приводится гипотеза о возможном сближении с литовским словом *grožis, grazus*, обозначающим «красота, красивый». На основе возможного колебания инициальной фонемы g/k, считается возможным сходство древнеславянского корня «крас-» с латинским *gratia*, которое через слово *gratus* сближается с санскритским *gurtas* – welcome, agreeable, thankful, orig. approved. Этот корень восходит к балтийским и древним индо-иранским словам, обозначающим «восхваление» [237, 367].

При этом в этимологическом словаре М. Фасмера [1986] приводится совсем другая составляющая происхождения слова «красота». Считается, что данное слово произошло от прилагательного «красный», а корнем этих слов является слово **Ра**. Раньше в речи не использовалось слово **красивый**, а было только слово **красный**. Можно это аргументировать тем, что есть слово **прекрасный**, а слова **прекрасивый** – нет. А красный цвет назывался червоным. Поэтому мы очень часто в сказках сталкиваемся со словосочетаниями: красна-девица, красно-Солнышко. В избах обязательно было место под названием красный угол – самое светлое место в доме, в которое можно было пройти только по особому приглашению хозяев. Также, в качестве примера, можно привести всеми знакомое сочетание Красная Площадь. Либо красная цена – самая высокая цена.

Вдобавок ко всему предполагается, что данное слово состоит из трех древнеславянских слогов: К-РА-СА. Где **К** – соединение, **Ра** – Бог солнца, **Са** – Положение, принадлежащие.

Нашим женщинам дана в удел другая, высшая красота (Гончаров И., с.521). Когда-то она слыла красавицей, но красота с нее очень скоро соскочила (Муму, с.10).

Исследуя этимологию слова «**зебой**» (то есть красота) в таджикском языке, мы выделяем основу (زي باي ى) «зеб», что означает «вид», «образ», «внешний облик» и используется как по отношению к живым существам, так и по

отношению к предметам. Также из этого слова можно выделить другую основу «зебо», которое имеет уже несколько другое значение, а именно: «красивый», «привлекательный», «хороший».

Для более полного представления изучаемого нами поля важно провести лексико-семантический анализ его содержания на основе словарных статей, так как именно в словарях фиксируются те определения, которые наиболее устоялись и оформились в языке.

Так как лексема «красота» имеет словообразовательную связь с лексемой «красивый», а также этимологически имеет непосредственную связь со словом «краса», мы будем рассматривать дефиниции этих слов в комплексе.

Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» [1863] В. И. Даля КРАСОТА –

«1. Свойство прекрасного, отвлеченное понятие красивого, изящество. 2. Красивый, красный или прекрасный, одаренный красотой, уряженный красою, нравный чувству изящного, пригожий, видный, взрачный человек. 3. Красавицей приветливо зовут всякую девку и молодицу. 4. Кто или что красится, красуется, во мнении других» [229, 185].

В Большом академическом словаре (далее БАС, 2007), лексеме «красота» дается несколько развернутое семантическое толкование:

*«1. Свойство по значен. прил. красивый. 2. Все красивое, прекрасное. 3. Красивая внешность. 4. Нарич.поэт. Красавица. 5. Красивые места. 6. Восхитительно, замечательно (587 том 8); **красивый** 1. Отличающийся правильностью очертаний, гармонией красок, тонов, линий и т.п. 2. Отличающийся полнотой и глубиной внутреннего содержания. 3. Рассчитанный на эффект, на внешнее впечатление» [224, 572].*

В Малом академическом словаре (далее МАС, 1986) (под ред. А.П.Евгеньевой) указаны схожие толкования с БАС:

«1. Свойство по значен. прил. красивый. 2. Все красивое, прекрасное. 3. Все красивое, прекрасное. 3. Красивая, привлекательная внешность. 5. мн.ч. (красоты) Красивые места, то, что производит впечатление своим красивым

видом. б. в знач. сказ. прост. Удивительно, поразительно (123 том 2); **красивый**, 1. Приятный на вид, отличающийся правильностью очертаний, гармонией красок, || Имеющий привлекательные черты лица | | Отличающийся стройностью и изяществом движений. // Приятный для слуха, благозвучный. 2. Отличающийся полнотой и глубиной внутреннего содержания. 3. Рассчитанный на эффект, на внешнее впечатление» [244, 120].

При этом в «Толковом словаре русского языка» (ТСРЯ) С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дается следующее определение слова красота:

«1. Все красивое, прекрасное, все то, что доставляет эстетическое и нравственное наслаждение. 2. мн. Красивые, прекрасные места 3. красота!, в знач. сказ. О чем-н. очень хорошем, впечатляющем, блеск (в 3 знач.) (разг.). [242, 737]. **Красивый** 1. Доставляющий наслаждение взору, приятный внешним видом, гармоничностью, стройностью, прекрасный. 2. Полный внутреннего содержания, высоконравственный. 3. Привлекающий внимание, эффектный, но бессодержательный» [242, 735].

В Толковом словаре таджикского языка – «Фарҳанги забони тоҷикӣ» (ФЗТ, 1969) слово ЗЕБО(Ї) (красота) разъясняется как: хушрӯй (красивый), хушнамо (видный), нозанин (нежный), нек (хороший, добрый), соҳибҷамол (красивый); наҷиб (превосходный, честный); муқобили зишт (противоположное злу) [251, 448].

А в толковом словаре «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» (ФТЗТ, 2010) приводится несколько иное толкование лексемы «зебой» (красота): 1. Хушрӯй (красивый, красивое лицо), хусн (красота), ҷамол (миловидность); таносуби аъзои бадан (соотношение с частью тела). 2. Хушнамуҷдӣ (2.приятный на вид) [253, 517].

Таким образом, мы видим, что в словарях русского языка представлено обычно четыре способа толкования лексемы «красота». При этом в толковых словарях таджикского языка характеристика данному понятию дается только в двух понятийных обозначениях и семантическое разъяснение представлено в виде синонимического ряда, с использованием сложных слов. Конечно же, каждый

исследователь по-своему характеризует понятие «красота/зебой», но все, так или иначе, отмечают ее эстетическое свойство и, главным образом, выделяют внутреннюю компонентную характеристику лица (т.е. соотношение красоты и добра) в русской и таджикской языковой картине мира. Следует также заметить, что в более поздних изданиях толковых словарей эта связь утратила свои особенности. Так, например, в Толковом словаре таджикского языка «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» [2010] не указано соотношение лексемы зебой (красота) с понятием некӣ (добро). Это является показателем того, что соотношение между понятиями красота и добро постепенно искажается в сознании носителей современного языкового кода.

Понятийные характеристики ЛСП «красота» можно раскрыть также в словарях синонимов. Как и в русском, так и в таджикском языке много различных словарей синонимов, и количество представленных в них слов может быть различным. Редко в синонимических и антонимических рядах можно насчитать только два-три слова, чаще их гораздо больше. Например, в словаре синонимов Абрамова представлены такие слова, как *краса, благолепие, великолепиие, живописность, изящество, картинность, миловидность, нарядность, прелесть, пригожество, красота художественность* || *взять красотой, придавать красоту*, в качестве синонимов к слову красота. Чаще всего в качестве инвариантов используются такие слова, как *прекрасно, прелестно, великолепно, живописно, изящно, миловидно, изумительно, очаровательно* и т.д.

«Прекрасное» может также определяться лексемами – *неземная, ослепительная, жгучая, дивная, броская, сияющая*:

Про ослепительную красоту Митя неоднократно читал в романах (Акунин Б., с.43). Если бы смотрел художник, то выискал бы в ее чертах инопланетную красоту (Токарева Б., с. 247).

Понятие «красота» также проявляется в олицетворении природы. При эстетической оценке природы используются устойчивые выражения: *золотая осень, райский сад, неизведанное царство*.

Кроме того, в качестве синонимов могут выступать не только односложные слова, но и словосочетания и фразеологизмы: *глаз не оторвешь; любо-дорого глядеть; хорош собой; восхищает взгляд; счастливая внешность, взять красотой* и т.д.

Красота может сравниваться с образами героев литературы. Например, *Афродита (богиня любви и красоты), Елена Прекрасная (в древнегреческой мифологии прекраснейшая из женщин), нарцисс (цветок, а также имя юноши-красавца в древнегреческой мифологии), ангел* и т.д. олицетворяют образ красивого человека. Данные слова называют именами нарицательными.

Также существует группа лексем, которая чаще всего используется в художественных произведениях, и эти слова не характерны для устной речи носителя: *картинность, художественность, пригожесть* и т.д.

В речи мыслителей понятие *красота* в большинстве случаев представлено такими компонентами, как *добро, здоровье, чистота, ум, речь, гармония, наслаждение, восхищение*: *Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой* (БК., с.136). *Красота спасет мир <...> ...если бы она добра была.* (Идиот, с.247). *Красота телесных форм <...> ...совпадает с понятием о здоровой силе...* (Афоризмы Л. Н. Толстого, с.12).

Так, богатство средств языковой репрезентации понятия «красота» в русском языке является подтверждением значимости данного слова для носителей русской языковой картины мира.

Таким образом, в «Кратком словаре синонимов таджикского языка» в качестве лексико-семантического ряда слова «*зебой*» («красота») приводятся слова *хушрӯ* (красивая), *гулчехра* (красивая), *моҳрӯ* (лунолика), *ботароват* (свежая), *гулрӯй* (красивая), *моҳлиқо* (лунолика), *хушсимо* (привлекательная), *хушрӯй* (приятная), *гулрухсор* (цветущая), *хубрӯ* (красивая), *нозанин* (нежная) [241, 83]. В свою очередь, в Толковых словарях таджикского языка кроме этих слов мы можем выделить еще несколько лексем: *ороста* (опрятный), *соҳибчамол* (красивый), *соҳибхусн* (красивый), *хусн* (красота). Также в словаре «Ғиёс-ул-луғот» слово *Хусрав* (*Хисрав*) [227, 304] тоже приводится как одна из возможных

лексем в составе понятийного поля «*красота/зебой*». Эти слова используются для передачи, раскрытия и разъяснения красоты всех живых существ и предметов.

Понятие *зебо (красота)* имеет обширное гнездо лексем, которое можно раскрыть еще глубже. Большая часть этих слов используются в равной мере, как в разговорной речи, так и в литературе.

Из данной цепочки слов специфичным и редко используемым словом является лексема *ботароват (свежий)*, основное значение, которого толкуется словами *тоза (чистый)*, *тар (свежий)*, *пуробу тоб (великолепие)*. Данное слово в переносном значении может описывать что-то новое или видоизмененное в лучшую сторону, и не используется для характеристики человека, а используется только при описании предметов.

При этом слова *хушрӯ (красивая)*, *моҳрӯ (лунолика)*, *хушсимо (приятная)* используются чаще всего по отношению к человеку. Слово *моҳрӯй (лунолика)* используется в стихотворных текстах:

*Моҳрӯй туву лозим набувад бад гуфтан,
Сарвақадди туву ҳоҷат набувад бар изҳор (А. Лахути).
(Твое лунное лицо не испортить злыми языками,
Твое изящество не выразить словами)*

Следует отметить, что круг лексем, близких к понятию *зебо (красота)*, на этом не заканчивается. Также в данный состав могут входить такие слова, как *ачиб (удивительный)*, *гул (цветок)*, *дилкаш (чарующий)*, *дурахшон (сверкающий)*, которые в свою очередь имеют свои варианты.

Считается, что синонимом слова «*ачиб/ачоиб*» (*удивительный*) может быть лексема *галатӣ (странный, необычный, удивительный)*. Важно заметить то, что при переводе слова *галат* на другой язык, к примеру, на русский, нам словарь выдаст такие значения, как *ошибка, просчёт, упущение*. При использовании данного слова в определенном контексте оно может приобретать дополнительное значение, как «*человек, который отличается от других в лучшую сторону*»: *Ба ҳар ҳол ин як одами хеле галатӣ менамояд (Несмотря на это, он выглядит удивительным человеком)* (С. Айни)

Слово «дилкаш» (*пленительный*), при характеристике человеческих черт может иметь такие синонимы, как *дилрабо* (*пленительный*), *дилпазир* (*приятный*), *дилбар* (*обворожительный*), *дилситон* (*очаровательный*), *дилчасп* (*располагающий к себе*), *дилтисанд* (*милый*), *пурқозиб*а (*чарующий*), *форам* (*нежный*), *рӯҳафзо* (*оживляющий*), *бахркушо* (*восхитительный*), *фаттон* (*соблазнительный*). В данной цепочке слов мы видим, что большая их часть однокоренные (корень «дил» – «сердце»). Общность этих слов основывается на том, что красота должна идти от сердца и истинную красоту, в первую очередь, мы чувствуем сердцем, а уже потом видим и созерцаем.

Слово *фаттон* (*очаровательный*) не употребляется в устной речи и используется зачастую в поэзии (назм): *Ба чаими масти меҳрангези фаттони ту салламно* (*Слава твоим пленительным глазам, которые очаровывают мою душу*) (М. Фархат).

Слова *дилнишин* (*приятный*), *рӯҳафзо* (*оживляющий*), *бахркушо* (*восхитительный*) чаще всего используются для описания красоты местности. Лексемы *пурқозиб*а (*притягательный*), *дилбар* (*пленительный*), *фаттон* (*очаровательный*) используются по отношению к человеку и его образу: *чаимони пурқозиб*а, *фаттон*, *дилбар* (*красивые глаза*), *нигоҳи дилбарона* (*красивый взгляд*). Слово *дилчасп* (*привлекательный*) может использоваться как по отношению к человеку, так и по отношению к местности и характеризует не только облик живых существ, но и действия, совершаемые ими: *рафтори дилчасп* (*красивый поступок*).

Все эти синонимы образуют сравнительную и превосходную степень прилагательного при присоединении суффиксов *-тар*, *-тарин*, которые по значению равны словам *очень* и *слишком* в русском языке.

Лексема *дилкаш* (*чарующий*) может также по смыслу заменяться словами *равшан* (*светлый*), *нурбор* (*сверкающий*), *барқнош* (*лучезарный*). Также для передачи особой изысканности используется слово *рахшон* (*сверкающий изнутри*): *Вай чун ҳамеша даҳонаш пур аз табассум, хурсанд ва чашмонаш*

барқнош буд (Как всегда, она улыбалась, радовалась, и ее глаза сияли) (Дж. Икромӣ).

Несмотря на обширное количество лексем, слово «гул» (*цветок*) также может входить в состав исследуемого нами ЛСП и используется в таджикской литературе при обозначении красоты девушки: *гулбадан* (*грациозная*), *гуландом* (*изящная*), *гулрух* (*с нежным лицом, красавица*), *гулрӯ(ӣ)* (*красивое лицо*), *гулчеҳра* (*красивая*). В образе цветка олицетворяется нежность, простота, изящество и пленительность девушки. Обычно, каждая девушка в доме отца в таджикском менталитете представляется как нетронутый и еще не сорванный цветок, который украшает отчий дом.

В таджикском языке существует ряд слов, которые свойственны больше всего устной речи: *хуб*, *нағз*, *сара*, *беҳ*, *хуш*, *бартар*, *авло* (в русском языке их значения равносильны слову *хорошо*). Эти слова имеют нейтральную окраску. По частотности слово «хуб» (*хороший*) используется в речи больше всего. Слова *авло* (*превосходный*), *бартар* (*лучший*), *беҳ* (*лучше*) придают предмету либо лицу возвышенность по отношению к сравниваемому.

В таджикской художественной литературе (чаще всего в поэзии) для описания красоты природы используют слово *сарсабз* (*цветущий*).

Отметим, что основная часть слов, входящих в состав ЛСП «красота» в таджикском языке, образуются при участии приставок «ба» и «бо», которые по значению равны предлогу «с» в русском языке, но при этом пишутся слитно: *базеб* (*красивый*).

Конечно же, каждый исследователь по-своему характеризует понятие «красота», но все, так или иначе, отмечают его эстетическое свойство. Также при этом следует учитывать, что на разных территориях у каждого человека есть своё восприятие мира и в зависимости от этого семантика слова может частично изменяться либо расширяться.

Таким образом, проанализировав все собранные нами данные, можно выделить следующие основные сходства и различия между двумя языками, в контексте исследуемого вопроса:

– слово «красивый» является центральным компонентом понятийной группы «красота» в русском языке. Как правило, данное слово используется авторами чаще всего, и зачастую указывает на внешние положительные очертания;

– в таджикском языке доминантой понятийной группы «красота/зебой» выступает лексема «зебо»;

– в русском и таджикском языках лексема «красота/зебой» употребляется чаще всего при оценке женской внешности и в очень редких ситуациях при оценке мужского образа;

– в таджикском языке, как и в русском, красота женщин представлена более детально, чем красота мужчин. При этом следует заметить, что для таджикского языкового мира не характерно описание мужской красоты;

– в русских и таджикских художественных текстах прослеживается ярко выраженное разграничение красоты внешней и внутренней. Вместе с тем количество слов, обозначающих внутреннюю красоту, намного меньше, чем лексических обозначений внешней красота.

1.3.2. Общая характеристика лексических средств выражения ЛСП

«ДОБРО/НЕКЪ» в русском и таджикском языках

Исследуя понятийное поле «красота/зебой» в языковой картине мира русского и таджикского народов, мы видим в первую очередь связь красоты и добра: *Соединение истины и добра рождает премудрость, в образе красоты; Не ради красоты, ради доброты; Истина, добро и красота.* Также в качестве примера можно привести цитаты известных представителей русской культуры: *Красота спасет мир <...> ...если бы она добра была (Идиот, с.247). Вот почему дело художника – это, минуя соблазн красивого зла, сделать красоту солнцем добра (М. Пришвин).*

При этом мы можем выделить не только связь красоты и добра, но и их антонимичный характер по отношению к друг другу: *Чем больше мы отдаемся*

красоте, тем больше мы удаляемся от добра (Афоризмы Л. Н. Толстого, с.12); Не ищи красоты, а ищи доброты (посл. Даль, с.221).

Важно отметить, что данная связь также установлена в вышеуказанных нами толковых словарях русского и таджикского языков, при толковании лексемы «красота/зебой» (см. параграф 1.3.1.)

Изучая историю происхождения слова «добро», Макс Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» [1986] пишет, что данная лексема этимологически происходит «от праславянского прилагательного *добрый*, от которого в числе прочего произошли: др.-русс., ст.-слав. *добръ* (др.-греч. *agathos, kalos*; Клоц., Супр.), русск. *добрый*, укр. *добрий*, болг. *добър*, сербохорв. *добар*, ж. *добра*, словенск. *dob;r*, чешск., словацк. *dobry*, польск. *dobry*, в.-луж., н.-луж. *dobry*» [256, 520-521].

Чем больше добра старается делать человек, тем больше ему воздается; мир умеет благодарить за добро; это – закономерность, чем скорее люди поймут это, тем лучше станет им жить (Муму, с.214).

Главным словом в составе лексико-семантического поля слова «**добро/некӣ**» в таджикском языке является лексема **нек**. При передаче значения «делать добро», чаще используются такие сложноименные глаголы, как *некӣ кардан, нагзӣ кардан, хубӣ кардан*. Слово «нек» происходит из «древнеперсидского «найбака» (*кара найбака или найбака кара – добрый работник или добрый солдат*). В данном слове гласный проходит три этапа изменения *най(в)бака-нейк-нек*. Сначала происходит переход дифтонга «*ай*» в «*е* (*ё*)», затем параллельное использование согласных «*б/в*» и падение согласного «*в*» [261, 18].

При разьяснении появления гласных букв таджикского языка из истоков иранского языка Додихудоев Р.Х. в своей работе «Таърихи забони тоҷикӣ» (История таджикского языка, 1987) отмечает, что в слове «нек гласная «*ё*» произошла от древнеиранского *aīwa, aya<abi*. Например, слово «нек» в среднеперсидском языке имело форму *paīwaka* и в древнеперсидском *paība*» [72, 178].

Слово «добро» также имеет свои семантические обозначения, которые отражены в толковых словарях русского языка.

Так, в БАС представлено следующее толкование данного понятия:

«Добро 1. Все положительное, хорошее. 2. Хорошее, доброе дело, поступок; хорошее отношении к кому-либо. [222, 153]; Добрый 1. Благожелательный, отзывчивый, готовый помочь людям. 2. Связанный с кем-л. взаимным расположением, симпатией, дружбой; близкий. 3. Приносящий успех, удачу; благоприятный. 4. Ничем не опороченный, не запятнанный; достойный уважения. 5. Очень хороший. 7. в значении суц. То же, что добро» [222, 164].

В МАС указаны такие семантические разъяснения для исследуемой нами лексемы, как:

«Добро 1. Все положительное, хорошее; 2. Хорошее, доброе дело» [244, 409]; Добрый «1. Расположенный к людям, сочувствия к ним, отзывчивый, готовности помочь, исполненный доброты. //Выражающий расположение, сочувствие, отзывчивость. 2. ...желании добра людям, хороший, полезный, нужный. 3. Благоприятный, несущий благо, радость, успех. 5. Отличный, очень хороший. 6. Обладающий положительными человеческими качествами... 7. Безупречный, безукоризненный; ничем не запятнанный» [244, 410].

В относительно новом ТСРЯ (2011) понятие «добро» толкуется как:

«Добро 1. Нечто положительное, хорошее, полезное, противоположное злу;» (швед, стр202); «Добрый 1. Делающий добро другим, отзывчивый, хороший. 2. Несущий добро, благо... 3. Хороший, нравственный. 4. Дружески милый, близкий... 6. Честный, безукоризненный» [248, 203].

Основной лексемой, передающей значение «добро» в таджикском языке, является слово «некй» (نیکی). Данное слово по частотности употребления в устной и письменной речи занимает один из ведущих пьедесталов в лингвокультурном пространстве таджикского народа и в толковых словарях таджикского языка представлено следующим образом:

ФЗТ (1969) – нек(ӣ) 1. хуб, нагз, хуш (хорошо); бахайр (благо), бафоида (полезный), басалоҳ (добродетель); муқобили бад (противоположный злу) 2.

одами хуб (хороший человек) 3. ба хубӣ (с добром), ба дурустӣ (праведно), нагз (хорошо). 4. Некӣ (добро), хубӣ (хорошо), нагзӣ (доброта) [251, 848].

ФТЗТ (2010) **Нек(ӣ)** 1. хуб, нагз, хуш (хорошо); бахайр (благо); муқобили бад (противоположный злу) 2. одами хуб (хороший человек); хубӣ (добро), нагзӣ (доброта), хайрхоҳӣ (доброжелательность) [252, 906].

Таким образом, в соответствии с толковыми словарями, понятийное поле лексемы «добро», как один из ядерных компонентов ЛСП «Прекрасное/Зебой», раскрывает свои характеристики посредством прилагательного «добрый/нек» в русском и таджикском языках. В связи с этим, мы рассмотрели толкование не только слова *добро*, как отдельной лексемы, но акцентировали свое внимание именно на его значении в форме прилагательного – *добрый/нек*.

Кроме того, что в современном русском и таджикском языках доброта преимущественно употребляется в значении «отзывчивость, стремление делать добро в характере человека» [242, 145], нами зафиксировано в толковании этого понятия связь «добра» не только с понятием «красоты», но и указание на возможное компонентное соотношение с понятийным полем «истина/ҳақиқат», как тройственный союз в составе ЛСП «Прекрасное/Зебой» в сопоставляемых нами языках (см. «добрый» – 7 знач. *Ничем не запятнанный, безупречный, безукоризненный* в БАС; «нек» (добрый) – 3 знач. *ба дурустӣ (праведно)* в ФЗТ).

В русской языковой картине мира «добро» есть красота внутренняя, духовная. Данная характеристика изучаемого ЛСП наиболее четко раскрыта в статье Н.Д. Арутюновой «Истина. Добро. Красота: взаимодействие концептов» [2004].

Слово «добро» в любом контексте употребляется как «исключительно модальное, оценочное, прескриптивное, т.е. выражает позитивное отношение реального или предполагаемого субъекта к объекту» [116, 24].

При этом стоит не забывать о лексеме *хорошо*, то есть мы часто говорим делать добро в значении «делать хорошее»: *У доброго коня хозяев много, а у хорошего человека – друзей* (посл. Даль, с.268).

Лексемы *милосердие* и *мягкосердечие* в русском языке являются одним из основных качеств доброты и относятся к книжному стилю речи. По семантике понятию «милосердие» сопутствуют такие лексемы, как: *сострадание, человеколюбие, снисхождение* и *оказание помощи*, а к мягкосердечию относятся: *мягкость, добросердечность, доброжелательность, искренность, приветливость, щедрость, уступчивость, снисходительность и отзывчивость*.
 Пример: *От приветливых слов язык не отсохнет* (Даль, с.246)

Также в состав ЛСП добро входят такие лексемы как *расположение, тяготение, сердечность, сочувствие, любовь и великодушие*, которые семантически передают чувство, сопрягаемые с добром: *Где любовь, тут и Бог. Бог – любовь* (Даль посл, с.466).

Благотворительность и *альтруизм* также являются базисными понятиями ЛСП добро, которые в свою очередь имеют непосредственную связь с семантикой слова «**ПОМОЩЬ**». Так, лексему *помощь* (и её производные *помогать, помочь*) можно включить в состав исследуемого нами ЛСП.: *Человек держится помощью, птица – крыльями* (посл).

При этом некоторые лексемы ЛСП «добро» можно расформировать на несколько составляющих: незлобивый: *кротость + простодушие + доброта; добродетельный: высоконравственность + доброта*.

Расположение, дружелюбие, милость, отзывчивость, приветливость, самопожертвование, благожелание, сочувствие, радушие, приязнь также относятся к ЛСП добро и являются эмоциями, проявляющие доброе отношение к другим.

Стоит особо подчеркнуть лексему *дружественный*, которая входит в состав ЛСП «добро» и преимущественно используется при характеристике государств и отношений между ними: *Оказать дружескую поддержку. На дружеской ноге* (фразеол. В добрых отношениях с кем-либо).

В состав ЛСП «некий/добро» входят такие слова, как *хуб(й) (хорошо), нагз(й) (доброта), некӯ(й) (добро), некон (добрые люди), накӯ (добрый), нациб (благородный), хайр (добро), хайрхоҳ(й) (доброжелатель), хубфарчом*

(*благополучно*), *хубкирдор* (*добродетельный*), *сара* (*хороший*), *беҳ* (*лучше*), *беҳтар* (*лучший*), *авло* (*превосходный*) и т.д [241, 215].

Вслед за словом *нек* (*добрый*) слова *хуб* (*хороший*) и *нағз* (*хорошо*) употребляются в речи чаще, чем другие слова. Следует заметить, что *нек* (*добрый*) имеет привилегию в том, что, в отличие от этих лексем, чаще используется в высоких стилях речи и в литературе: *Бо нек ба некӣ бикӯш...* (*С добрым будь добр*) (Носири Хусрав).

Слова *хуб* (*хороший*) и *нағз* (*хороший*) обозначают положительное качество человека и предмета. И по значению равны слову *хорошо*: *Забон пур зи гуфтори нағз...* (*Язык полон хороших слов*) (А. Фирдоуси); *Китоби хуб аз як хазиначи бузург беҳтар аст* (*Хорошая книга лучше, чем большая сокровищница*) (Саади Шерази).

Лексема *сара* (*хороший*) чаще всего употребляются в устной речи: *кори сара* (*нағз, хуб*) – *хорошая работа*.

Такие слова, как *хайрхоҳ* (*доброжелатель*), *некон* (*добрые люди*), *начиб* (*благодетель*) используются исключительно по отношению к человеку: *хайрхоҳ* – *человек, который всем желает добра*; *начиб* – *используется по отношению к тому, кто имеет добрые намерения, действует по совести*; *некон* – *добрые люди* (здесь *-он* является окончанием множественного числа и используется только для обозначения множественного числа людей – *одамон* (*люди*), *ростон* (*праведники*)).

Все слова понятийного ряда «добро/некӣ» могут отличаться друг от друга в зависимости от стиля речи и эмоциональной окраски, но они связаны между собой одной цепью, в которой связующим звеном являются лексемы *нек* (*добро*) и *хуб* (*хорошо*).

Таким образом, изучив лексический состав и семантическое наполнение понятийного поля «добро/некӣ» в сравниваемых нами языках на основе словарей, мы определили слова, которые являются центральными компонентами ЛСП «добро/некӣ». В русском языке данными компонентами являются лексемы *хороший*, *правильный*, *милый*, *мягкий*, в таджикском – *хуш*, *хуб*, *нағз* (*хороший*), *дуруст* (*правильный*). При этом, слова *хуб*, *хуш*, *нағз* главным образом передают семантику «хорошо». Данное разграничение основывается на участии этих

лексем в семантике всех составляющих компонентов ЛСП «добро/некй» и частотности употребления представленных слов в русском и таджикском языках.

Также, при сравнении состава ЛСП «добро/некй» мы смогли выявить несколько слов с компонентом «**сердце/дил**» в исследуемых нами языках: РЯ: *добросердечный, сердечный, милосердный, мягкосердечный, золотое сердце*; ТЯ: *некдил (добросердечный), нармдил (мягкосердечный), софдил (чистосердечный), содадил (простодушный), раҳмдил (милосердный), дилсӯз (заботливый), дилнишин (приятный), дилтисанд (милый)*.

Важно заметить участие в ЛСП «добро/некй» таджикского языка таких лексем, как *некон (добрые люди), некмард (благородный мужчина), неканҷом (хороший исход), некфарҷом (добрый конец), салоҳ (доброе дело), эҳсон (оказывать милость), мужда (добрая весть), фариштахӯ(ӣ) (ангельский характер)*, семантика которых передается на русский язык не одним словом, а словосочетанием.

1.3.3. Общая характеристика лексических средств выражения ЛСП «ИСТИНА/ҲАҚИҚАТ» в русском и таджикском языках

Изучая и исследуя лексический ряд понятийных полей «красота» и «добро», мы обнаружили такие сочетания, как «истинная красота» («*зебоии ҳақиқӣ, зебоии аслӣ*»).

Попытаемся выявить, в чем же заключается связь истины с красотой и добром.

Слово «**истина**» в соответствии с Этимологическим словарем Макса Фасмера происходит от «древнерусского и старославянского слова – истина (греч. *alitheia, akriveia* правда, точность). Далее от праславянского **истий**, от которого в числе прочего произошли: др.-русск. *исто* «капитал», укр. *істий, істний* «истинный, настоящий», ст.-слав. *истъ, истовъ* «истинный, сущий», болг. *ист* «тот же самый», *исто* «также», сербохорв. *исти* «тот же самый», *исто* «точно так же», словенск. *isti* «тот же самый», чешск. *jisty* «подлинный, верный, определенный, надежный», др.-польск. *ist, isty*» [256, 142-144].

Ибо ему нужны не блеск, не богатство и даже не почесть, а только – истина! (Идиот, с.486). Все... не понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина... (ПН, с.420).

Считается, что в таджикском языке слово «Ҳақ» этимологически произошла от арабского корня **حق** - быть реальным.

Значение лексемы истина/истинный в соответствии с БАС разъясняется как:

1. В философии – адекватное отображение предметов и явлений действительности в сознании воспринимающего, познающего; объективное содержание человеческого познания. 2. То, что соответствует действительности, действительное положение вещей; правда. 3. Суждение, утверждение, положение, проверенное опытом, практикой [223, 447];
истинный *1. Действительный, настоящий, несомненный. 2. Соответствие истине, заключающей в себе истину; правильный, верный [223, 449]*

В словаре Ушакова Д.Н. «Толковый словарь современного русского языка» (ТССРЯ, 2014) дается следующее толкование к слову «Истина»:

«Истина *1. Идеал познания, заключающийся в совпадении мыслимого с действительностью, в правильном понимании, знании объективной действительности (книжн.). 2. То, что есть в действительности, соответствует действительности, правда. 3. Суждение, утверждение, основанное на житейском знании» [249, 1116].* **Истинный**, *1. Соответствующий истине (в 1 и 2 знач.), содержащий истину. 2. Подлинный, настоящий, несомненный. 3. В научных терминах употр. для определения явлений, научное понимание к-рых отличается от бытового [249, 1116].*

Лексема «**ҳақ**» и ее производное «**ҳақиқат**» в ФЗТ имеют такие значения, как:

Ҳақ *1. рост, дуруст; муқобили ботил. 2. ҳақиқат, дурустӣ; 4. яке аз номҳои Худо [250, 740];* **Ҳақиқат** *асли ҳар чиз; гуногунӣ; моҳият; ростӣ, дурустӣ; дар ҳақиқат, дар асл, ба ростӣ, аз рӯи дурустӣ ва ростӣ [250, 741].*

В русском языке в центре семной структуры понятийного ряда «**истина**» стоит лексема «**правда**» и ее дериваты: *правдивость, правосудие, правота,*

правильно, справедливость. Но при этом следует заметить, что «истина» и «правда» в современном понимании противопоставляются друг другу. Истина в отличие от правды «...тяготеет к элитарному, книжному пласту лингвокультурного пространства...» [184, 19]. Это отражено и в представленных данных основных русских толковых словарей.

Так, слово *верно* и его производные: *верный, верность, достоверно* являются неотъемлемой частью осмысления лексемы истина.

Такие слова, как: *действительно, реально, настоящее, подлинно, точно, чистый, естественный, несомненный, определенный, надежный, факт, законность, неоспоримо, святость, жизненность, аксиома, теорема, постулат* также входят в состав изучаемого нами понятия.

Лексемы *законность, неоспоримо, факт*, являются частью ЛСП истина, имеют непосредственное отношение к сфере юриспруденции. Слово *святость* имеет религиозную коннотацию. А такие слова, как *аксиома, теорема, постулат*, чаще используются в научном стиле речи.

Лексическое и смысловое поле «истина» предполагает и существование сочетаний: *внушает доверие, подлинное знание*.

В состав ЛСП «истина» также могут входить такие словосочетания, как *неоспоримая, нерушимая, незыблемая истина* (т.е. факт, который не подлежит сомнению). Такие сочетания, как *объективная, относительная, абсолютная истина* тоже имеют место быть и используются чаще всего в философских текстах.

При этом некоторые лексемы данного ряда можно расформировать на несколько составляющих: *Действительно – достоверно – верно*.

«*Ҳақ*» (*истинный*) и его производное слово «*ҳақиқат*» (*истина*) в таджикском языке является основной лексемой, которая передает значение истины. Если рассматривать данное слово с религиозной точки зрения, то слово «*Ҳақ(к)*» является одним из 99 имен атрибутов Бога: *Ҳақ(к) – Худо, Худои барҳаҳ, Худои ростӣ; Ҳаҳ субҳонаху ва таъолоҳ – Худованди поки баландмартаба*.

В состав поля «истина» главным образом входят такие слова, как *ҳақиқӣ* (истинный), *рост(ӣ)* (правдивый), *ростин* (действительный), *ростқавл* (правдивый), *ростдил* (добропорядочный), *воқеӣ* (реальный), *моҳият* (сущность), *саҳеҳ* (точно), *дуруст* (правильно) и т.д.

Эквивалентом слова «*ҳақиқат*» (истина) может выступать лексема «*аслӣ*» (*подлинный*). Данное слово не используется в просторечии и свойственно только литературной форме общения.

Слово *ҳақ* (истина) имеет также значение правильности, поэтому в его группу входят такие слова, как *дуруст* (правильно), *рост* (правда): *Ҳақ асту рост* (истинная правда). Эти слова не сильно отличаются друг от друга и могут быть взаимозаменяемыми. Следует учитывать, что в зависимости от сферы употребления, они могут иметь совсем разные значения. Например, в математике *хатти рост* (прямая линия).

По частотности слово *саҳеҳ* (достоверно, точно) используется значительно реже, чем другие.

Так, изучая лексический состав понятийного поля «истина» в русском и таджикском языках, мы видим, что его наполнение разнообразно, но все они ведут к общей заранее predetermined установке.

Все слова данного ЛСП могут отличаться друг от друга и по смысловому наполнению, и по сфере употребления, но семантика всех этих слов содержит главным образом компонент истинности как одного из основополагающих качеств всего земного.

1.4. Лексико-семантические универсалии «красота/зебой» – «добро/некӣ» – «истина/ҳақиқат» как ядерные компоненты ЛСП «Прекрасное/Зебой» в русском и таджикском языках

Лексико-семантический анализ ЛСП «Прекрасное/Зебой» в русском и таджикском языках имеет сложную многоступенчатую структуру с широкой периферией, где ядерными компонентами выступают «красота/зебой» – «добро/некӣ» – «истина/ҳақиқат». Несмотря на многослойность лексических

средств передачи понятийного комплекса тройственного союза в составе анализируемого ЛСП в сопоставляемых языках, на исходной позиции стоят ключевые слова «красота/зебой», «добро/некй», «истина/хақиқат» и их производные словообразовательные единицы.

В связи с этим важно отдельно акцентировать внимание на изучение производных лексических единиц триады «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат» в русском и таджикском языках (см. Приложение).

Лексические единицы с производной основой КРАС и ЗЕБ:

РЯ: краса, красавец, красавица, красавчик, красотка, красиво, красивость, красивый, красить(ся), краснобай, красноречие, красный, красоваться, красота (см. Приложение).

ТЯ: зебо (красивый), зебоён (красавицы), базеб (красивый), зеборуй (красивый), зеборухсор (красивое лицо), зебосимо (красивый), зебосурат (картинка), зеботалъат (красивый), зебоандом (видный), зебосират (добродушный), зеботинат (добрый), зебопараст (эстет), зебошинос (эстет), зебопайкар (стройный, статный), зебоманзар (живописный), зебосанам (красавица), зебанда (подходящий), зебидан (быть к лицу), зебунисо (изящный).

Лексические единицы с производной основой ДОБР и НЕК:

РЯ: доброта, доброжелательный, добродушный, добросердечный, добропорядочный, добродетель, добреть, добро, добродетель, доброжелатель, добряк, добродетельный, добродушный, доброжелательный, добронравный, добропорядочный, добросердечный, добросовестный, добрососедский, доброта, добрый.

ТЯ: нек (добрый), некй (добро), некон (добрые люди), некӯ(й) (доброта), некном (с добрым именем), некхӯ(й) (добродушный), некхислат (добродушный), некатвор (с хорошими манерами), некахтар (счастливый), некрӯз (счастливый), некбахт (счастливый), некайём (счастливый), некӯхат (писарь, красивый подчерк), некасар (приносящий счастье), некафъол (воспитанный), некхоҳ (доброжелатель), некандеш (доброжелатель), нексигол//некисигол (благожелатель), некрой (отзывчивый), некӯахлоқ (благовоспитанный), некфан (человек, с хорошими

знаниями), некпай (благословенный), некқадам (благословенный), неканчом (благополучный, хорошее окончание каких-л.дел), некоқибат (благополучно), неқфарчом (благополучно), неқрафтор (обходительный), неқӯравиш (добродетель), неқкор (добродетель), неқӯсухан//неқӯсахун (красноречивый), неқпайванд (друг), неқазм (благонамеренный), неқсоз (сделанный на совесть), неқдил (доброе сердце), неқахлоқ (воспитанный), неқтабиат (добродушный), неқмахзар (приветливый), неқсират (порядочный), неқӯсияр (добродетельный), неқӯниҳод (добродушный), неқӯхисол (благожелательный).

Лексические единицы с производной основой ИСТ и ҲАҚ:

РЯ: истина, истинный, истинность, истовый.

ТЯ: ҳақ (истинный), ҳаққо (поистине), ҳаққонӣ (справедливый, настоящий), ҳақгузор (благородный), ҳақвар (правый), ҳақдор (правый, праведный), ҳақравӣ (честность, порядочность), ҳақчӯй (ищущий истину), ҳақнавоз (набожный), ҳақпараст (благочестивый), ҳақпазир (приверженец правды и справедливости), ҳақбин (честный), ҳақшинос (честный, добросовестный, благодарный), ҳақиқат (истина), ҳақиқатшинос (рассудительный), ҳақиқатпардоз (правдивый), ҳақиқатгӯй (тот, кто говорит правду), ҳақиқатбин (реалист), ҳақиқатдӯст (правдолюб), ҳақиқатнигор (журналист), ҳақиқатназар (человек, который правильно мыслит) ҳақиқатталаб (бороться за правду, истину), ҳақиқатоин (религиозное восприятие истины), ҳақоик (мн.число от истина), ҳақоикшинос (справедливый), ҳақоикшунав (тот, кто следует истине), ҳақоикпазир (справедливый).

В составе производных словообразовательных единиц КДИ русского и таджикского языков прослеживается возможное участие компонента одного ряда в семантической роли другого:

КРАСОТА/ЗЕБОЙ – ДОБРО/НЕКӢ:

1. *И какие у него глаза прекрасные! (ПН, с.227) – Чаимони аҷаб зебо дорад! (с.264)*

ПреКРАСный – 1. хеле зебо (очень красивый)

2. – Какой **прекрасный** человек! (ПН, с.232) – **Аҷаб** одами **хуб** будааст!
(с.269)

ПреКРАСный –2. **хуб** (хороший)

3. Рӯйи зебо марҳами дилҳои хаста (Гул., с.128) – **Красота** лица – бальзам,
исцеляющий утомленные сердца (с.177)

ЗЕБо – 1. **красивый**

4. Як хилқати зебо беҳ аз ҳазор хилъати дебо (Гул., с.125). – **Добрая**
природа лучше тысячи шелковых платьев (с.174).

ЗЕБо –2. **добрый**

ДОБРО/НЕКӢ – КРАСОТА/ЗЕБОЙ:

1.У нее такое **доброе** лицо и глаза... (ПН., 69). – **Ситорагарм**,
мулоимтабиат аст (с.89).

ДОБРый – 1. **нек**; 2. **ситорагарм, мулоимтабиат**

2. Ҳар кӣ **некӢ** кунад, барои худ **некӢ** хостааст (Гул., с.63). – Кто творит
добро, тот творит его для себя (с.94)

НЕКӢ – 1. **добро**

3. На ҳар кӣ ба сурат **некӯст**, сирати зебо дар ӯст (Гул., с.222). – Не
всякий, кто по виду величав, имеет **хороший** нрав (с.295).

НЕКӯ (сурат) – 1. **добрый**, 2.(вид)**величав**. **ЗЕБо** (сурат) – 1.**красивый**, 2.
Хороший

4. Рӯйи **некувон** бо хатти сабз ҷустан (Гул., с.218) – **Лицо** красавицы с
девственным пушком (с.264).

НЕКувон – 1. **доброе** лицо, 2. **лицо красавицы**

ДОБРО/НЕКӢ – ИСТИНА/ҲАҚИҚАТ:

Басо номи **некӯй** панҷоҳ сол...(Гул., с.168) – Пусть полвека носил человек
свое **честное** имя...(с.130)

НЕКӯй – 1. **доброта** 2. **честное**

Найи **некон** гирифт... (Гул., с.27) – Среди отроков **правдолюбивых**...(Гул.,
с.52)

НЕКон – **добрые** люди 2. **правдолюбы**

Так, выявление и последующее сопоставление производных лексических единиц позволило нам проследить лексемы, которые еще раз доказывают тройственный союз понятийных полей *КДИ*. Например, слово *ҳақгузор* (благодарный, помнящий об оказанном ему добре) содержит в себе значение *доброты*, хотя является производной единицей поля *ҳақиқат/истина*. Или же слова *некӯсухан* (красноречивый), *некӯҳат* (красивый подчерк, писарь) и *некасар* (производящий приятное впечатление) содержат в себе компонент красоты, являются производными лексического ряда *добро*. А такие слова, как *зеботинат* (добродушный) и *зебосират* (добрый) передают значения, относящиеся к семантике слова *добро*, имея производную часть *красоты*.

Стоит еще раз заметить, что представленные производные словообразовательные лексические единицы также являются элементами нашего поля и находятся на предъядерной позиции ЛСП «Прекрасное/Зебой». Указанные выше научные утверждения главным образом основываются на данных толковых одноязычных и двуязычных словарей русского и таджикского языков [ТСРЯ, 2000; ФЗТ, 1969; РТС, 2007; ТРС, 2008].

При этом, помимо того, что нами была установлена общность в составе производных лексических единиц тройственного союза, мы смогли также проследить возможное компонентное взаимодействие других лексем понятийного поля *КДИ* как ядра ЛСП «Прекрасное/Зебой» в русском и таджикском языках. Так, например, лексема **чистый** является частью поля «добро/некий» и «истина/ҳақиқат»: ...*Совершенно знаю ...и убежден в чистоте твоего сердца* (ПН, с.449). *Она справедливости ищет... Она чистая* (ПН, с.321).

Лексемы **милый** и **хороший** способны также передавать коннотацию красоты и добра: *Вранье дело милое, потому что к правде ведет. Я был когда-то опекуном его... очень милый молодой человек...* (ПН, с.134). *Раскольников разглядел худенькое, но милое личико девочки...* (ПН, с.169).

Вот и этот тоже хороший человек! Она хорошие намерения имела. ... Спрятав свое распухшее от плача хорошенькое личико.

В таджикском языке также ярко выражено участие одной лексемы в роли компонента нескольких понятийных полей. Например, лексема **правильно/дуруст** (одна из основных лексем понятия «истина/хакикат») может быть использована для обозначения положительного качества: *одами дуруст (хуб, нагз) – правильный человек, хороший, добрый, красивый: Ҳочат нест ба дуруст кардани зоҳир, чун шунавоӣ ва биноӣ ва бӯёӣ ва ҷашоӣ ва басовӣ – Нет необходимости в окрашивании внешности, так как достаточно того, что мы слышим, видим, ощущаем и чувствуем. Марде дуруст бошӣ, агар нафс бишканӣ – Быть праведным возможно, если не поддаваться страстям [235].* Также часто используются сочетания **роҳи дуруст, роҳи нек** (правильный путь, путь добра); **номи нек** в значении честное, доброе имя: *Басо номи некӯӣ панҷоҳ сол... (Гул., с.168). – Пусть полвека носит человек своё честное имя... (с.230).*

Такой обмен одного компонента другим позволяет научно обосновать наши исследовательские доводы и показать взаимоподдержку лексем «красота/зебой» – «добро/некӣ» – «истина/хакикат», выступающих главными посредниками при реализации «прекрасного» в языке.

Таким образом, установив лексические компоненты триады, путем изучения материалов настоящего исследования, мы провели сравнительный анализ их состава, что позволило нам выявить общие лексемы для понятийного поля «красота/зебой» – «добро/некӣ» – «истина/хакикат» в русском и таджикском языках. Мы смогли выявить в РЯ – 51, а в ТЯ – 84 общих слов для всех трех лексем в качестве компонентов ЛСП «Преkrасное/Зебой» (Таблица 1.).

«ПРЕКРАСНОЕ/ЗЕБОЙ»							
«красота/зебой»		«добро/некӣ»		«истина/хакикат»		итого:	
РЯ	ТЯ	РЯ	ТЯ	РЯ	ТЯ	РЯ	ТЯ
170	194	116	209	29	56	315	459
<u>Совпадение: РЯ – 51; ТЯ – 84</u>							

Таблица 1

В соответствии с приведенными в таблице 1 собранными нами фактологическими данными на основе материалов настоящего исследования

[ТСРЯ, 2000; ФЗТ, 1969], нами была предпринята попытка выявить количество компонентов ЛСП «Прекрасное/Зебой» на базе лексического ряда понятийных полей КДИ в русском и таджикском языках. Так мы смогли научно обосновать пути соотношения тройственного союза и определить средства и способы реализации понятий КДИ в рамках ЛСП «Прекрасное/Зебой» в сопоставляемых языках.

Так, сравнивая собранные нами статистические данные, мы, в первую очередь, видим большие расхождения в средствах реализации понятийных полей КДИ. Лексических средств выражения данных понятий в составе ЛСП «Прекрасное/Зебой» в русском языке (315) меньше, чем в таджикском (459). При этом следует заметить, что в соответствии с нашими статистическими данными, основную часть состава ЛСП «Прекрасное/Зебой» в русском языке составляют лексемы понятия «красота/зебой» (170), а в таджикском языке основную часть анализируемого поля сначала занимают лексемы поля «добро/некй» (209), затем «красота/зебой» (194). Лексические единицы понятийного ряда «истина/хақиқат» также являются значимой частью ЛСП «Прекрасное/Зебой» в сопоставляемых языках. Несмотря на то, что компонентов поля «истина/хақиқат» в таджикском языке (56) больше, чем в русском (29), эти лексемы функционально и семантически идентичны между собой.

Так как установленные данной работой основные положения тройственного союза требуют более детального научного анализа, мы посвятили отдельный раздел в нашей работе «Глава II. Структурно-семантическая характеристика и особенности функционирования лексико-семантического поля «Прекрасное/Зебой» в триединстве *красота/зебой, добро/некй, истина/хақиқат* в русском и таджикском языках», где постарались детально и последовательно раскрыть особенности компонентного состава ЛСП «Прекрасное/Зебой» в сопоставляемых языках.

Выводы по первой главе

В данной исследовательской работе понятие ЛСП главным образом понимается как целостная структурная организация множеств соприкасающихся лексических единиц, которые относятся к разным частям речи, и отражают в языке определенное дискурсивное поле, объединенных на базе наличия частичной, либо полной семантической общности. В центре лексико-семантического поля заняли свое место слова с широкой семантикой, а вокруг находятся группы лексем с близким значением. В нашем случае в центре поле стоит понятие «Прекрасное/Зебой», а ядерными компонентами выступают лексемы «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат», которые являются базовым слоем нашего поля, объединенные главным образом на основе семантической общности и участия в группе общих лексем.

Таким образом, в первой главе мы постарались научно обосновать тройственный союз лексем «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат» в ЛСП «Прекрасное/Зебой» в русском и таджикском языках. Все вышеуказанные исследовательские «операции» позволили нам прийти к следующим выводам:

Уже на первом этапе изучения словарных статей мы смогли проследить в толковании слова «Прекрасное/Зебой» общность понятий «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат» в сопоставляемых нами языках (Схема 1, Схема 2). Анализируя семантику каждого компонента триады индивидуально, мы смогли выявить схожие компоненты значения в толковых словарях.

Лексема «прекрасное», имея эстетическое осмысление (красота), приобретает этическое значение и сближается по коннотативной направленности с добром и правдой-истиной. Такая связь выявлена в толковых словарях русского (ТСРЯ, 2011г.) и таджикского (ФЗТ, 1969г.) языков.

Стилистические особенности реализации ЛСП «Прекрасное/Зебой» посредством компонентов триады, имеют свои универсальные черты в русском и таджикском языках. Так, главным показателем является их использование в высоком стиле речи.

Несмотря на расхождение в количестве компонентов лексико-семантических полей «красота/зебой» (РЯ – 170; ТЯ – 194) – «добро/некй» (РЯ – 116; ТЯ – 209) – «истина/хақиқат» (РЯ – 29; ТЯ – 56), они передают схожие значения: сущность (вещи, явления), реальность, бытие и им подобные.

Прослеживается возможное участие компонента одного понятийного поля в семантической роли другого поля в рамках ЛСП «Прекрасное/Зебой» (РЯ - *доброе (красивое) лицо и глаза; милый человек, милое личико; хороший человек, хорошие намерения, хорошенькое личикои т.п.*; ТЯ – *одами дуруст, хуб, нагз (правильный человек, хороший, добрый, красивый); роҳи дуруст, роҳи нек (правильный путь, путь добра); номи нек (честное, доброе имя).*

В производных словообразовательных единицах данных слов мы смогли проследить лексем, которые передают общие значения, присущие компонентам слов *истина, добро и красота* как одни из основных лексем ЛСП «Прекрасное/Зебой».

Обобщая все вышесказанное, на основании проведенного нами сравнительного анализа материалов исследования, мы смогли определить единый общий знаменатель для триады «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат» как ядерные компоненты ЛСП «Прекрасное/Зебой» в сопоставляемых языках – понятие «ценность».

ГЛАВА II. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛЯ «ПРЕКРАСНОЕ/ЗЕБОЙ» В ТРИЕДИНСТВЕ «КРАСОТА/ЗЕБОЙ», «ДОБРО/НЕКӢ», «ИСТИНА/ҲАҚИҚАТ» В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

Состав понятийных полей «красота/зебой» – «добро/некӢ» – «истина/ҳақиқат» как ядерный компонент лексико-семантического пространства «Прекрасное/Зебой» в русском и таджикском языках представляет собой цепочку слов, состоящую из большого количества синонимов, квазисинонимов и ассоциатов, каждый из которых имеет универсальные и дифференциальные признаки по сочетаемости, степени интенсивности положительной и отрицательной оценке, эмоционально-оценочной окраске, тематической отнесенности в соответствии с участием в общей семе. Изучение лексикографического материала позволяет определить лексический состав анализируемых ЛСП и семантическое толкование, способствуя выявлению общих лексем и пересечений в их семантике.

Так как ЛСП отражает «структурную организацию множеств лексических единиц одной денотативной семантики...» [29, 59], последующее деление выявленных ранее компонентов ЛСП на лексико-семантические группы (далее ЛСГ), посредством изучения структурно-семантической организации, позволит сгруппировать возможные семантико-тематические связи в триаде КДИ в русском и таджикском языках.

2.1. Структурно-семантическая организация лексико-семантического поля «КРАСОТА/ЗЕБОЙ»

Изучение структурно-семантической организации лексического состава языка стало предметом исследования в 70-80 годы прошлого века. Именно данный способ изучения словарного состава позволяет в лингвистике научно обосновать характеристики национальной языковой картине мира, так как в процессе структурирования лексических единиц обнаруживаются языковые и

национально-специфические особенности осмысления народом окружающего мира, устанавливаются связи между группами слов различного ранга.

В соответствии с собранными нами данными из нашего материала исследования [ТСРЯ, 2000; ФЗТ, 1969], мы смогли создать примерное лексико-семантическое поле «красота/зебой» в русском и таджикском языках. Было выявлено, что понятийное поле «красота/зебой» в РЯ состоит из 170 лексем (в соответствии с ТСРЯ), а в ТЯ – из 194 лексем (в соответствии с ФЗТ). Эти компоненты, с учетом категориально-лексических сем (КЛС), разграничиваются на лексико-семантические группы (ЛСГ). В соответствии с этим, в нашем фактологическом материале было установлено участие 4 ЛСГ с несколькими подгруппами в ЛСП «красота/зебой», которые являются общими для сопоставляемых языков:

- 1) Внешнее проявление красоты; РЯ – 51,3%; ТЯ – 65,9%
- 2) Красота как внутреннее качество; РЯ – 27,6%; ТЯ – 28,8%
- 3) Человек как олицетворение красоты; РЯ – 7,6 %; ТЯ – 3,6%
- 4) Процесс создания красоты самим человеком; РЯ – 13,5%; ТЯ – 1,7%

Иерархия совпадающих типов ЛСГ в процентном соотношении выявлена с учетом семантической направленности лексем.

В соответствии с указанными выше данными ЛСГ «Внешнее проявление красоты» занимает центральное положение, как в русском, так и в таджикском языках.

1. ЛСГ «Внешнее проявление красоты» в русском языке характеризуются, в первую очередь, зрительным восприятием человеческого облика и окружающей среды. Под внешностью в данном случае подразумевается «совокупность всех разнообразных черт наружности, доступных зрительному восприятию» [139, 6]. В эту группу входят такие слова, как *видный, взрачный, симпатичный, стройный, броский, грациозный, миловидный, нарядный, солидный, стройность, живописность, картинка, и т.д.* Например: *красивость* ‘внешняя красота, привлекательность’ [225, 466]; *видный* ‘1. Доступный зрению; заметный. 2. только полн. Рослый, статный, представительный (о человеке)’ [225, 130];

живописный ‘2. Привлекающий внимание яркостью красок, необычностью, красотой’ [225, 305]; **картинный** ‘3. Производящий впечатление своей внешней красотой, красотой, красотой’ [225, 420]. В данной группе в роли основного лексического репрезентанта выступает глагол **привлечь** ‘вызвать интерес, возбудить любопытство к себе, заставить обратить на себя внимание’ [225, 972].

В таджикском языке в лексический состав данной ЛСГ входят следующие слова: *хушрӯ(ӣ)* (с красивым лицом), *гулчехра* (красивая), *хушимо* (красивое лицо), *ороста* (опрятная), *некрӯӣ* (миловидный), *дӯстрӯӣ* (симпатичная), *зебо* (красивая), *покизарӯӣ* (чистое, приятное лицо), *сурат* (облик), *симо* (лицо), *хусн* (привлекательность), *талъат* (лицо), *шамол* (образ, облик), *чамол* (миловидность) и т.п. Например: **зебо(ӣ)** ‘хушруй, хушнамо, нозанин, нек, сохибчамол; начиб; муқобили зишт’ (красивый, привлекательный, обаятельный, добрый, противоположность безобразного) [250, 360]; **хусн** ‘хушруй, зебой, чамол’ (красивый, красивая внешность) [251, 760]; **чамол** ‘хушрӯӣ, зебой, хусн’ (красота, внешний облик) [251, 771]; **дӯстрӯ(ӣ)** ‘он ки хама кас ӯро дӯст медоранд, писандида, мақбул’ (тот, кого все любят, приятный) [250, 410]; **хубчехр(а)** ‘хушрӯ, зебо, сохибчамол, сохибхусн’ (красивая, стройная) [251, 499]. Анализируя словарные статьи в приведенных выше примерах, мы видим, что центральным лексическим репрезентантом выступает лексема *рӯӣ* (лицо), как важная часть внешнего облика.

В текстах художественной литературы встречается также немало примеров, обосновывающих семантические качества данной ЛСГ: 1. *Дуня...с сверкающими глазами, смотрела на него.... Он не видал ее столь прекрасною...* (ПН, с. 503). – *Дуня...чаимони шахлои тобон ба ӯ дӯхт. Свидгайлов ...духтарро ин қадар зебо ва ин қадар дилрабо дида набуд* (ҶҶ, с. 582). 2. *Соня была... довольно хорошенькая блондинка, с замечательными голубыми глазами* (ПН, с. 188). – *Соня духтари малламӯи хушрӯякак буду чаимони кабуди зебое дошт* (ҶҶ, с. 218). 3. *Авдотья Романовна была замечательно хороша собою – высокая, удивительно стройная, сильная, самоуверенная* (ПН, с. 206). – *Авдотья Романовна духтаре буд бағоят хушсурат – болобаланд, қоматаи аҷаб мавзун,*

худаиш пурқувват, мағрур (ҶҶ, с. 241). 4. *Лизавета Ивановна, красота неописанная!* (ПН, с. 87) – *Лизавета Ивановна, эй сарвари хубон!* (ҶҶ, с. 100). 5. *Светленькие волосики... губки аленькие, пухленькие, ножки – прелесть!..* (ПН, 487). – *Муӣҳояи кушодаранги силсила, лабчаҳояи дӯммоқу ақиқ, пойчаҳояи – офати ҷон!* (ҶҶ, с. 564). 6. ... – *По-моему, это лучше красоты, а она еще к тому же и собой картинка* (ПН, с. 487). – *...ба хаёлам, хусну латофат аз ин зиёд намешавад, зайр аз ин худи вай суратзеб* (ҶҶ, с. 564).

Выбор эквивалента для перевода компонентов ЛСП *красота\себой* с русского языка на таджикский и наоборот имеет свои особенности. Чаще всего передача значений лексем данного ряда соответствует русско-таджикским/таджикско-русским двуязычным словарям. Например: 1. *сверкающие глаза – чаимони шаҳлои тобон* (шаҳло – большие и блестящие (о глазах) [234, 309]; тобон – сверкающий, блестящие [234,259]); 2. *Хорошенькая – хушрӯяк(ак)* [233, 257]; 6. *Картинка – суратзеб* [233, 89].

Либо выбирается компонент, близкий по значению и входящий в синонимический ряд данного понятия. Например: 1. *прекрасный – ин қадар зебо, ин қадар дилрабо* (прекрасный – хеле зебо [233, 182]). Здесь предлагается более широкое толкование, чем в исходном тексте, при участии усилительной частицы; 2. *замечательный – зебо* (замечательный – шоёни диққат, аҷоиб [233, 69]); 3. *Хороша собой – хушсурат; 6. красота – хусну латофат* (хусну ҷамол – красота [234, 293]).

Важную роль при переводе художественного текста занимают конструкции, в которых сохраняется элемент метафоричности и не нарушена естественность: 4. *красота неописанная – сарвари хубон; 5. прелесть – офати ҷон!* Такие примеры воспринимаются как деструктемы ввиду низкой частотности употребления в русском и таджикском языках.

Для обозначения красоты во внешнем облике в русском и таджикском языках много универсальных особенностей. Так, например, в ЛСГ «**Внешнее проявление красоты**» выделяются две подгруппы в обоих языках:

1) **«отдельные внешние атрибуты»** – части тела, черты лица, либо другие внешние качества:

В РЯ: луноликая, кареглазая, румянощекая, краснощекая;

В ТЯ: *Хушрӯ(ӣ)* (с красивым лицом), *гулчехра* (красивая), *моҳрӯ(ӣ)* (луноликая), *некрӯӣ* (миловидный), *дӯстрӯӣ* (симпатичная), *покизарӯӣ* (чистое, приятное лицо), *некувон* (красивый), *биҳиштирӯӣ* (красивый), *малоиксурат* (ангельское лицо).

В комнатке находились еще.... и здоровая, **краснощекая** девушка (ПН, с. 471). – *Дар ин ҳуҷрача як духтариҳарду рӯяш суп-сурхи боқуввате ҳам буд* (ҶҶ, с. 546).

краснощекая – рӯяш суп-сурх. Переводчик указывает дословный перевод, не нарушая естественности выражения смысла языка оригинала.

Данная подгруппа характеризуется участием сложных слов, в составе которых указана лексема – часть тела (*щека, глаза, лицо*) в русском языке, а в таджикском преимущественное участие лексем с компонентом *рӯӣ* (*лицо*) и его инвариантов *чехра, абрӯвон, сурат*.

2) **«характеристика внешности человека путём оценки его наружности»:**

В РЯ: *прекрасное (лицо), жгучие (глаза), нежные (руки), ослепительные (волосы) и красивая (улыбка) и т.п.*

В ТЯ: (*либоси*) *ороста* (красивая одежда), (*руйи*) *зебо* (красивое лицо), (*қаду қомати*) *саҳисарв* (стройная фигура), (*овози*) *форам* (приятный голос), *дасти нигор* (прелестные руки), (*чаимони*) *нурбор* - (лучезарные глаза) и т.п.

В составе слов этой подгруппы нет прямого указания на какую-либо часть тела, либо черты лица. Оценка наружности происходит путем возможного уточнения при участии описываемого предмета, лица в составе словосочетания, то есть нет прямого указания на внешние атрибуты, как это было в вышеуказанной подгруппе.

Например: 1. ...Было что-нибудь в этой довольно **красивой и солидной физиономии** действительно неприятное... (ПН, с. 149). – *Агар дар ин чехраи*

хеле зебо ва босалобат дар ҳаққиқат ягон аломати нафратовар... (ҶҶ, с. 174). 2. Уличным, дребезжащим, но довольно **приятным** и сильным **голосом** она выпевала романс... (ПН, с. 158). – Духтарак бо овози кӯчагии ларзон ва босе **дилнишину** баланд романс месароид... (ҶҶ, с. 184). 3. И какие у него **глаза прекрасные**, и какое все **лицо прекрасное!** (ПН, с. 227). – Чашмони **ачаб зебо** дорад, **чехраиш** ҳам **ачоиб!** (ҶҶ, с. 264). 4. Он был замечательно хорош собою, с **прекрасными** темными **глазами**... (ПН, с. 6). – Вай багоят чавони барно буд, **чашмони** сиёҳи **зебо** дошт... (ҶҶ, с. 5). 5.... Тем вид ее становился любезнее, тем **очаровательнее** делалась ее **улыбка** (ПН, с. 102). – ...Ифодаи чехраи ӯ ҳамон қадар ҳалимонатар ва **табассум**.... ҳамон қадар **қозибтар** мешуд (ҶҶ, с. 119).

Соответствует словарю: 1. **Красивый** – **зебо** [234, 121]; **солидный** – **босалобат** [233,224]; 2. **Приятный** – **дилкаш, дилнишин** [233, 189]; 4. **прекрасный** – **хеле зебо** [233,182].

Выбор компонента, близкого по значению: 3. **прекрасный** – **ачоиб** (**прекрасный** – **хеле зебо** [233, 182]); **очаровательный** – **қозибтар** (**очаровательный** – **дилбар, фатгон, бисёр хушрӯ** [233, 155]).

Здесь есть также слова, которые не имеют отношения к характеристике лица, но при этом характеризуют поведение, свойства личности, манеру одеваться, статус:

В РЯ: *элегантный, бравый, эффектный, стильный, солидный;*

В ТЯ: *озода (элегантная); босалобат (солидный).*

1. ... *Уважаемому и солидному человеку, как Петр Петрович ...* (ПН, с. 390) – *Петр Петрович барин як одами муътабар ва мухтарам...* (ҶҶ, с. 452). 2. *Это было бравое солдатское лицо...* (ПН, с. 52). – *Аз чехраи вай солдати далер....надид меомад...* (ҶҶ, с. 58).

Соответствует словарю: 1. **солидный** – **босалобат** [233, 224]; 2. **бравый** – **далер**.

«Данным прилагательным даётся эстетическая оценка, которая является, субъективной» [139, 10].

Также встречается группа лексем с переносным значением:

РЯ: *ослепляющая, оживляющая, неземная, жгучая;*

ТЯ: *дурахшон (сияющая), дилнишин (привлекательный, приятный), дилбар (обворожительный), дилчӯ (желанный), баҳркушо (восхитительный), барқпош (сверкающий);*

1...Становятся похожими на мешки с мукой, чем на оживляющих и развязных общество кавалеров... (ПН, с. 300) – ...Аз касони бетакалуфи анчуманоро дида бештар ба ҳайкали бечон табдил меёбанд (ҶҶ, с. 348). 2. В ней не было чего-нибудь особенно едкого, жгучего... (ПН, с. 433). – ...он қадар ҳам чонситон ва тоқатгудоз набуд... (ҶҶ, с. 501).

Сохраняется элемент метафоричности, не нарушая естественность в языке перевода: *1. оживляющий (общество) – анчуманоро; 2. жгучей – чонситон.*

При внешней эстетической оценке не менее важную роль играют лексемы с компонентами, указывающими на божественное происхождение красоты:

РЯ: *райская;*

ТЯ: *биҳиштируӣ (райская, прелестная), малоиксурат (ангельское лицо), парирухсор (красавия);*

И в продолжение всего того райского дня моей жизни... (ПН, с. 25). – Бақияи ҳамон рӯзи босаодати умри худам.... (ҶҶ, с. 27).

Выбор лексемы, близкой по значению: *райский – босаодат.*

В составе данной ЛСГ в русском языке зафиксировано участие особой микрогруппы «Зрительное восприятие». Сюда входят такие лексемы, как «ненаглядный», «видный», «завидный», «миловидный», «благовидный», «взрачный» (устаревшее слово). В семантике этих слов нетрудно выделить общий компонент, связанный с понятием «глаза», что свидетельствует об участии родственных, однокоренных слов «глядеть», «видеть», «зрак». Так как первостепенным в распознавании красоты является именно зрительное восприятие (а глаза выступают в роле инструмента), в форме и семантике этих слов зафиксирована именно эта сема: *1. Другая же дама... видная женщина (ПН, с. 98). – ...Як занаки ба назар намоене буд (ҶҶ, с. 115). 2. В дверях наскочила*

задом на одного **видного** офицера... (ПН, с. 104). – Дар пеши дар бо пушташ ба як офитсери **салобатнок** дакка хурд... (ҶҶ, с. 121).

Соответствие словарю: 1. **видная** – **намоён** [233, 26];

Выбор синонима: 2. **Видный** – **салобатнок**.

В таджикском языке на базе собранного нами материала не было установлено участие лексической группы с компонентом *чаим* (глаза), но есть возможное функционирование лексем *намуд*, *шакл* (вид): *хушнамуд*, *паришакл*.

Также на основании общего семантического компонента можно выделить еще одну микрогруппу «красивый, значит кто-то либо что-то, что может привлечь, приглядеться, вызвать интерес, или даже пригодиться, прельстить». В русском языке в эту группу можно отнести такие слова, как «*привлекательный*», «*приятный*», «*пригожий*», «*прелестный*», «*прекрасный*», «*пленительный*», «*очаровательный*», «*обворожительный*» и другие.

В таджикском языке в данную группу входят сложные слова, где главным элементом выступает лексема **дил** (**сердце**): *дилнишин* (привлекательный, приятный), *дилрабо* (милый, пленительный), *дилпазир* (приятный), *дилбар* (обворожительный), *дилчу* (желанный), *дилситон* (очаровательный), *дилчасп* (привлекательный), *дилписанд* (приятный сердцу, по душе).

1. Обаяние **прелестной**, добродетельной и образованной женщины могло...**привлечь** к нему... (ПН, с. 311). – **Фатонату дилрабои** зани **соҳибчамол**, меҳрубон ва бомаърифат... одамонро ба атрофи ӯ кашида... (ҶҶ, с. 360). 2. **Прекрасный** образ Дуни...навекы остался как одно из самых **прекрасных**... (ПН, с. 529). – Аз ҳамон вақт ин ҷониб тимсоли **хушнамои** Дуния якумрӣ дар қалби Соня чун руъёи **оличаноб** маъво гирифта буд (ҶҶ, с. 613). 3. Аркадий Иванович был человек с весьма **обворожительными** манерами (ПН, с. 509). – Аркадий Иванович бо рафтору гуфтораши одами хеле **дилбар** мешуд (ҶҶ, с. 588).

Выбор синонима, с учетом коннотативной направленности: 1. **прелестная** – **соҳибчамол**, **привлечь** (к нему) – **атрофи** (ӯ) **кашид** (прелестная зебо, хушрӯй, *дилрабо*, **привлечь** – *чалб кардан* [233, 183]); 2. **прекрасный** – **хушнамои**,

прекрасный – олицаноб (*прекрасный – бисёр хушруй, хеле зебо, бисёр нагз* [233, 182]); 3. *Обворожительный – дилбар*.

Основная характеристика представленных микрогрупп заключается в участии в своеобразной коммуникации, где в первом случае направление коммуникации осуществляется «от видящего к видимому», во втором «от привлекающего к привлекаемому».

Так, было установлено, что в русском и таджикском языках основная часть слов ЛСП «красота/зебой» представлены в форме прилагательного и сочетаются с существительными, обозначающими наименования лиц разного возраста, как правило, юный или зрелый, но не пожилой.

В таджикском языке, например, часто используются сочетания *зани зебо* (*красивая женщина*), *кӯдаки мохрӯй* (*луноликий ребенок*), *духтари соҳибҳусн* (*стройная девушка*), но нами не было обнаружено сочетания *пиразани зебо, соҳибҳусн, мохрӯй* (*красивая старуха*).

1. *Лицо его, весьма свежее и даже красивое...* (ПН, с. 149). – *Рӯи хеле ботароват ва ҳатто зебои ӯ...* (ҶҶ, с. 174). 2. *Что-то было ужасно неприятное в этом красивом и чрезвычайно молоджавом лице* (ПН, с. 474). – *Дар чеҳраи зебои ӯ, ки нисбат ба синну солаш хеле чавон менамуд, осори як чизи нофораму нафратоваре нақш баста буд* (ҶҶ, с. 549).

Соответствие словарю: 1. *свежее – ботароват*, (*тароват – свежий* [234, 252]); 2. *Красивый – зебо*, [234, 121]; *моложавый – чавон* [233, 112];

В русском языке гендерные характеристики в представленных прилагательных не имеют ярко очерченных границ, поэтому указанные нами лексемы обозначены в словаре в основном в начальной форме прилагательного (единственное число, мужской род): *красивый (-ая)*, *нарядный (-ая)*, *стильный (-ая)*, *шикарный (-ая)*:

В таджикском языке нет обозначения категории рода и прилагательные ЛСП «красота/зебой» чаще всего указывают на лицо именно женского пола. Но не исключается возможное указание на мужской пол без ярко выраженных грамматических характеристик. Это обусловлено тем, что для лингвокультурного

пространства таджикского народа не характерно восхваление внешней мужской красоты.

1. – Какой **прекрасный** (муж.род) человек! (ПН, с. 232) – **Ачаб** одами хуб будааст! (ҶҶ, с. 269). 2. А я уверена, что она... **прекрасная** (жен.род.) (ПН, с. 244). – *Имони ман комил, ки вай... духтари оличаноб аст* (ҶҶ, с. 282). 3. Подарите мне, **приятный** (муж.род) кавалер,... (ПН, с. 161). – *Йигити нағз,дода мерафтед....!* (ҶҶ, с. 187). 4. Он произведет на тебя впечатление **приятное** (ср.род) (ПН, с. 39). – *Вай ба ту таасуроти хубе мебахшад* (ҶҶ, с. 43).

Выбор компонента, близкого по значению и входящего в синонимический ряд: 1. **прекрасный** – **ачаб хуб**; 2. **прекрасная** – **оличаноб**; 3. **приятный** – **нағз**; 4. **приятное** – **хуб** (*приятный* – *хуш, форам, дилкаш* [233, 189]).

Еще одна интересная особенность адъективных лексем ЛСП «красоты» заключается в том, что они часто употребляются в контексте в сочетании с прилагательными, обозначающими высокий уровень интеллекта:

1. – Какой **прекрасный** человек! – ... – *Да, прекрасный, превосходный, образованный, умный...* (ПН, с. 232). – *Ачаб одами хуб будааст! ... – Ҳа, одами бисер хуб, оличаноб, бомаърифат, боақл...* (ҶҶ, с. 269). 2. Он с упоением помышлял ... о девице **очень молоденькой, очень хорошенькой, благородной и образованной** (ПН, с.311). – *Ў дар дил ягона орзуи ниҳонӣ....як духтари хеле чавон, хеле хушрӯй, бономус ва бомаърифат...* (ҶҶ, с. 360). 3. Обаяние **прелестной, добродетельной и образованной** женщины могло удивительно скрасить его... (ПН, с.311). – *Фатонату дилрабоии зани соҳибчамол, мехрубон ва бомаърифат...* (ҶҶ, с. 360).

Соответствие двуязычному словарю: 1. **умный** – **боақл** [233, 248]; 2. **молоденькая** – **чавон** [233, 112], **хорошенькая** – **хушрӯй** [233, 257], **образованная** – **бомаърифат** [233, 136];

Выбор компонента, близкого по значению: 1. **прекрасный** – **бисёр хуб** (*прекрасный* – *бисёр хушруй, хеле зебо, бисёр нағз* [233, 182]);, **превосходный** – **оличаноб** (*превосходный* – *аъло, бисёр хуб* [233, 180]); 2. **благородный** – **бономус** (*благородный* – *бошараф, наҷиб* [233, 15]); 3. **Прелестный** – **соҳибчамол**,

(*прелестный – зебо, хушрӯӣ, дилрабо [233, 183]*), *добродетельный – мехрубон* (*мехрубон – ласковый, добрый, любезный [233, 172]*).

Хотя принято считать, что внутренняя красота должна стоять выше, чем внешняя, но лексических средств выражения внутренней привлекательности намного меньше, чем внешней и в русском и в таджикском языках.

2. ЛСГ «Красота как внутреннее качество» характеризует положительные человеческие качества, которые, в первую очередь, проявляются в действиях, поведении и взаимоотношении человека и его окружения. В русском языке в данную группу входят лексемы: *красивый, милый, нежный, идеальный, скромный, хороший, добрый, здоровый и т.п.* Следует заметить, что слова данной ЛСГ также могут быть частью ЛСГ «**Внешнее проявление красоты**», так как их семантическое наполнение имеет указание, как на внутреннее качество личности, так и внешнее выражение лица. Данный вывод подтверждается толкованиями слов в словарных статьях: *красивый* «‘1. **Приятный на вид**, отличающийся правильностью очертаний... 2. ...Привлекательный, видный.’ 5. Отличающийся глубиной и полнотой **внутреннего содержания**’» [225, 466]; *милый* «‘1. **Располагающий к себе**, хороший. **Приятный на вид**, 2. Доставляющий наслаждение, удовольствие видом...’» [225, 542]; *нежный* ‘1. Проявляющий любовь, ласку по отношению к кому-л., в обращении с кем-л. Выражающий ласку, любовь, исполненный мягкости, ласки, любви. 4. Отличающийся изяществом очертаний или миниатюрностью’ [225, 622]; *хороший* ‘1. Вполне положительный. 3. только кратк. **Привлекательный**, Очень красивый,. 4. Обладающий положительными **моральными качествами**; ...добропорядочный’ [225, 1452]:

В таджикском языке ЛСГ «**Красота как внутреннее качество**» главным образом выражается в лексемах *нурбор* (*лучезарный*), *нағз* (*хороший*), *покиза* (*чистый*), *ҳасан* (*красивый, добрый*), *хубсират* (*добродетельный*), *хуб* (*хороший, добрый*), *хуш* (*хороший, приятный*) и т.п.: *покиза* ‘1. соф, тоза; холис, беғаш. 2. хуб, неку, нағз; дуруст (чистый, прозрачный)’ [250, 80]; *ҳасан* ‘1. соҳиби хусн,

зебо, хуб, некӯ (красивый, хороший, добрый) [250, 736]; **нурбор** 'пошандаи рӯшноӣ, бисёр равшан; нуронӣ, зебо (красивый, светлый человек)' [251, 877].

1. У нее такое **доброе** лицо и глаза... (ПН, с. 69). – **Ситорагарм, мулоимтабиат аст** (ҶҶ, с. 79). 2. ...Лицо ее сияло **свежестью** и здоровьем (ПН, с. 206) – ...**чеҳрааш аз тару тозагӣ ва таровату тансиҳатӣ** пурнур буд (ҶҶ, с. 241).

Выбор компонента, близкого по значению: 1. **доброе (лицо)** – **ситорагарм, мулоимтабиат**; (добрый – некӯкор, меҳрубон, раҳмдил [233, 55]).

Соответствие двуязычному словарю: 2. **свежесть** – **тару тозагӣ** [233, 212]), **здоровье** – **таровату тансиҳатӣ** [233, 75]).

В изучаемых языках, при описании внутренней красоты посредством прилагательных, нет отдельной лексики для каждого рода либо возраста:

1. **О милые** и несправедливые сердца! (ПН, с. 48). – **О қону қигарони азизи беинсоф!** (ҶҶ, с. 54). 2. ...**Нежнейшей жене нежнейшего мужа** (ПН, с. 480). – **Дар шаъни завҷаи меҳрубон ...шавҳари меҳрубон** кифоя будагист (ҶҶ, с. 556).

Сохраняется элемент метафоричности: 1. **милые (сердца)** – **қону қигарони азиз (милый – дилкаш, меҳрубон, хуб** [233, 110]).

Соответствует словарю: 2. **нежнейший** – **меҳрубон** [233, 125].

Важно заметить, что и в русском, и в таджикском языках на семантическом уровне в данной группе ярко выражена связь положительной эстетической характеристики человека с его моральными, этическими и нравственными качествами, а именно связь красоты и добра:

1. **А улыбка у ней даже очень хороша (красива)** (ПН, с. 69). – **Табассумҳои ширин** мекунад (ҶҶ, с. 79). 2. **А по-моему, хороши (добрый) человек.... Он в своем роде только хороши!** ...так много ль людей хороших останется? (ПН, с. 136). – **Ба хаёли ман, одами нағз бошад... вай ҳам дар қои худаи одами ганда нест!... оё дар дунё чандто одами нағз мемонад?** (ҶҶ, с. 159). 3. **Петр Петрович, ...и будьте тем умным и благородным человеком** (ПН, с. 304). – **Петр Петрович... ҳозир ҳам ҳамон як одами оқил ва олиҷаноб... бошад** (ҶҶ, с. 353). 4. ...**Посмотрев на свой благородный ...облик, Петр Петрович даже на мгновение утешился...** (ПН,

с.365). – *Петр Петрович чехраи нозпарвард... дида ҳатто лаҳзае таскин ёфт...* (ҶҶ, с.423).

В данном случае выбор подходящей лексемы для перевода зависит от фактора внутренней или внешней положительной характеристики лица: 1. (улыбка) *хороша* – (табассумҳои) *ширин*; 2. *хорош* (человек) – (одами) *нағз* [233, 257]; 3. *Благородный* (человек) – (одами) *олицаноб*; 4. *благородный* (облик) – (чехраи) *нозпарвард*.

3. В состав ЛСГ «Человек как олицетворение красоты» в русском языке входят такие слова, как *красавица, красотка, красатулька, красавец, красавчик, Афродита, Елена Прекрасная, ангел, фея, королева, принцесса, симпатия*. В толковых словарях русского языка значение данных слов представлено следующим образом: *красавец* ‘1. Красивый мужчина’ [225, 466] *красавица* ‘Красивая женщина. В обращения к девушке или молодой женщине’ [225, 466]; *аполлон* ‘2. Разг. О хорошо сложенном, красивом юноше, молодом мужчине’ [225, 44]; *афродита* ‘1. В древнегреческой мифологии: богиня любви и красоты, возникшая из морской пены’ [225, 52]; *королева* ‘3. Разг. О женщине, выделяющейся своей красотой’ [225, 458].

Здесь в роли КЛС выступает «человек» и дифференциальными семами (ДС) являются «пол» и «возраст» (мужской пол, женский пол и дети).

В таджикском языке к ЛСГ «Человек как олицетворение красоты» относятся лексемы: *шоҳид* (возлюбленная, красавица), *парӣ* (фея), *фаришта* (ангел), *санам* (красавица, возлюбленная), *нигор* (красавица): *шоҳид* ‘3. маҷ., зан ва ё ҷавони хушрӯй; маҳбуб, маҳбуба’ (пер. красивая женщина или юноша; возлюбленная) [250, 601] *парӣ* ‘1. махлуқи хурофӣ ва афсонавӣ, ки ба чашм наонамоён, хушрӯю зебо ва некукор тасаввур карда мешавад. 2. маҷ. маъшуқаи зебо’ (суеверное и мифическое существо, невидимое невооруженным глазом, красивое и доброжелательное) [250, 43].

Здесь в роли КЛС выступает также «человек», но при этом участие дифференциальных сем (ДС) «пол» и «возраст» (мужской пол, женский пол и дети) для таджикской языковой картины мира в данном случае нехарактерно. То

есть выделение внешней и внутренней красоты мужского пола посредством конкретных слов и грамматических маркеров несвойственно таджикскому народу, но лексем, передающих красоту женщины (также детей и молодых девушек), очень много и каждое из этих слов имеет эмоциональную окраску.

Очевидно, что лексемы данной группы в русском языке имеют разные ассоциативные семы. Например, лексемы *красавица*, *красотка*, *красатулька*, *ангел*, *фея*, *королева*, *принцесса* вряд ли будут ассоциироваться со взрослым мужчиной, но скорее будут адресованы женщине, либо ребенку.

При этом в составе ЛСГ «**Человек как олицетворение красоты**» участвует подгруппа, объединённая на основе выражения общего лексического значения посредством обозначения человека именами мифологических и сказочных персонажей (*ангел*, *фея*, *королева*, *принцесса*). Здесь могут быть как исконно русские прецедентные сюжеты: «*королева*», «*царевна*», «*фея*», «*Елена Прекрасная*», так и заимствованные, известные во всём мире: «*Афродита*», «*Аполлон*».

Единицы этой лексико-семантической группы отличаются от единиц первой группы тем, что, кроме общей оценки внешности, человек также характеризуется по какому-либо конкретному параметру, представляющемуся носителем языкового культурного кода привлекательным или непривлекательным.

Например: 1. *Будь Авдотья Романовна одета как королева...* (ПН, с. 217). – *Агар сарулибоси Авдоля Романовна аз они шоҳдухтарон барин мешуд...* (ҶҶ, с. 253). 2. *...Ее даже можно было назвать красавицей* (ПН, с. 206). – *...Ўро ҳатто соҳибчамол ҳам гуфтан мумкин буд* (ҶҶ, с. 241).

Соответствует словарю: 1. *королева* – *шоҳдухтар* (*шоҳзан*) [233, 97];; 2. *красавица* – *соҳибчамол* [234, 243].

4. ЛСГ «Процесс создания красоты самим человеком» в русском и таджикском языках выражается глаголами и глагольными формами.

В русском языка в эту группу входят слова: *красить*, *красоваться*, *украшать*, *ослепить*, *очаровать*, *привлечь*, *хорошить*, *расцветать*. **Красить** ‘4. Делать красивым, украшать. Подкрашивать себе лицо, губы’ [225, 466];

украшать ‘1. Придать красивый вид при помощи чего-л. Сделать кого-, что-л. Нарядным, красивым. 2. Придать привлекательный, красивый...’ [225, 1381].

В таджикском языке в нашем материале мы смогли выявить такие компоненты для данной ЛСГ, как *зебидан* (*быть к лицу*), *оростан\оростан* (*украшать, наряжать*), *пероии* (*украшать*) и т.д.: *зебидан* (*украшать, быть к лицу*) 1. *оридан, оростан, зинат гирифтан, хушнамо шудан* [251, 448]; *оростан\оростан* (*украшать, наряжать*) 1. *зинат додан, зебу зинат додан, музайян кардан, оро додан*. 3. *обод кардан, маъмур кардан*. 4. *дуруст кардан; соз кардан* [251, 924]; *пероии* (*украшать*) *зеб додан, зинат додан, ороии* [250, 51].

Также в таджикском языке преимущественно используются сложноименные глагольные лексемы с семантикой красоты: *оро додан* (*украшать*), *зебо гардонидан* (*строить*), *зебу зиннат додан* (*украшать*) и т.д.

Здесь предполагается возможность создание красоты человеком.

1. *Обаяние... женщины могло удивительно скрасить его дорогу* (ПН, с. 311). – *Фатонату дилрабоии зан... роҳи мақому мартабаи ўро обод ва равон кард....* (ҶҶ, с. 360). 2. *Петр Петрович усиленно поспешил ...успеть принарядиться и прикраситься в ожидании невесты* (ПН, с. 149). – *Петр Петрович худ зӯр зад ...истиқбол кардани арӯс худро ороста кунад, пардоз диҳад...* (ҶҶ, с. 173).

Выбор лексемы, близкой по значению 1. *скрасить* (*дорогу*) – *обод ва равон кард* (*обод – благоустроенный, цветущий, возделанный* [234, 198]).

Соответствует словарю: 2. *принарядиться – ороста кунад* (*нарядиться – ороста кардан* [233, 121]), *прикраситься – пардоз диҳад* (*пардоз – краситься* [234, 210]).

Представленные лексемы имеют также 2 подгруппы, которые отличаются по своей семантической направленности:

I. «Демонстрация красоты» (*красоваться, ослеплять, привлекать, очаровывать, восхищать*); *красоваться* ‘1. Привлекать внимание, выделяться своей красотой. 2. Находиться на видном месте, быть на виду. 3. Выставлять себя напоказ, любуясь собой, своей наружностью, поведением и т.п.’ [225, 477];

ослепить 2. Поразить, произвести сильное впечатление на кого-л. О. кого-л. красотой, блеском наряда. [225, 730]; **привлечь** ‘Вызвать интерес, возбудить любопытство к себе, заставить обратить на себя внимание’ [225, 972]; **очаровать** ‘2. Произвести чарующее, неотразимое впечатление на кого-, что-л’. [225, 769]. Семантическое наполнение данной группы объединяется на основании лексических сочетаний «привлекать внимание», «вызвать интерес».

...*Выражение лица ее... невольно **привлекало** к ней (ПН, с. 241).* – ...*Ифодаи чехраи духтар... **назари диққати касро беихтиёр ба худ мекашид** (ҶҶ, с. 279).*

Более широкое толкование, чем в исходном тексте. Также есть соответствие со словарной статьей: **привлекало к ней** – **назари диққати касро ба худ мекашид** (*привлекать, привлечь – диққатро чалб кардан, кашидан* [233, 184]).

II. «Изменение внешности» (*стройнить, хорошить, расцветать*) **хорошить** ‘Становиться красивее, приобретать более привлекательный вид.’ [225, 1452] **расцвети** ‘2. Приобрести цветущий вид. Похорошить’ [225, 1104]

В представленной ЛСГ важным является изменение внешности, направленной на создание положительной эстетической красоты. Например: ...*Совсем другая особа выходит, и помолодела, и **похорошела** (ПН, с. 24).* – ... *Ба як зани тамоман дигар хел монанд шуда ва ҳам чавонтару ва ҳам **хушрӯйтар** шуда буд (ҶҶ, с. 25).*

Похорошела – хушрӯйтар шуд [233, 257].

Проведенный лингвокультурологический анализ лексем ЛСП «красота/зебой» в русском и таджикском языках позволяет констатировать следующее:

В исследуемых языках были выявлены идентичные лексико-семантические группы ЛСП «красота/зебой», где ЛСГ «Внешнее проявление красоты» (РЯ-58,3%, ТЯ-68,4%) является основополагающим, а лексических средств выражения внутренней красоты сравнительно мало.

Именованье человека как олицетворение прекрасного посредством лексики имеет свои универсальные и дифференциальные черты в русском и таджикском языках.

С точки зрения возрастной характеристики в русском языке слова *красавица, красавец, королева* используются по отношению к лицам любого возраста. Для обозначения лиц молодого возраста употребляются существительные *красотка, красавчик, картинка, куколка, принцесса*. При обращении к детям также используют существительные *куколка* и *принцесса*. При этом для исследуемых языков нехарактерно указание пожилого возраста.

Проанализированные лексемы также могут различаться с точки зрения гендерной характеристики следующим образом: только о женщине: *красавица, красотка, королева, принцесса*. По отношению к мужчине: *красавец, красавчик*.

2.2. Структурно-семантическая организация лексико-семантического поля «ДОБРО/НЕКЪ»

На основе изучения, собранного нами фактологического материала, который включает в себя перечень данных толковых одноязычных и двуязычных словарей русского и таджикского языков, было выявлено, что лексико-семантическое поле «добро/некѣ» в русском языке состоит из 116 слов, а в таджикском – из 209.

В процессе структурно-семантического анализа было установлено, что ЛСП «добро/некѣ» в исследуемых языках, разграничиваются на 3 лексико-семантические группы (ЛСГ):

- 1) Человек как носитель доброты; РЯ – 8,5%, ТЯ – 5,5%
- 2) Добро как качество характера; РЯ – 51,2%, ТЯ – 57,5%
- 3) Внешнее выражение доброты; РЯ – 40,3%, ТЯ – 37%

С учетом частотности семантической общности компонентов ЛСП «добро/некѣ» в русском и таджикском языках, мы смогли определить иерархию совпадающих типов ЛСГ в процентном соотношении.

1. Лексические компоненты ЛСГ «Человек как носитель доброты», описывают человека как олицетворение добра, как основной носитель доброты, что является его внутренним качеством и выражается в его межличностных взаимоотношениях и действиях. В состав данного ЛСГ входят следующие лексемы: *добряк, доброжелатель, альтруист, добродетель, благодетель, благотворитель, ангел*. Например, *добряк* (разг.) ‘добрый, бесхитростный человек’ [225, 265]; *альтруист* ‘человек, проявляющий бескорыстную заботу, готовность жертвовать своими личными интересами для других’ [225, 36]. Несмотря на то, что данные лексемы относятся к одной и той же ЛСГ, лексические репрезентанты в данных дефинициях отличаются. Здесь в роли дифференциальной семы (ДС) выступают понятия «цель», «оценка», «объект», «интенсивность», «проявление эмоций», «поступок», а КЛС является «человек».

В таджикском языке в семантике лексем, называющих человека как главного носителя доброты, выявляются следующие основополагающие качества: преданность, честность, дружелюбие, поддержка, а также олицетворение божественного в образе человека: *некон (добрые люди), дӯст (друг), некпайванд (товарищ), фаришта (ангел), парӣ (ангел)*. Например, *некпайванд* ‘дӯст, рафик, шарик; некхоҳ’ (друг, приятель, доброжелатель) [251, 848]; *муҳсин* ‘эхсонкунанда, соҳиби хайрот, некӯкор’ (благотворитель, делающий добро) [253, 872]

1. *Не для того я убил, чтобы... сделаться благодетелем* человечества (ПН, с. 426). – *На барои он куштам, ки... сонӣ валинеъмат* инсоният шавам (ҶҶ, с. 492). 2. *Они сами миллионами людей изводят, да еще за добродетель* почитают (ПН, с. 427) – *Худи онҳо миллион-миллион одамро қир мекунанд ва инро кори хайр* медонанд (ҶҶ, с. 494);

Трансформация слова, при сохранении семантической целостности: 1. *благодетель* – *валинеъмат* (*неъмат* – благо, благодеяние [234, 191]); 2. *добродетель* – *кори хайр* (*кори хайр* – доброе дело [234, 271])

2. В ЛСГ «Доброта как качество характера»_в русском языке входят лексемы, которые обозначают добрые качества характера человека и признак

объекта, связанный с добротой: *добрый, милосердный, мягкосердечный, добродушный, добросердечный, великодушный, хороший, приятный, прекрасный, воспитанный, отличный и т.д.* Например, **воспитанный** ‘отличающийся хорошим воспитанием, умеющий хорошо вести себя’ [242, 216]; **великодушный** ‘обладающий высокими душевными качествами, готовый бескорыстно жертвовать своими интересами для других’ [242, 150].

В таджикском языке группа «**Доброта как качество характера**» включает в себя лексемы, в семной структуре которых сочетаются простота и искренность, не имеющие в себе корыстных промыслов: *нек (добрый), хуб (хороший), хуш (приятный), нагз (хороший), некфарчом (с благополучным концом), некрӯз (счастливый), накӯ (добрый), нармдил (мягкосердечный), нозук (нежный), софдил (чистосердечный), карим (великодушный), пок (чистый), дуруст (правильный), некахлоқ (благовоспитанный), кушодарӯй (приятный) и т.д.* Например, **софдил** ‘он ки дилаш аз кина ва ғараз пок аст, покдил, бекина’ (тот, у кого в сердце нет ненависти и корыстных намерений) [253, 261]; **кушодарӯй(ӣ)** ‘мач. хандонрӯй, дӯстрӯ, чехрааш кушода,’ (пер.зн. жизнерадостный, дружелюбный) [252, 638]; **нексират** ‘дорои хулку хислати хуб, ботинаш пок, некдил, дилсоф (тот, у кого добрый характер, чистая душа, доброе сердце)’ [252, 908]; **хушахлоқ** ‘он ки хулқ, рафтори нек ва писандида дорад (тот, у кого характер и действия направлены на добро)’ [253, 469].

1. *Есть же благородные и великодушные люди, тотчас готовые помочь...* (ПН, с. 438). – *Одамони олиҷаноб ва олиҳиммат ҳастанд, ки ҳамеша тайёранд... мададгор шаванд* (ҶҶ, с. 506). 2. *...Ты очень хороший, честный и трудолюбивый человек.* (ПН, с. 449) – *...Ту одами нагз, софдил ва меҳтандӯст* (ҶҶ, с. 520).

Перевод соответствует словарю: 1. **благородные** – **олиҷаноб** (олиҷаноб – благородный [234, 202], **великодушные** – **олиҳиммат** [233, 23]; 2. **хороший** – **нагз** [234, 257], **честный** – **софдил** [234, 262].

3. ЛСГ «**Внешнее выражение доброты**». Лексический ряд данной группы семантически выражается в действиях, поступках, совершаемых человеком как

этические и нравственные характеристики личности. В эту группу входят такие слова, как *доброжелательный, отзывчивый, благотворительность* и т.д.: *мягкий*, 7. Выражающий сердечную доброту, приветливость, расположение [225, 567]; *доброжелательный* 3. проявляющий доброе расположение, отношение к кому-либо...’ [225, 264]; *отзывчивый* ‘легко отзывающийся на чужие нужды, готовый помочь. (О человеке)’ [242, 1161]:

Представленные особенности данного ЛСГ также ярко выражены в компонентах ЛСП «добро/некй» таджикского языка: *меҳмоннавоз* (*гостеприимный*), *хайрхоҳ* (*доброжелательный*), *некрафтор* (*воспитанный*), *некхоҳ* (*благожелательный*), *навозишкор* (*ласковый*), *хушахлоқ* (*добронравный*).

Состав лексем данной группы можно также разграничить на 2 подгруппы:

1. «Действие, характеризующееся добротой»;
2. «Доброе отношение к кому-либо»;

1. В состав лексем подгруппы «Действие, характеризующееся добротой», относятся слова, обозначающие поведение и действия, направленные на проявление доброго намерения: *благотворить, доброжелательствовать, милосердствовать, щедрость, альтруизм, помощь, отзывчивый*.

В семантический комплекс сравниваемых/сопоставляемых языков данной ЛСГ входят КЛС «поведение» и «поступок», где ДС являются «определительность», «объект» и «цель». Например: *альтруизм* ‘бескорыстная забота о благе других...’ [225, 36]; *благотворить* ‘книжн. устар. делать добро, благотворительствовать’ [249, 135].

ЛСГ «Действие, характеризующееся добротой» в таджикском языке имеет обширную лексическую и семантическую разветвленность, которая отражается и в семной конструкции составляющих ее лексем: *хайрот* (*благотворительность*), *мадад* (*помощь*), *хайр* (*милостыня*), *кумак* (*поддержка, содействие*), *худфидокунӣ* (*самопожертвование*), *ёрӣ* (*помощь*), *саховатманд(ӣ)* (*щедрость*), *эҳсонкорӣ* (*великодушие*). Например: *саховатманд(ӣ)* ‘кушодадастӣ ва некӣ, хайру эҳсон кардан’ (щедрость и доброта, делать добро) [253, 225].

Доброта также обнаруживается в осмыслении доброго действия как поступок и отношение, проявляемое к нуждающимся и бедным людям: оказании помощи нуждающимся лицам (в первую очередь материальная помощь) и несчастным, почтение и уход за родителями (мадад, кумак, ёрӣ). Например, **кумак** ‘ёрӣ, мадад, дастгирӣ’, (помощь, оказание поддержки) [252, 634]:

1. *Тут просто работа, благородная, полезная обществу деятельность* (ПН, с. 375). – *Ин як кори оддӣ, олицаноб барои фаъолияти ҷамъият ғоиданок аст* (ҶҶ, с. 436). 2. *...Никого не знаю, кто бы помог... ты всех их добрее...* (ПН, с. 115). – *...Ба гайр аз ту ягон касро намедонам, ки ба ман... ёрӣ карда метавониста бошад... ту аз ҳаммаи онҳо меҳрубонтарӣ...* (ҶҶ, с. 134).

Перевод соответствует словарю: 1. **благородная** – **олицаноб** [234, 202]; 2. **помогать (помочь)** – **ёрӣ карда** [233, 174].

2. Лексико-семантический комплекс подгруппы «Доброе отношение к другим» в исследуемых языках включает в себя семантику проявления добрых эмоций к окружающим и поступки, где КЛС является «проявляющий отношение», а ДС – «определенность», «объект», «поступок» и «субъект»: *мягкий, отзывчивый, доброжелательный, добросовестный, дружелюбный, приветливый, ласковый, любезный, радушный, дружественный и т.д.* Например, **дружественный** ‘1. Основанный на дружбе, характеризующийся доверием и взаимопониманием. 2. Дружелюбный, доброжелательный проникнутый искренним расположением’ [225, 286]; **доброжелательный** ‘проявляющий доброе расположение, отношение к кому-либо... [225, 264].

Лексемы таджикского языка, входящие в состав ЛСГ «Доброе отношение к другим», включают в свое значение компонент «действие»: *меҳрубон* (ласковый), *меҳмоннавоз* (гостеприимный), *хайрхоҳ* (доброжелатель), *хайрандеш* (благожелатель), *саховатманд* (щедрый), *азиз* (дорогой), *гамхор* (заботливый), *кушодадаст* (щедрый), *пурмеҳр*, *раҳмдил*, *инсондӯст* (человеколюбивый), *эҳсонкор* (благодетель). В семной структуре данных слов есть указание на поступок-действие при проявлении доброго отношения: **некрафтор** ‘боодоб, хушмуомила, хушхулк, хушрафтор’ (воспитанный, вежливый, обходительный) [252, 907]:

1. ...Он имеет самые **дружественные** намерения (ПН, с. 378). – ...Нияти *ӯ бағоят дӯстона аст* (ҶҶ, с. 438). 2. Он принял вдруг самый веселый и **дружеский** вид (ПН, с. 491). – Якбора қиёфааш ба худ ифодаи хушхолӣ ва **дӯстона** гирифт (ҶҶ, с. 569). 3. Он встретил своего гостя, по-видимому, с самым веселым и **приветливым** видом (ПН, с. 337). – Порфирий Петрович *ӯро дидан замон бағоят хурсанд шуда, бо чехраи кушод пешвоз гирифт* (ҶҶ, с.390). 4. Она **приветливо** и радостно улыбнулась ему (ПН, с. 556). – Духтар ба Расколников табассуми **ширину** шодмандона кард (ҶҶ, с. 643). 5. ... **благороднейший, любезнейший** Петр Петрович? (ПН, с. 381). – ...Петр Петровичи **олиҳиммат** ва **муҳтарам** (ҶҶ, с. 442).

Перевод соответствует словарю: 1. **дружественные** – *дӯстона* [233, 59]; 5. **благороднейший** – *олиҳиммат* [234, 202].

Выбор синонима, в соответствии с контекстом: 3. **приветливый** (*вид*) – (*чехраи*) **кушод**; 4. **приветливо** (*улыбнулась*) – (*табассуми*) **ширин** (*приветливый* – *меҳрубон* [233, 184]); **любезнейший** – **муҳтарам** (*любезный* – *меҳрубон*, *дӯстдор* [233, 105]; *муҳтарам* – *уважаемый* [234, 184]).

При этом в процессе нашего анализа в русском языке была выявлена особая микрогруппа ЛСГ «Побуждение к добру»: **мирить** ‘восстанавливать согласие или мирные отношения между враждующими’ [249, 1569]. Например: 1. *Одним словом, необходимо было помириться...* (ПН, с. 484). – **Ошитӣ шудан** даркор... (ҶҶ, с. 561). 2. ...Вы должны **помириться** (ПН, с. 304). – ...Шумо бояд **ошитӣ кунед** (ҶҶ, с. 352).

1. **помириться** – **ошитӣ шудан** [233, 174].

Следует заметить, что в таджикском языке для представленных выше групп были выявлены также сложноименные глагольные лексемы с семантикой добра: *Некӣ кардан* (*делать добро*), *хубӣ кардан* (*проявлять доброту*), *нагзӣ кардан*, *меҳрубонӣ кардан* (*проявлять любезность*), *хайр кардан* (*оказывать милость*), *дӯстӣ кардан* (*дружить*), *кӯмак кардан* (*помогать*), *ёрӣ додан* (*помогать*), *навозиш кардан* (*приласкать*); *меҳрубон шудан* (*стать добрым*) и т.д.

В отношении ЛСП «добро» Бабенко Л. Г. в своей работе «Лексические средства обозначения эмоций в русском языке» (1989) отмечает, что «Парадигматические группы адъективов с семантикой доброты, извлеченные из лексикографических источников, поражают размытостью, неопределенностью параметров разграничения признака доброты» [31, 67]. Это говорит о том, что одно и то же слово понятийного поля доброты имеет несколько семантических комбинаций, которые можно отнести к группе отношение, качество, характер и внешнее отражение. Поэтому в настоящей работе не исключается возможность вхождения одной и той же лексемы ЛСП «добро/некй» в разные лексико-семантические группы русского и таджикского языков.

Например, **добрый** '1. Делаящий добро другим, отзывчивый. 2. Несущий добро, благо (ЛСГ «Действие, характеризующееся добротой»). 3. Нравственный, хороший. 4. Дружеский, милый. (ЛСГ «Доброта как качество характера») ' [242, 397]:

1. Он добрый человек и был еще приятелем твоего отца (ПН, с. 34). – Вай одами нагз, ошнои падари ту буд (ҶҶ, с. 38). 2. Это был человек добрый и благородный, любивший и уважавший семью свою (ПН, с. 391). – Вай одами нек ва ҳимматбаланд буд, аҳли байташиро дӯст медошт ва ҳурмат мекард (ҶҶ, с. 453).

1. добрый – нагз; 2. добрый – нек, благородный – ҳимматбаланд,

Таким образом, исследование дифференциальных сем, входящих в семантическую структуру слов ЛСП, семантическая общность лексем в составе отдельных ЛСГ и их словесного наполнения в словарных статьях позволили нам установить лексико-семантические особенности репрезентации понятия «добро/некй» в русском и таджикском лингвокультурном пространстве.

Как показал проведенный анализ, состав лексем ЛСП «добро/некй» в таджикском языке намного превосходит по количеству подобные лексемы русского языка, но все слова данного ряда в исследуемых языках выражают различные оттенки значения общего понятия.

В лексике русского и таджикского языков семантическое обозначение доброты устанавливается в 3 аспектах: 1) межличностные отношения 2) качество характера и 3) поведение человека.

Все представленные особенности функционирования слов ЛСП «добро/некӣ» в сравниваемых языках лишний раз свидетельствуют о сложной структуре организации настоящего ЛСП.

2.3. Структурно-семантическая организация лексико-семантического поля «ИСТИНА/ҲАҚИҚАТ»

В современном лингвокультурном пространстве **ИСТИНА** осмысливается как представление о мире, соответствующее действительности. Истина является базисным понятием, которое регулирует взаимодействие человека с окружающей его действительностью и с другими людьми. Все лексемы, в семной структуре которых участвует понятие «истина/хақиқат», являются одним из основополагающих элементов лексико-семантического пространства «Прекрасное» и воспринимаются как компонент – «идеал». При этом смысловое наполнение слов, входящих в ЛСП «истина\хақиқат», исторически, национально и культурно обусловлены.

Первые научно-исследовательские попытки сгруппировать лексику с семантикой "истины" предпринимались уже античными грамматиками. Данная потребность возникла в лексикографии при толковании менее понятных слова с помощью их более понятных синонимов. Круг исследований в данном русле находился в рамках антонимической связи понятий «истина-ложь». Одной из выдающихся работ в этой области является исследование «Истина и правда в аксиологическом, философском, этимологическом, лингвистическом, религиозном и художественном аспектах» [32]. Здесь автор акцентирует внимание на способах реализации понятий «истина-правда», как возможных синонимо-антонимических пар, обусловленных когнитивным восприятием носителя языка.

В данном разделе диссертации нами предпринята попытка воссоздать лексико-семантическое поле «истина/ҳақиқат» в русском и таджикском языках. Состав ЛСП «истина/ҳақиқат» отличается не только по количеству компонентов, но и имеет расхождения в способах восприятия представителями исследуемых языков. Так, в процессе анализа материалов исследования нами были выявлены 98 лексем с семантикой «истина/ҳақиқат» в русском языке и 128 слов в таджикском языке. При этом, из общего количества компонентов ЛСП «истина/ҳақиқат», было выявлено в РЯ – 29 лексем, а в ТЯ – 56 слов, в семной структуре которых зафиксирована коннотативная направленность к полю «Прекрасное/Зебой» в русском и таджикском языках. Следует еще раз подчеркнуть, что представленные фактологические данные основываются на материале ТСРЯ (2000) и ФЗТ (1969).

Последующий структурно-семантический анализ компонентов данного ЛСП позволил выявить динамику реализации выявленных компонентов по семантическим признакам, что способствовало распределению лексем с семантикой «истина/ҳақиқат» по лексико-семантическим группам.

Так, изучая состав ЛСП «истина/ҳақиқат» в русском и таджикском языках, мы смогли выявить в общем 5 ЛСГ.

1. ЧЕЛОВЕК – олицетворение истины;
2. Вероисповедание;
3. Истина-чистота;
4. Истина, отражающаяся в совершаемом действии.

1. ЛСГ «ЧЕЛОВЕК – олицетворение истины» в русском языке выражена посредством существительных *праведник, правовед*: *праведник* ‘2. тот, кто во всем руководствуется принципами справедливости, честности, не нарушает правил нравственности’ [225, 952].

В таджикском языке лексемы *порсо* (*правдник*), *хирадманд* (*мудрец*), *ростон* (*праведники*), *аброр* (*праведник*) используются для наименования лиц, которым свойственно проявление «истины/ҳақиқат» в поступках и сферах социокультурной деятельности: *порсо* ‘пок, покиза, покдоман, неккирдор; 2.

диндор, пархезгор; худотарс’ (чистый, честный, добродетельный; верующий, благочестивый) [250, 87]; **аброр** ‘одамони некукор; солахон, такводорон’ (люди, которые совершают добро; честные, добропорядочные, праведники) [251, 30].

1. *Порфирий Петрович... правовед* (ПН, с. 136). – *Порфирий Петрович... хукуқшинос* (ҶҶ, с. 159). 2. *Все преступления исчезнут... и все в один миг станут праведными* (ПН, с. 259). – *Ҳамаи ҷиноятҳо низ якбора барҳам мехуранд... ва кулли мардум дар они воҳид порсою одил мешаванд* (ҶҶ, с. 300).

Перевод соответствует словарю: 1. **правовед** – **хукуқшинос** [234, 293];

Выбор синонима: 2. **праведники** – **порсою одил** (*одил* – *справедливый* [234, 200]).

2. ЛСГ «Вероисповедание» указывает в своём семантическом наполнении на религиозную ценность «истины/ҳақиқат» в лингвокультурном пространстве носителей русского и таджикского языков. В эту группу входят слова *вера, святой, праведный, набожность*: **вера** ‘1. Твёрдая убеждённость, глубокая уверенность в ком-, чем-л.’ [225, 118]; **святой** ‘3. Истинный, величественный и исключительный по важности’ [242, 1758]; **святой** ‘1. Обладающий высшим совершенством и сверхъестественной силой. 4. Высоконравственный, безупречный; безгрешный, непорочный. 6. Незыблемый, нерушимый.’ [225, 1650]. В таджикском языке ЛСГ «Вероисповедание» представлена лексемами: *покдоман(ӣ)* (честный, добродетельный), *покдин(ӣ)* (праведность), *ихлос* (искренность, чистосердечность), *эйтиқод* (вера, убеждение), *имон* (вера, вероисповедание), *Ҳақ(қ)* (Бог): **имон** ‘эйтиқод, боварӣ ба чизе; эйтиқод ба дин; дин, мазҳаб.’ (убеждение, вера; вероисповедание) [251, 478]; **ихлос** ‘1 дӯстии холис доштан, иродат ва дӯстии бериё доштан; эйтиқод доштан; эйтиқод.’ (чистая искренняя дружба, доверие, вера) [251, 513]; **хақ** ‘1. рост, дуруст; 2. ҳақиқат, дурустӣ; 4. яке аз номҳои худо’ (правильно, истинно; одно из имен Бога) [250, 740]. Представленная цепочка слов преимущественно используются в религиозных текстах и священных писаниях, указывая на святость и неоспоримость всего того, что написано в канонах религии. Считается, что **Ҳақ(қ)**

(Истина) является одним из 99 имен Аллаха. Эта группа слов указывает на существование «идеальной» истины – ПРЕКРАСНОЙ.

1. ... Все, что он показал при допросах, **святейшая правда** есть? (ПН, с.143). – ...Ҳама ҷавобҳои вақти пурсиши додаи вай аз таҳти дил ва рост буданд (ҶҶ, с.166). 2. ...Я обязанность свою исполнял **благочестиво и свято** (ПН, с.20). – ...Ман вазифаамро аз рӯи **виҷдон** адо кардам (ҶҶ, с.21). 3. ...Она уже ей **свято** сама **верила** (ПН, с.397). – ...Ба он **сахт бовар мекард** (ҶҶ, с.460).

Сохраняется элемент метафоричности, не нарушая естественности передачи смысла на переводимый язык: 1. **святейшая правда** – **аз таҳти дил ва рост**; 2. **благочестиво и свято** – **аз рӯи виҷдон**; 3. **свято верила** – **сахт бовар мекард**.

3. ЛСГ «Истина-чистота» состоит из слов, элементы которых указывают на синонимичность истины и чистоты. Данная группа в русском языке представлена словами: *чистота, чистосердечие* и т.п.: **чистый** ‘12. Абсолютно правильный, гладкий (о слоге, языке). 14. Нравственно безупречный (правдивый, честный, искренний, бескорыстный, непорочный). 15. Получающий наиболее полное, яркое проявление, воплощение; истинный, совершенный, подлинный’ [225, 1481]; **чистосердечный** ‘искренний, откровенный, простодушный. 2. наполненный искренностью, откровенностью; идущий от чистого сердца’ [225, 1481].

В таджикском языке эта группа слов представлена однокоренными словами, где в большинстве случаев главным компонентом выступают прилагательные «соф» и «пок» (чистый): *тоза (чистый), пок (чистый), соф (ясный), софдил (чистосердечный), софзамир (искренний), софсарират (чистосердечный), софтинат (чистосердечный), софқалб (чистосердечный), покдил (невинный), поквиҷдон (честный, доросовестный), ҳалол (чистый): пок* ‘соф, тоза, покиза; маҷ. ‘беайб’ (чистый, ясный, невинный) [250, 79]; *ҳалол* ‘раво, чоиз, иҷозатдодашуда аз рӯи шариат’ (чистый, соответствующий, дозволенный в соответствии с религиозными канонами) [250,721]. Примечательным является тот факт, что эти лексемы преимущественно используются при характеристике положительных качеств человека.

1. ...**Чистосердечно**... пробормотал Свидригайлов (ПН, с.289). – ...**Босамимият**... гурунгос зад Свидригайлов (ЧЧ, с.337). 2. Говорю это, потому что... убежден в **чистоте** твоего сердца (ПН, с.449). – Имонам комил, ки дили ту **покаст** (ЧЧ, с.520). 3. Она **справедливости** ищет... Она **чистая** (ПН, с.321). – Вай **адолатчӯӣ** мекунад... Вай занаки **покиза** (ЧЧ, с.372).

Перевод соответствует словарю: 1. **чистосердечно** – **бо самимият** [233, 263]; 2. **чистота** (сердца) – (дили) **покаст** [233, 263]; 3. **Справедливости** (ищет) – **адолатчӯӣ** [233, 228], **чистая** – **покиза** [233, 263].

4. ЛСГ «Истина, отражающаяся в совершаемом действии» представлена прилагательными *верный, честный, нелицемерный, искренний*: **верный** ‘3. Такой, который не предаст, но подведет кого-л., не изменит кому-л.; преданный, надёжный’ [225, 119]; **честный** ‘1. Отличающийся неспособностью врать, открытостью, прямоотой; свойственный такому человеку; искренний, правдивый (о человеке, его характере, поступках)’ [225, 1476]; **искренний** ‘выражающий подлинные мысли и чувства; правдивый, откровенный’ [225, 399]. Здесь категориальной семой выступают «человек» и «действие», то есть имеется в виду совершаемое действие, характеризующее человека.

Для таджикского языка характеристики ЛСГ «Истина, отражающаяся в совершаемом действии» схожи с русским языком. Семантическое наполнение этой группы отражается в словарных статьях таких слов, как: *ҳақгӯӣ* (правдивый), *росткор* (честный, справедливый), *содиқ* (верный), *вафодор* (преданный), *солех* (честный, добрый), *покрав* (честный, добропорядочный), *покбоз* (честный, добропорядочный), *одил* (честный, справедливый). **Солех** ‘покдил, покдоман, некӯсират, порсо; некмард’ (чистосердечный, искренний, честный, добродетельный, благочестивый) [250, 258]; **вафо** ‘ба чо овардани ваъда; дурустахдӣ, садоқат, устуворӣ дар аҳду паймон ва дӯстию муҳаббат;’ **вафодор** ‘бовафо, содиқ, устувор дар муҳаббат ва дӯстӣ’ (выполнение обещаний, верность, верный своему слову, верный в дружбе и любви) [251, 229]; **одил** ‘баинсоф, додгар, адолатпеша.’ (честный, справедливый) [251, 901].

1. Я... **истинно** вас люблю и **искренно** добра вам желаю (ПН, с.352). – Ман шуморо дар **ҳақиқат** дӯст медорам ва **аз сидқи дил** ба шумо некӣ кардан мехоҳам (ҶҶ, с.407). 2. Я намерена **честно** исполнить все... (ПН, с.234). – Ман ният дорам... **аз рӯйи виҷдон** ба ҷо оварам (ҶҶ, с.272). 3. ...Она будет мне послушною, **верною** и доброю женой (ПН, с.488). – ...Ба шумо зани **вафодор** ва меҳрубон мешавам (ҶҶ, с.565). 4. Я постараюсь быть и мужественным, и **честным**, всю жизнь... (ПН, с.527). – Якумр ҳаракат мекунам, ки одами **ҳалол** ва мардона бошам (ҶҶ, с.610).

Перевод соответствует словарю: 1. **истинно** – **ҳақиқат** [233, 85], 2. **честно** – **аз рӯйи виҷдон** [233, 262]; 3. **верный** – **вафодор** [233, 24]; 4. **честный** – **ҳалол** [233, 262].

Выбор компонента, близкого по значению: **искренне** – **аз сидқи дил** (*искренний* – *содиқона, самимона* [233, 84]);

Таким образом, проведенное на данном этапе исследование позволяет прийти к заключению, что все представленные элементы ЛСП «истина/ҳақиқат» и их условное деление на ЛСГ не являются чем-то независимым в рамках исследуемого поля. Они тесно переплетаются друг с другом, образуя единую динамичную систему. Каждый элемент всех ЛСГ «истина/ҳақиқат» можно понять только посредством другого или даже только в рамках другого.

Во всех представленных ЛСГ центральной категориальной семьей выступает «человек» и базисные слова ЛСП «истина/ҳақиқат» характеризуют положительные качества человека и окружающую его сферу жизни.

Суммируя предварительные результаты нашего исследования, можно установить, что ядерными компонентами ЛСП «истина/ҳақиқат» выступают слова «истина», «правда», «действительно», а центральным семантическим элементом является «доверие».

Так, многообразие элементов ЛСП «Прекрасное/Зебой» в русском и таджикском языках является основой для его дальнейшего и более детального изучения.

В целом, в таджикской языковой картине мира триединство ЛСП красоты/зебой - добра/некӣ – истины/ҳақиқат недостаточно изучено, поэтому считаем правомерным расширить зону охвата исследования на примере художественного материала. В данном случае на базе текста «Гулистон» («Розовый сад») Саади Шерози и его перевода на русский язык.

2.4. Экспликация лексико-семантического поля «Прекрасное/Зебой» в русских и таджикских поговорках и фразеологизмах

Пословицы и поговорки занимают значимую позицию в любом языке, так как передают эстетическую категорию наивной картины мира народа, в них скрыты устоявшиеся ментальные образы носителей данного языка, и вопросы их исследования носит международные установки. В 60-е-70 г.г. XX века паремиологи всего мира начали сотрудничать, с целью усовершенствования методик изучения и систематизации, взаимообмена научно-ценностной информацией в области паремиографии и паремиологии. По результатам «дружного» исследования паремиологических единиц всех народов мира в 1964г. в Хельсинки был опубликован научный журнал "Провербиум". Статьи «Провербиум» публиковались на английском, немецком, французском, русском и других языках. В данный журнал свой не менее значимый вклад внесли и таджикские ученые, такие как Тилавов Б. [1967, 1971, 1973; 1974] и Карамшоев Д. [1969].

Формирование и развитие паремиологической науки таджикского языка имеет тесную связь с русской и мировой паремиологией. Существует очень много научно-ценностных исследовательских работ по изучению паремиологических единиц таджикского языка [Калонтаров Я.И., 1965, 1989; Фозилов М., 1976; Тилавов, 1989, 1997]. Также пословицы и поговорки анализировались при изучении языка и стиля отдельных писателей [Маъсуми Н., 1954; Гаффаров Р., 1966; Камолиддинов Б., 1967; и др.]. При этом следует заметить, что в таджикском языкознании пока недостаточно изученным остаются вопросы

языковой природы пословиц и поговорок [Тилавов Б., 1963; Бойматова, 1977; Турсунов Ф., 1999].

В языке есть различные определения данных понятий, но наше внимание привлекло определение, предложенное В.И. Далем: «Это свод народной премудрости <...> это цвет народного ума, это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый» [228, 758].

Паремиологические единицы и фразеологизмы находятся на ценностной позиции любого языка, так как содержат в себе основные лингвокультурные показатели языковой картины мира. В них скрыты значимые культурные коды, отражаемые в языке носителей данного языка. Поэтому для нас важно рассмотреть реализацию триединства понятийных полей КДИ в составе ЛСП «Прекрасное/Зебой» в пословицах, поговорках и фразеологизмах русского и таджикского языков. Материалом нашего исследования послужили пословицы, поговорки и фразеологизмы, отобранные методом сплошной выборки из словарей русского и таджикского языков [220; 228; 231; 232; 250; 251; 258].

При изучении **паремиологических единиц** русского и таджикского языков, исследовании их на способы и средства реализации ЛСП «Прекрасное/Зебой», нами была зафиксирована группа пословиц и поговорок, в семантике и лексике которых отражен возможный тройственный союз понятийных полей КДИ.

РЯ: Не гонись за красотой, а гонись за добротой; РЯ: Красивое слово – серебро, а хорошее дело – золото — ТЯ: Наку касест, ки рафтори наку дорад; РЯ: Не ради красоты, ради доброты; Не ищи красоты, а ищи доброты. — ТЯ: Бех аст аз руи неку номи нек; РЯ: Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать. — ТЯ: Зани нек офияти зиндагонӣ бувад [232, 207]; РЯ: Золото и в грязи блестит. — ТЯ: Тилло, ки пок аст, чӣ миннаташ ба док аст [232, 208]; РЯ: Соединение истины и добра рождает премудрость, в образе красоты.

Для нашей исследовательской работы также важно проследить семантико-тематическую направленность компонентов паремий КДИ в рамках ЛСП «Прекрасное/Зебой» в русском и таджикском языках. Так, мы вывели несколько

универсальных и общих черт в сопоставляемых языках. Для начала перечислим общие характеристики и значения:

1. Первое, что привлекает внимание любого исследователя — это **сравнение внешней красоты с внутренним миром** его носителя.

- *РЯ: Благолепие – внешняя красота, благородство – красота внутренняя; С личика – яичко, а внутри – болтун; Снаружи красота, внутри пустота; Снаружи мило, а внутри гнило [232, 86-87].*
- *ТЯ: Зоҳиран ҳамвору ботинан хордор; Зоҳир аз шайху ботин аз шайтон [232, 8]; Берун ободу, дарун – бедодӣ [232, 132]. Дар зоҳир меш, дар ботин гург. Сурати хубу сирати зишт [232, 87].*

2. В традиционном представлении русского и таджикского народа **внешняя красота воспринимается одинаково**. В лексический состав данного поля входят общие для всех народов внешние факторы, такие как: лицо, формы тела, кожа, чистота и качество волос, грация движений:

- *РЯ: В нем есть молодца клок! И личиком бела, и с очей весела! Кругла, бела – как мытая репка! Красней красного солнышко, ясней ясного месяца! [228]*
- *ТЯ: Сар калу дил нозук [232, 286]; Чаши дарвозаи дил аст; Рӯй оинаи дил аст [232, 281]; Рӯйи хуш – калиди дарҳои баста [232, 281].*

3. Внутренняя составляющая ценится в человеке больше, чем внешняя

- *РЯ: Красота сердца дороже красоты лица. Не та мила, кто хороша, а та мила, кто по сердцу пришла [228].*
- *ТЯ: Бо чаши ва абру бо дигарон сухан нагу! Зоҳирро дигар кардан мумкин аст, аммо хислатро ба гӯр мебаранд; Номи баланд беҳ аз боми баланд [232, 254].*

4. Сравнивая внутренние и внешние характеристики, олицетворение прекрасного в языке посредством паремий, мы, конечно же, устанавливаем непосредственную **связь красоты и добра** и их антонимичный характер по отношению друг к другу. Внешность людей не воспринимается как основополагающее, значимым является присутствие в человеке таких качеств, как

доброта, уважение к родителям, доброе отношение к людям, щедрость и никакого тщеславия.

- РЯ: *Алмаз и в грязи виден. Золото в болоте светится [232, 208]. Не ради красоты, ради доброты; Не ищи красоты, а ищи доброты [228].*
- ТЯ: *Фаҳму идрок – зиннати шахс аст. Зар дар даруни нурӣ тофтааст [232, 208]. Либоси зебо ақлу одоби инсон нест; Бо бад шинӣ бад шавӣ, бо нек шинӣ – гул [232, 50].*

Подгруппа «Соотношение красоты и добра к Детям и Родителям»:

- РЯ: *От доброго дерева, добрый плод [232, 50]. Добрый сын – отцу радость, а худой – печаль [232, 198]. Свое дитя горбато, но мило [232, 128].*
- ТЯ: *Фарзанди нек ҷонишини падар. Фарзанди нағз – боги падар, фарзанди бад – доғи падар [232, 198]. Фарзанди бесурат гарчи зишт аст, дар чашми падар накусиришт аст [232, 128].*

5. Значительная часть пословиц констатирует тот факт, что в жизни человека **красота души (сердца) гораздо важнее**. Истинная красота – в душе человека. Здесь, конечно же, прослеживается связь истинной красоты с внутренним миром.

- *Плоха рожа - да душа гожа. Лицом не красив, да сердцем не спесив.*
- *Девор аз таҳкурсияш хароб мешавад, дарахт аз болояш, одам аз дилаш Боги дил шав, доғи дил не.*

6. Семантическая «**связь прекрасного с истиной**» прослеживается в таких пословицах, как:

- РЯ: *Правда – светлое солнце [232, 81]. Красота лучше, а правда — нужнее; Соединение истины и добра рождает премудрость, в образе красоты [228].*
- ТЯ: *Ростӣ – растӣ [232, 81]. Чуволи холӣ рост намеистад [232, 348].*

Подгруппа «Праведная жена – добро, красота семьи»:

- *РЯ: Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать. С доброй женой горе – полгоре, а радость – вдвое. Женою доброй муж честен [232, 207].*
- *ТЯ: Зани содиқ ба кадом хонае, ки набошад, рӯшноӣ ба рӯшноӣ меафзояд. Мардро мард мекардагӣ ҳам зан, номард мекардагӣ ҳам зан. Зан ободии хона [232, 207].*

Кроме вышеперечисленных коннотативных обозначений, указывающих на взаимосвязь КДИ в русском и таджикском языках, также выявляются и другие общие семантические группы пословиц и поговорок для русского и таджикского языков:

7. Ум человека и его манера общения должны стоять на первом месте, так как они являются основополагающими при характеристике человека:

- *РЯ: Красавице ум не помеха. Красота мужчины – ум, красота – ум женщины. Не гонись за красотой, гонись за разумом [228]. По одежке встречают – по уму провожают. Для женщины красота – шанс на семейное счастье, а ум – шанс на реализацию этого шанса [231].*
- *ТЯ: Илм дар сина, на дар сафина. Зебоӣ дар сухан аст, на дар чеҳра. То мард сухан нагуфта бошад, айбу ҳунараиш нухуфта бошад. Одамро аз рӯйи либосаи пешвоз мегиранд ва аз ҷиҳати ақлу хирадаиш гусел мекунанд. Одаму ақл, гӯсолаву дум [232, 209].*

8. Дополнительное философское толкование сущности красоты — «красота преходяща». Красота внешняя не может быть вечной, она временна. Это значение выражают следующие русские пословицы: *Красота – до вечера, доброта – до смерти. С лица воду не пить [228].*

Им соответствуют близкие по значению таджикские пословицы: *Зоҳирро дигар кардан мумкин аст, аммо хислатро ба гӯр мебаранд. Нақш аз гилем меравад, аз дил намеравад. Некӣ кун, номат дар чаҳон монад [232, 184].*

9. Другое значение «даже у самых совершенных созданий имеются свои недостатки» передается через такие пословицы, как:

- *РЯ: И на солнце есть пятна. От запада до востока нет человека без порока [232, 187]. Нет пророка без порока [232, 186].*

- *ТЯ: Офтоб хам доғ дорад. Ҳар зогеро як доғест [232, 187]. Одам бе нуқсон намешавад. Моҳ бе айб несту ситора бе дум [232, 186].*

10. Также можно поставить в отдельную группу таджикские и русские пословицы, передающие значение **«за некрасивой внешностью может скрываться красивое содержание»:**

- *РЯ: Черна корова, но бело молоко. Не суди по обертке [231].*
- *ТЯ: Ҳар чиз, ки безеб манамояд, хуб аст [232, 86].*

11. Красота может быть **обманчива**. Всем известно выражение «Внешность обманчива» и «Дьявол в облики ангела». Это является показателем того, что внешний облик не всегда может совпадать с внутренним миром человека. Он может тебе нравится, быть красивым, обаятельным, привлекательным, но по глазам или в процессе общения с ним можно понять, что скрывается в душе у этого человека. Чаще всего мы огорчаемся и испытываем отвращение, к этому человеку узнав его поближе.

- *РЯ: Вид блестящий, а сам смердящий. Личиком белененек, да душою черенек [232, 86]. Молодец красив, да на душу крив.*
- *ТЯ: Гул хор дорад, асал – ору. Ҳар кучо парирӯст, деве бо ўст [236, 134]. На ҳар он чиз, ки зард аст, бошад зар [232, 392]. Духтарро дар рӯзи боронӣ хуш намо. Мор зоҳиран ҳамвор аст, аммо ботинан захрдор. Аз душмани дӯстру бипарҳез [232, 63]*

Для русских и таджикских пословиц также характерно использование **зоонимов:**

- *РЯ: Без хвоста и ворона не красна. Черна корова, но бело молоко [232].*
- *ТЯ: Ҳар агар Макка раваду биёяд ҳам, ҳамон хар; Ҳар агар равад Маккаву Мадина, боз ояд, ҳамон хари порина; Ҳар ҳамон хару тӯқумҳояш дигар шудаст [232, 308]; Зоғро агар бо гулоб шӯянд ҳам, сафед намешавад; Барои зог зогчааш сафед, барои хорнуит бачааш нармак аст [232, 128].*

Также следует отметить, что кроме пословиц и поговорок, передающих общее значение, в русском и таджикском языках есть пословицы, которые имеют

сходства во внутренней форме. Внутренняя форма данных пословиц в своем составе содержит совпадающий набор образов. Это - пословицы «универсальной языковой ментальности» [123, 7]. Например, таджикская пословица *Одамро аз рӯйи либосаш пешвоз мегиранд ва аз ҷиҳати ақлу хирадаш гусел мекунанд* и русская пословица *Встречают по одежке, а провожают по уму* содержат совпадающий набор образов.

Во многих пословицах, как русского, так и таджикского языка, делается акцент на **семантическое противопоставление внутри пословичной конструкции**: «*Снаружи — красота, внутри — пустота; Рубашка белая, да душа черная; Лицом хороша, да душой не пригожа*».

Таковыми же особенностями обладают ряд таджикских пословиц. Сравним: *Рӯйи бепул хунук, рӯйи пулдор гарм* (Лицо человека без денег холодное, а с деньгами теплое); *Бӯр нақиши сафед мегузорад, ангишт нақиши сиёҳ* (Мел рисует белым цветом, уголь черным); *Зохир аз шайху ботин аз шайтон* (Внешность короля, а внутри дьявол); *Сар калу дил нозук* (голова лысая, но сердце ранимое). В данных пословицах оценочность и эмоциональная окрашенность передается за счет подбора лексики и антонимичности лексических компонентов (хунук-гарм, бепул-пулдор, сафед-сиёҳ, бӯр-ангишт). Также, здесь мы можем наблюдать процесс метонимического переосмысления соматизмов *сар – дил* (голова – сердце).

Несмотря на все перечисленные общие черты, есть и универсальные значения, передаваемые в пословицах и поговорках данных языков.

В русском языке:

1. Группа пословиц с семантико-тематической направленностью – **«не в красоте счастье»**:

«Не родись красивой, а родись счастливой. Не родись ни умён, ни красив, а родись счастлив» [228].

2. В русских пословицах также на первый план выдвигается способность человека к физическому труду, несмотря на красивый внешний вид:

Не тот хорош, кто лицом пригож, тот хорош, кто для дела гож. Личиком и туда, и сюда, а делами не годится никуда. Не телен – да делен; не рожен – да пирожен. Мужичок не казист, да в плечах харчист [228].

3. Не менее важная особенность русских пословиц, заключается в использовании семантического архаизма «красна» и «краса» в значении 'красива':

Красна ягодка, да на вкус горька. Без хвоста и ворона не красна. С собой красава, да не по красаве слава. Краса до венца, а ум до конца. И красно, и пестро, да пустоцветом [236, 399].

5. В русском языке много пословиц, поговорок и мудрых мыслей с лексемами «краса», «красота», «красава» (красавица), которые раскрывают языковую картину народа. При этом мы можем столкнуться с пословицами, высказываниями, изречениями, в которых отсутствует слово с данным корнем, но значение все же остается, и это не мешает нам выявить культурную ценность нашего понятийного поля. Значение красивого может передаваться через другие понятия: *В праздник – Груша, а в будень – Клуша. Хвалят на девке шелк, когда в самой девке есть толк. Глаза – бирюза, а душа-сажа. Лицом детина, да разумом скотина [232, 86]. Видом сокол, а голосом ворона. По одежке встречают – по уму провожают. С рожки болван, а во всем талан. Черт во что ни нарядится, все чертом останется! [232, 308]*

В таджикских пословицах и поговорках:

1. Восхваляется скромность и стеснительность девушки, что придает ей шарм и красоту. Без этих этико-эстетических качеств девушка теряет свою ценность:

Ош бе пиёз намешавад, духтар бе ноз. Духтари беноз, фатири бе пиёз. Духтари некбахт – боги оча, духтари бадбахт – доги оча [232, 198].

2. Им присуще четкое указание на связи красоты и воспитания девушки с чертами ее матери.

Модарро бину духтарро интихоб кун. Духтар чӣ гуна модар намуна. Модарашро бину духтарашро гир [232, 91]. Ончунон модар, инчунин духтар [232, 92].

3. Также в таджикских поговорках девичья красота передается посредством лексемы «гул» («цветок»): *Чое, ки гулҳо шукуфтаанд, занбӯрҳо чамъ мешаванд; Гул бе хор намешавад, духтар бе ёр . Агар дар боз гул набошад, булбул ҳам намесарояд* [232].

Таким же образом, при сопоставительном анализе **фразеологизмов** таджикского и русского языков мы установили общие закономерности, тенденции и факторы, которые свойственны общечеловеческому характеру мышления представителей этих культур. Данное сравнение способно также отражать культурные универсалии носителей этих языков и установить соотношение понятийных полей КДИ.

Одним из первых выдающихся специалистов по теории фразеологии является швейцарский лингвист Шарль Балли. Им были впервые изучены и систематизированы связанные словосочетания во французском языке и на основании выдвинутых положений предложен термин «фразеология» – «phraseology» [259, 56].

В развитие теории фразеологии в русской лингвистической науке большой вклад внес академик В.В.Виноградов. Научные работы В.В. Виноградова [1946, 1947, 1977] по фразеологии составляют основу многих фундаментальных научных работ по данной тематике не только русского, но и других языков. В частности, многие лингвисты, как зарубежные, так и русские, в своих трудах используют составленную В.В.Виноградовым классификацию фразеологизмов с точки зрения семантической слитности [259, 43].

Значимыми лингвистами в данной области являются также Б.А. Ларин [1956, 1959, 1977], А.И. Смирницкий [1959], А.М. Бабкин [1964, 1970] и многие другие. Они включают в состав фразеологических единиц сочетания лексем, которые семантически обновляются и подвержены метафоризации (т.е. из данной области исключаются все словосочетания, не перешедшие в раздел еще неделимых лексических оборотов и не получившие переносно-обобщенного значения).

Важно отметить таких выдающихся лингвистов, как Л.П.Смит [1959], Н.М.Шанский [1965, 1980], В.П.Жуков [1991], В.Н.Телия [1996], которые придерживаются мнения, что фразеологизмами являются не только фразеологические выражения, но и цитаты, пословицы и поговорки, которые впоследствии стали крылатыми фразами. Н.М.Шанский назвал такой вид устойчивых сочетаний «фразеологическими выражениями» [259, 56-143].

Считается, что примерно в 50-е годы XX века в таджикском языкознании начали изучать теоретические аспекты фразеологических единиц и были опубликованы первые отдельные разработки, научные статьи, связанные с проблемами фразеологизмов таджикского языка [Н.М. Маъсуми, 1954, 1959; Хушенова 1971, 1977, 1980; М.М. Мирзоева, 2008 и др.].

Значительный вклад внес М.Ф. Фозилов, представив миру двухтомный фразеологический словарь «Фарханги ибораҳои рехта» [1963], состоящий из 8000 фразеологизмов таджикского языка различной структуры. Масштабным изучением фразеологии таджикского языка занимался профессор Х.А. Маджидов, им была издана монография «Фразеологияи забони ҳозираи тоҷик» («Фразеология современного таджикского языка») [1982]. Сопоставительным исследованием русской и таджикской фразеологии посвятили свои труды профессор М. Юсупова [1966], Х.И. Икрамова [1967], М. Ибрагимова [1971], Б.А. Тахохов [1974, 1988] и другие. Исследования в сфере сопоставления фразеологии англо-таджикских языков нашли своё отражение в работах Г.Б. Баракаевой [1968], А. Ахмеджанова [1970], Э. Бабаева [1976], М. Назировой [2009], М.Н. Азимовой [2014] и многих других.

В русской и таджикской фразеологии прослеживается четкое понимание того, что красота бывает внешней и внутренней. Несмотря на значимость внешней красоты, как русский народ, так и таджикский предпочтение отдают красоте внутренней.

В первую очередь мы воспринимаем все, что нас окружает зрительно. **Зрительная оценка** является предварительной и позволяет нам сделать первые выводы – нравится или не нравится. Поэтому главным способом восприятия

красоты является зрение, о чем и свидетельствуют такие устойчивые выражения, как: РЯ: *любо-дорого глядеть, как на картинке, одно загляденье, глаз не оторвешь, глаз не отведешь, не налюбуйешься*; ТЯ: *чаим канда натавонистан, дил бахра мебарад, чаим ҳаловат мебарад*.

Для начала мы проанализируем образы, которые используются при описании внешности человека. Созерцаемая красота передается такими устойчивыми словосочетаниями как: РЯ: *неписанная красавица, писанный красавец, писаная красавица, хорошенький как картинка, божественная красота, демоническая красота, чистый шедевр*; ТЯ: *моҳлиқо, зебоии табиӣ, дар чаим омадан (глаз привлекать)*

Красота женской фигуры также может быть осязаема и ощутима: РЯ: *тело легкое (как перышко), воздушное, грациозное, хрупкое, мягкое, нежное*; ТЯ: *қаду қомати дилҷӯ, қомати мавзун, тӯтӣ барин, мӯрчамиён, сарвқад*.

Девичья стройность, осанка, плавная походка, запечатлено в следующих устойчивых словосочетаниях: РЯ: *лебединая поступь, ровна как сосенка, стройная как пава*; ТЯ: *сарвқад, кабки дарӣ*.

Чаще всего красивый вид сравнивается с образами из мифологии и религии: РЯ: *красив как бог, как ангел, Афродита, Елена Прекрасная*; ТЯ: *паричехра, зебо мисли парӣ, мисли шоҳзода, хури биҳиштӣ (райская дева)*.

Во фразеологизмах также прослеживается связь красоты с добром, а также истиной. Например, такие сочетания, как РЯ – *ангельская красота (паричехра), цветок без щипов (гули бехор)*; ТЯ – *гули сари сабад («аленький цветочек»), моҳи беайб (невинный), як сару гардан боло (на голову выше всех)* содержат в себе коннотативную направленность характеристики человека чистого душой, светлого, нежного, доброго и имеющего достойный внешний вид.

Это связь также ярко выражена в участии компонентов понятийных полей КДИ в составе устойчивых словосочетаний, передающих семантику поля «Прекрасное/Зебой» русского и таджикского языков: РЯ: *добрая душа, чистая душа, светлый человек, истинный облик*; ТЯ: *бо чаими ҳақ (нек) нигоҳ кардан (иметь чистые намерения), рӯйи накӯ (доброе лицо), рӯйи тоза (чистое лицо),*

тани пок (чистая душа), симои ростон (образ благочестивого человека), дили пок (чистое сердце), сиршити пок (чистая душа).

Важно отметить, что такое сочетание как «красив как Бог» не свойственно для таджикской ментальности, так как ставить в один ряд кого – либо с Богом считается грехом, так как Он выше всего и всех.

При описании мужской красоты используются уже совсем другие лексические наполнения: *гора мускулов, грудь колесом, кровь играет, косая сажень в плечо*, и т.д. Ковшова М.Л. в статье «Понятие красоты в русской фразеологии и культуре» [2009] отмечает, что «главный объект созерцания при эстетической оценке мужчины является его тело, которое должно быть *крепким и мускулистым*. Также военные и спортивные метафоры лежат в основании устойчивых словосочетаний *атлетическое тело, богатырское тело, геркулесово тело* и т.п.» [259, 614]. Для таджикской фразеологии не характерно описание мужской красоты.

Также в таджикских устойчивых словосочетаниях девичья красота передается посредством лексемы «*гул*» («*цветок*»): *гули сари сабад, гули бехор, гули хона, мисли гул*. Следует заметить, что важную роль также во фразеологизмах данного языка играет слово «*дил*» («*сердце*»): *дил баҳра бурдан, ба дил нақи бастан, дилкаш будан, дилчасп будан* [259]. В основе этих фразеологических единиц закреплено представление о том, что красота воспринимается не только зрительно, но мы также можем ее чувствовать сердцем.

Таким образом, лексико-семантический анализ составных частей и образной семантики паремиологических единиц русского и таджикского языков, на предмет реализации ЛСП «Прекрасное/Зебой», способствовало определению национально-специфичных и универсальных особенностей становления тройственного союза в сопоставляемых нами языках. Во-первых, был установлен семантический круг, как основной фрагмент ЛСП: «соотношение внешности и содержания», «наружность может быть обманчива», «по внешнему виду человека нельзя судить о его внутренних качествах», «о человеке судят не по внешнему виду, а по его делам, по поступкам», «красота преходяща, она невечная», «не в

красоте ценность человека», «связь красоты, добра и ума», и, наоборот, «по внешнему виду можно судить о внутренних качествах», «лицо отражает внутренний мир», «за некрасивой внешностью может скрываться красивый внутренний мир», «не в красоте заключается счастье», «непосредственная связь красоты и воспитания девушки с чертами ее матери» и т.д. Причем основная часть значений в равной мере значимы для сопоставляемых нами языков. Но значение «не в красоте заключается счастье» в большей степени характерно для русского лингвокультурного мира, а «непосредственная связь красоты и воспитания девушки с чертами ее матери» присуще таджикским паремиям. Во-вторых, лексико-семантический анализ помог нам определить группу эквивалентных пословиц, провести их аналогию и установить уникальные по своему лексическому содержанию и образному мышлению паремии, которые олицетворяют специфику русского и таджикского национального менталитета.

Выводы по второй главе

Лексико-семантический и структурный анализ состава ранее выявленных лексем ЛСП красота/зебой – добро/некй – истина/хақиқат позволил нам научно обосновать триединство этих понятий как олицетворение прекрасного в толковании этих понятий, а также проследить коннотативную общность лексического состава исследуемых нами ЛСП.

Таким образом, наше целенаправленное исследование позволяет нам сделать следующие выводы:

Структурно-семантический анализ показал, что понятийные компоненты красоты/зебой – добра/некй – истины/хақиқат могут взаимозаменяться, передовая различные семантические особенности лексико-семантического поля «Прекрасное/Зебой» в русском и таджикском языках.

Объем понятийного поля «Прекрасное/Зебой» в единстве КДИ в исследуемых языках включает в себя общие составляющие: «образ», «внешность», «форма», «идеал», «совершенство», «внутреннее содержание»,

«нравственный», «справедливость», «правильность», «действительность», «духовный», «божественный».

Во всей нашей триаде участвуют общие тематические группы «Внешнее проявление», «Внутренняя нравственная характеристика» «Вероисповедание», а главное – антропоцентрическая связь в тройственном союзе «ЧЕЛОВЕК олицетворение **красоты/зебой – добра/некӣ – истины/хақиқат**» в русском и таджикском языках.

В понятийном поле «красота/зебой» русского и таджикского языков красота женщин представлена более детально, чем красота мужчин. При этом следует заметить, что выделение внешней и внутренней красоты мужского пола посредством конкретных слов и грамматических маркеров несвойственно таджикскому языковому миру.

Для таджикского языкового и культурного мира синонимичность «внешности» и «внутреннего содержания» отражается во внутритекстовой связи сочетания «духтар-модар» («девушка-мама»).

Сопоставительный структурно-семантический анализ паремиологических единиц исследуемых языков позволил установить, что значение «не в красоте заключается счастье» в большей степени характерно для русского лингвокультурного мира, а «непосредственная связь красоты и воспитания девушки с чертами ее матери» присуща таджикским паремиям.

Так, лексико-семантический и структурный анализ семантических компонентов КДИ в рамках ЛСП «Прекрасное/Зебой», способствовало определению национально-специфичных и универсальных особенностей становления тройственного союза в сопоставляемых нами языках.

**ГЛАВА III. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ
«ПРЕКРАСНОЕ/ЗЕБОЙ» ПОСРЕДСТВОМ ПОНЯТИЙ КРАСОТА/ЗЕБОЙ –
ДОБРО/НЕКЇ – ИСТИНА/ҲАҚИҚАТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ГУЛИСТОН»
(«РОЗОВЫЙ САД») СААДИ ШЕРАЗИ)**

Зачастую художественные произведения одного народа притягивают интерес представителей других лингвокультурных наследий, и становятся достоянием всемирной литературы. Так, читатель знакомится с социокультурными ценностями других наций, где важную роль играет художественный перевод. Все это формирует значимость специального исследования функциональных аспектов межъязыковых соответствий/несоответствий на примере конкретного литературного произведения.

Творения поэта Саади Шерази по праву считаются частью золотого фонда классической персидско-таджикской литературы, и находятся на основных пьедесталах сокровищницы мировой культуры. Одним из таких культурно-ценностных произведений Саади Шерази является «Гулистон» («Розовый сад»). На его страницах отражены существенные стороны жизни общества того времени, быт народа всего Ближнего Востока XIII века и Ирана, которые остаются актуальными и в современном мире. «Гулистон» является также чрезвычайно ценным памятником таджикского языка классического периода.

Произведение «Гулистон» Саади находится в центре научного интереса лингвистов, анализирующих различные стороны языкового кода в составе литературного текста. Пока его языковые свойства не получили должного научного анализа. Следует отметить, что в современном иранском языковедении уже существуют работы, в которых в той или иной степени исследованы морфологические и лексические стороны текста «Гулистон» [Мансури Р.А., 2012; Хашимов С. 1973 и др.]. Что же касается функционирования отдельных слов в произведении и выявления лексико-семантического поля на основании данного

литературного произведения, то нами не были выявлены научные изыскания по данной сфере.

Кроме того, в иранистике нами не установлено исследований по структурно-семантической организации лексико-семантического поля в произведениях мастеров художественной прозы, на основе текста оригинала и его перевода в сравнительно/сопоставительном плане. Поэтому выявление лексико-семантического поля и изучение его лексических, грамматических, стилистических и морфологических особенностей в произведении художественной прозы, в частности в «Гулистане» Саади, внесшем огромный вклад в развитие персидско-таджикского языка, имеет огромное лингвокультурное значение.

3.1 Взаимодействие лексико-семантических полей «красота/зебой», «добро/некй» и «истина/хақиқат» в тексте произведения «Гулистон» («Розовый сад») Саади Шерази

В лингвистической науке отмечается, что в трудах великих писателей находят свое отражение не только вся структура литературного языка, но и главные направления её формирования и расширения. «Гулистон» Саади Шерази рассматривается всемирной востоковедческой школой как «один из самых важных эталонов художественной прозы персидского языка, поскольку в его тексте выражаются все лексико-грамматические богатства средств языка» [119, 3].

Анализ языковых особенностей «Гулистон» осуществлялся в работах зарубежных и таджикских лингвистов, таких как Р.С. Султонов [1949], С. Хошимов [1971, 1973], А. Алиев [1959], Р.А. Мансури [2012], Ш.Р. Ходжимуродова [2020], осветившие лексико-грамматические особенности языка данного произведения. Но монографических исследований о функционировании отдельных слов и выявлении лексико-семантического поля на основании данного литературного произведения нами не было обнаружено.

Отметим, что суть и актуальность настоящего исследования заключается также в выявлении триединства лексико-семантических полей «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат» как ядерные компоненты лексического и семантического пространства «Прекрасное/Зебой» в языке оригинала и в переводе на русский язык произведения «Гулистон» Саади Шерози.

Материалом исследования послужили рассказы «Гулистон» Саади Шерази [2014] и их перевод на русский язык (переводчики Алиев Рустам, Старостин Анатолий).

В данном разделе третьей главы главным образом используются описательный, статистический и сопоставительный методы исследования.

Анализ «Гулистон» Саади направлен на определение особенностей функционирования лексико-семантических полей «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат» как основных компонентов лексического пространства «Прекрасное/Зебой». Объем исследованных текстов «Гулистон» составляет 247 страниц. В результате направленной выборки из данного произведения было выявлено 1090 лексических единиц (199 с семантикой «красота/зебой», 695 – «добро/некй» и 196 – «истина/хақиқат»). После исключения повторов проанализировано 62 лексические единицы, относящихся к ЛСП «красота/зебой», 93 – ЛСП «добро/некй» и 41 – ЛСП «истина/хақиқат» (196 лексических единиц).

Для того чтобы установить взаимодействие выявленных наборов лексем данных ЛСП в изучаемом произведении, важно на данном этапе произвести их систематизацию, классификацию и структурирование индивидуально. Так, ЛСП «красота/зебой» в тексте произведения «Гулистон» представлено 199 лексическими единицами, где после исключения повторов исследованию подверглись 62 слова, в семной структуре которых есть компонент «красота/зебой» (см. Таблица 2). Следует отметить, что «Гулистон» состоит из 8 самостоятельных глав, которые содержат в своем лексическом наполнении определенное количество изучаемых лексем, что является не менее важной составляющей в настоящей исследовательской работе.

**Реализация ЛСП «красота/зебой» в произведении «Гулистон» Саади
Шерози**

Количество слов			Исключение повторов		Фразеологизмы с коннотацией «красота/зебой»		
199			62		14		
ГЛ.1	ГЛ.2	ГЛ.3	ГЛ.4	ГЛ.5	ГЛ.6	ГЛ.7	ГЛ.8
24	58	8	3	67	8	9	22

Таблица 2.

В проанализированном лексико-семантическом поле «красота/зебой», содержащем в целом 62 лексемы, было выделено три содержательно – тематических признака:

1) Внешнее проявление красоты: *бадеъ-ул-чамол (редкая красавица), бадеъ (чудесный, редкий), бӯстон (цветник), дилрабо (милый), дилбар (очаровательный), дӯструй (симпатичная), зебо (красивая), зинат (убранство), зоҳир (светлый, внешний), изор (уста, ланиты, губы любимой), камоли беҳчат (совершенная красота), қомати хуш (стройная), латиф-ул-эътидол (прекрасный), маҳпора (лунолика), моҳи шаби чаҳордаҳ (полная луна), нақшу нигор (вид), нигор (красавица), нозанин (прелестный), нодир-ул-ҳусн (редкая красота), овози хуш (приятный голос), ораз (лик, розовые щеки), *покизарӯй (чистое, приятное лицо), сабоҳат (изящество), саҳисарв (стройный кипарис), сурати зоҳир покиза (благородный облик), тайиб-ул-адо (очаровательный), товусзеб (красота), хубрӯй (красовое лицо), хубманзар (красивый вид), хубсимо (красивая), хубон (дивная красота), *хубию ҳусн (обаятельная, добро и привлекательность), *ҳасан (красивый, добрый), ҳусн (привлекательность), ҳусни башара (красивая внешность), ҳусни талғат (приятная внешность), ҳусну шамоил (красота и стройность), чамол (миловидность), чамоли сират (красота внутренняя), шоҳид (возлюбленная, красавица) - 71%;*

Н-р: *Пой дар занҷир пеши дӯстон,*

Беҳ, ки бо бегонагон дар бӯстон (Гул., с.92).

Перевод: Лучшие быть друзьями даже и в оковах,

Чем в саду прекрасном рядом быть с врагами (Гул., с.132).

2) Красота – проявление внутреннего качества: *камоли маънӣ, латиф (изящный), *накӯ(ӣ) (добро, красота), *нек (добрый, краше), *некувон (красивый), *сурат накӯ (добрая внешность), *сират зебо (внутренняя красота), тавозуъ (скроность), *хубсират (добродетельный), *хуб (хороший, добрый), *хуш (хороший, приятный) - 18%;*

Н-р: *Хайре дар онҳо нест, зеро ҳар қадам, то латиф аст, хушунат меварзад ва чун дурушт шавад, изҳори лутфу дӯстӣ мекунад (Гул., с.156). – До тех пор, пока они милостивы и красивы, они грубы и гневливы, но как только они становятся грубыми и некрасивыми, они становятся любезными и льстивыми (Гул., с.215).*

3) Религиозная коннотация: *биҳиштирӯй (красивый), малоиксурат (ангельское лицо), парӣ (фея), парирухсор (красавица), *фаршита (ангел), ҳури биҳиштӣ (райская дева) – 11%.*

Н-р: Аз ин маҳпораи обидфиребе,

Малоиксурате, товусзебе,

Ки баъд аз диданаи сурат набандад

Вучуди порсоёнро шакебе (Гул., с.94) .

Красавица страшна любой душе святой,

Красавица павлин иль ангел красотой.

Когда б ее дервиш увидел, несомненно,

Он в тот же час иль миг утратил бы покой (Гул., с.135)

Языковые единицы разложены на семантические элементы, что позволило выявить совпадение некоторых сем у средств разных уровней языка и установить определенную семантическую общность языковых единиц, считавшихся до их объединения в поле строго разграниченными элементами языка.

При этом на основе анализа частотности лексем ЛСП «красота/зебой» в произведении «Гулистон» Саади, мы можем определить ядро (>20 %), базовый слой (от 20% до 10%), ближнюю периферию (< 10%) и дальнюю периферию (единичное использование лексем). Так, к **ядерным** компонентам ЛСП

«ЗЕБОЙ» относятся лексемы *хуб (хороший, добрый) – 32, чамол (миловидность) – 20, хусн (привлекательность) – 19; **базовый слой** составляют слова шоҳид (возлюбленная, красавица) – 11, хубрӯй (красовое лицо) – 9, латиф (изящный) – 7, *хуш (хороший, приятный) – 7; **ближнюю периферию** зебо (красивая) – 6, зоҳир (лучезарная, внешность) – 6, бадеъ (удивительная по красоте) – 5, бўстон (цветник) – 5, нигор (красавица) – 5, дилбар (очаровательный) – 4, *хубсират (добродетельный) – 4, зинат (убранство) – 3, моҳрӯй (лунолика) – 3, овози хуш (приятный голос) – 3, ораз (розовые щеки) – 3, рӯйи зебо (красивое лицо) – 3, хубон (дивная красота) – 3, *покизарӯй (чистое, приятное лицо) – 2, *накӯ(ӣ) (добро, красота) – 2, нозанин (прелестный) – 2, сабоҳат (красота) – 2, *фаришта (ангел) – 2; **дальняя периферия** бадеъ-ул-чамол (редкая красавица) – 1, дилрабо (милый) – 1, дӯстрӯй (симпатичная) – 1, изор (ланины) – 1, қомати хуш (красивая фигура) – 1, латиф-ул-эътидол (прекрасный) – 1, маҳпора (лунолика) – 1, моҳи шаби чаҳордаҳ (полная луна) – 1, нақшу нигор (вид) – 1, нодир-ул-хусн (редкая красота) – 1, саҳисарв (стройный кипарис) – 1, сурати зоҳир покиза (благородный облик) – 1, тайиб-ул-адо (очаровательный) – 1, товусзеб (красота) – 1, хубрӯй (красивое лицо) – 1, хубманзар (красивый вид) – 1, хубсимо (красивая) – 1, *хубию хусн (обаятельная, добро и привлекательность) – 1, *ҳасан (красивый, добрый) – 1, хусни талъат (приятная внешность) – 1, хусну шамоил (красота и стройность) – 1, *нек (добрый, краше) – 1, *некувон (красивый) – 1, *сурат накӯ (добрая внешность) – 1, *сират зебо (внутренняя красота) – 1, тавозуъ (скроность) – 1, биҳиштирӯй (красивый) – 1, малоиксурат (ангельское лицо) – 1, парӣ (фея) – 1, парирухсор (красавица) – 1, ҳури биҳиштӣ (райская дева) – 1.

Здесь следует подчеркнуть особенности семантической реализации некоторых лексем, входящих в состав, исследуемых нами ЛСП. Так, слово *покизарӯй (чистое, доброе, приятное лицо), относится к ЛСП «красота/зебой», «добро/некӣ» и «истина/ҳақиқат». Данную лексему можно поделить на две составные части (покиза/рӯй), каждая из которых в толковом словаре таджикского

языка имеет следующую словарную дефиницию: *ПОКИЗА* <1. соф, тоза; холис, бегаиш. 2. хуб, неку, нагз; дуруст> [250, 80] и *РҮ(Й)* <чехра, рухсор> [250, 155]:

Хотуни хубсурату покизарӯйро

Нақшу нигори хотами пирӯза, гӯ, мабоиш (Гул., с.96).

Красавице ни серьги, ни румяна,

Ни хна, ни притиранья не нужны (Гул., с.136)

При этом слова ***накӯ(ӣ)** (добро, красота) <хуб, нагз; хушруй, зебо> и ***нек** (добрый, краше) <1. хуб, нагз, хуш; 2. ба хубӣ, ба дурустӣ, нагз. 3. некӣ, хубӣ, нагзӣ.> [251, 848], также являются частью ЛСП «красота/зебой» и «добро/некӣ»: *Ҳар чӣ ба дил фуруд ояд, дар дида накӯ намояд (Гул., с.146).* (*Что в сердце проникает, то и глаз привлекает!* (Гул., с.201)

Суди дарё нек будӣ, гар набудӣ бими мавч,

Сухбати гул хуш будӣ, гар нестӣ таишии хор (Гул., с.164).

Что краше было бы морей, когда б мы не боялись волн,

Что было бы приятнее роз, когда б от терний был покой (Гул., с. 226)

В таких лексемах как *саҳисарв* (стройный кипарис), и *хусну шамоил* (красота и стройность) участвует семантический компонент «стройный», которая также является частью ЛСП «красота/зебой» и ЛСП «истина/ҳақиқат». **Стройный**, 1. Красиво и правильно сложенный, хорошего телосложения. 2. Правильно и красиво расположенный. Стройные ряды. 3. Имеющий правильное соотношение между своими частями, логичный [242, 1934].

Так, исследуя языковые факты, извлеченные в результате изучения указанного выше произведения Саади Шерози, нами было выявлено 695 лексем ЛСП «добро/некӣ» (в 3 раза превышает лексический состав ЛСП «красота/зебой»). После исключения повторов исследованию подверглись 93 лексем (см. Таблица 3).

**Реализация ЛСП «добро/некй» в произведении «Гулистон» Саади
Шерози**

Количество слов			Исключение повторов		Фразеологизмы с коннотацией «добро/некй»		
695			93		15		
ГЛ.1	ГЛ.2	ГЛ.3	ГЛ.4	ГЛ.5	ГЛ.6	ГЛ.7	ГЛ.8
168	195	6	20	71	19	82	134

Таблица 3.

В лексико-семантическом поле «добро/некй» нами выделено четыре содержательно-тематических признака:

1) Человек как олицетворение добра: *дўст* (друг), *ёр* (друг), **некон* (добрые люди, правдолюб), *некмард(он)* (благородный мужчина), *одам(й)* (человечность), **порсо* (благочестивый), *чавонмард(й)* (великодушие) – 11% :

Например: *Душман чй занад, чу меҳрубон бошад дўст?* (Гул., с.29) – *Что может сделать враг, коль ласков друг с тобой?* (Гул., с.55)

Ту к-аз меҳнати дигарон бегамай,

Нашояд, ки номат ниҳанд одамй! (Гул., с.34)

Тебе, не сострадающему другим,

Мы человека имя не дадим! (Гул., с.62)

2) Действие характеризующееся добротой: *аёдй* (милость), *бахшанда* (прощающий), *бахшоии* (прощение), *валинеъмат* (заступник), *лутф* (доброта), *меҳрчў(й)* (благожелательность), *меҳрубон* (ласковый), *муслиҳ* (миротворец), *муҳаббат* (любовь), *миннат* (милость), *накў(й)* (благодетель), *накўравиш* (благодетель), *навозиш* (ласка), *нек(й)* (добрый), *некхоҳ* (благожелательный), *неканҷом* (хороший исход), *некфарҷом* (добрый конец), *неъмат* (милость), *одеб* (адаб) (воспитание), **покбоз* (добропорядочный), **покрав* (добропорядочный), *раҳмат кардан* (сжалиться), *салоҳ* (доброе дело), **солеҳ* (честный, добродетельный), *тараҳхум* (сострадание), *фазл* (добродетельность), *хайр кардан* (творить добро), *хушхўй* (добрый), *хуб(й)* (добро), *хўйи некў* (добрые

нравы), хусни раъй (благие помыслы), ҳиммат (великодушие), эҳсон (оказывать милость) – 38%;

Н-р: Мактаби ўро ба муслиҳе доданд, порсои салим, некмарди ҳалим, ки суҳан чуз ба ҳукми зарурат нагуфтию мўҷиби озори кас бар забонаш нарафтӣ (Гул., с.184). – Школу одному доброму человеку передали, новый учитель был добродушен и благочестив, благороден, мягкосердечен и красноречив, не говорил он слова упрёка иначе, как по необходимости, и с его языка не срывалось ни единого обидного замечания (Гул., с.251).

3) Доброта как качество характера: бахт (счастье), беҳ (лучший), бузургҳиммат (великодушный), зафур (милосердный), дасти дўстӣ (рука помощи), карам (щедрый), кариммунафс (великодушный), латифхӯй (приятный), мурувват (великодушие), мужда (добрая весть), *накўсират (праведник), нармӣ (мягкость), некбахтӣ (счастье), некрўз (счатливый), нектаҳзар (приветливый), *некувон (доброе лицо), *номи некӯ (доброе, честное имя), одамият (человечность), раҳим (милостливый), саховат (щедрость), салим (мягкосердечный), соҳибдил (благочестивый), сулҳхӯй (миролюбивый), *сирати хуб(хуш) (внутренняя красота), *сиришти пок (чистая природа), фархундарой (мудрый), хуштабъ (жизнерадостный), *хуб (хороший), *хуш (приятный), *хилқати зебо (добрая природа), *ҳасан (добрый, красивый), ҳалим (добродушный), *ҳақшиносӣ (благодарность) – 41%;

Нек бошию бадат гўяд халқ,

Беҳ, ки бад бошию некат бинанд (Гул., с.86).

Ведь лучше добрым быть: пускай злословят люди о тебе –

Чем быть дурным, но для других казаться добрым и прекрасным (Гул., с.123).

4) Божественное восприятие добра: *аброр (святой, праведный), дуои хайр (благословение), карим (всемилоостивый), *мутаабид (набожный, верующий), обид (набожный), тақво (благочестие), фариштахӯ(ӣ) (ангельский характер), *ҷони пок (чистая душа) – 9%.

Чу оҳанги рафтан кунад ҷони пок,

Чи бар тахт мурдан, чи ба рӯйи хок (Гул., с.21).

Не нужен трон, была б чиста душа –

Для смерти и цинковка хороша! (Гул., с.47)

Ядерными компонентами ЛСП «добро/некй» являются лексемы *дӯст* (друг) - 74, *беҳ* (лучший) - 72, *неъмат* (милость) - 63, *ёр* (друг) - 40, **хуш* (приятный) - 31, *карам* (щедрый) - 27, *накӯ(ӣ)* (благодаяние) - 23. **Базовый слой** составляют слова *лутф* (доброта) - 17, *одеб* (адаб) (воспитание) - 16, *раҳмат кардан* (сжалиться) - 16, *обид* (набожный) - 12, *хайр кардан* (творить добро) – 12, **порсо* (благочестивый) - 11, *фазл* (добродетельность) - 11, *ҳиммат* (великодушие) - 11, *батабият* (великодушие) - 11, *бахт* (счастье) - 10, *нек(ӣ)* (добро) - 10. К **ближней периферии** относятся слова **некон* (добрые люди, правдолюб) - 8, *одам(ӣ)* (человечность) - 8, *миннат* (милость) - 8, *карим* (всемилоостивый) - 7, *ҷавонмард(ӣ)* (великодушие) - 7; *муҳаббат* (любовь) - 6, *хуб(ӣ)* (добро) - 6, **накӯсират* (праведник) - 6, **номи некӯ* (доброе, честное имя) - 6, *салоҳ* (доброе дело) - 6, **солеҳ* (честный, добродетельный) - 6, *соҳибдил* (благочестивый) - 6, *мурувват* (великодушие) - 5, *некбахтӣ* (счастье) - 5, *саховат* (щедрость) - 5, *бахшанда* (прощающий) - 4, *ботин* (внутренний мир) - 4, *мужда* (добрая весть) - 4, *нармӣ* (мягкость) - 4, *раҳим* (милостливый) - 4, *салим* (мягкосердечный) - 4, *эҳсон* (оказывать милость) - 4, **мутаабид* (набожный, верующий) - 3, *некмард(он)* (благородный мужчина) - 3, *некмаҳзар* (приветливый) - 3, *одамият* (человечность) - 3, **сирати хуб(хуш)* (внутренняя красота) - 3, **ҳасан* (добрый, красивый) - 3, *бахшоиш* (прощение) - 2, *меҳрубон* (ласковый) - 2, *навозиш* (ласка) - 2, *некхоҳ* (благожелательный) - 2, *некфарҷом* (добрый конец) - 2, *хушхӯй* (добрый) - 2, *хӯйи некӯ* (добрые нравы) - 2, *бузургҳиммат* (великодушный) - 2, *каримуннафс* (великодушный) - 2, *хуштабъ* (жизнерадостный) - 2, *ҳалим* (добродушный) - 2, **ҳақшиносӣ* (благодарность) - 2; *тақво* (благочестие) - 2. И в **дальнюю периферию** включаются единичные лексемы, такие как *аёдӣ* (милость) - 1, **аброр* (святой, праведный) - 1, *валинеъмат* (заступник) - 1, *зафур* (милосердный) - 1, *дасти дӯстӣ* (рука помощи) - 1, *дуои хайр* (благословение) - 1, *латифхӯй* (приятный) - 1, *меҳрҷӯ(ӣ)*

(благожелательность) - 1, муслиҳ (миротворец) - 1, накӯравиш (благодетель) - 1, неканҷом (хороший исход) - 1, некрӯз (счастливый) - 1, некувон (доброче люди) - 1, покбоз (добропорядочный) - 1, покрав (добропорядочный) - 1, сулҳхӯй (миролюбивый) - 1, *сиришти пок (чистая природа) - 1, фархундарой (мудрый) - 1, тараҳҳум (сострадание) - 1, фариштахӯ(ӣ) (ангельский характер) - 1, *хилқати зебо (добрая природа) - 1, ҳусни раъй (благие помыслы) - 1, *ҷони пок (чистая душа) -1.

В вышеуказанной цепочке лексем, слова ***порсо** (благочестивый) <пок, покиза, покдоман, неккирдор> [250, 87]; ***покбоз** (честный, добропорядочный) <росткор, халолкор, дурусткор; порсо, парҳезгор> [250, 79] и ***покрав** (честный, добропорядочный) <равандаи роҳи дуруст; мач., некукор, боахлоқ> [250, 81], являются частью как ЛСП «истина/ҳақиқат», так и ЛСП «добро/некӣ». Н-р: *Дузде ба хонаи порсое даромад. Порсо хабар шуд, гилеме, ки бар он хуфта буд, дар роҳи дузд андохт, то маҳрум нашавад (Гул., с.70).* – Пробрался вор в дом одного набожного человека. Праведник, узнав об этом, под ноги вору, вынул из-под себя, бросил свой единственный ковер, чтобы не ушёл ни с чем этот вор (Гул., с.103).

Чавоне покбозу покрав буд,

Ки бо покизае андар гарав буд (Гул., с.172).

Был юноша некий, пороков лишенный,

В красавицу чистую страстно влюбленный (Гул., с.234).

В словарной дефиниции и в «Гулистане» Саади Шерози лексемы ***солех** (честный, добродетельный) <покдил, покдоман, некусират, порсо; некмард> [250, 251] и ***накӯсират** (добродетель, праведник) <дорои хулқу хислати хуб, ботинаш пок, некдил, дилсоф> [252, 907] представлены как часть лексического пространства «истина/ҳақиқат» и «добро/некӣ».

Н-р: Тавонгари фосиқ кулӯхи зарандуд асту дарвеши солиҳ шоҳиди хоколуд (Гул., с.232). – Распутный богач – это грязь, позолоченный комок, а праведный бедняк – красавица, покрытая пылью дорог (Гул., с.308)

Гар онҳо, ки мегуфтаме, кардаме,

Накӯсирату порсо мурдаме (Гул., с.86).

Когда бы то, что говорю, я исполнял правдиво,

Я был бы праведник тогда и муж благочестивый (Гул., с.123).

Такие лексеммы, как **хуб(ӯ)** (хороший, добрый) <1. нағз, нек; 2. хушрӯ, зебо.> [250, 499], ***хуш** (хороший, приятный) <1. хуб, нек; зебо, дилкаш. 2. гуворо, форам, ширин; хушбӯй, муаттар.> [250, 512] и ***ҳасан** (добрый, красивый) <соҳиби ҳусн, зебо, хуб, неку.> [250, 736] являются составными компонентами ЛСП «добро/некӣ» и «красота/зебой», что соответствует толкованию данных слов в словаре.

Н-р: Бад-ин хубӣ, ки офтоб аст, нашунидаем, ки касе ӯро дӯст гирифтаасту ишқ оварда! (Гул., с.91) – Хотя солнце и прекрасно, но мы не слышали, чтобы кто-нибудь возлюбил его страстно и питал к нему привязанность! (Гул., с.130); Чунон дидаме, ки туро овози хуш буд ва мардумон аз анфоси ту дар роҳат буданд (Гул., с.144). – Мне показалось во сне, что у тебя прекрасный голос и люди наслаждаются твоим пением (Гул., с.198)

Аз сӯҳбати дӯсте биранчам,

К-ахлоқи бадам ҳасан намояд (Гул., с.144).

Друзья считают благом все мои изъяны,

И доброе их мнение немало не вредит (Гул., с.198).

Также в изучаемых нами ЛСП обнаружены слова, имеющие религиозную направленность и их семантическое наполнение позволяет отнести данные слова к лексико-семантическим полям «истина/ҳақиқат» и «добро/некӣ»: ***аброр** (святой, праведный) <одамони некукор; солехон, танводорон> [251, 30] и ***мутааббид** (набожный, верующий) <ибодаткунанда, риёзаткаш, обид.> [251, 762].

Н-р: ... На инон, ки хилқаи аброр пӯшанд ва луқмаи идрор фурушанд (Гул., с.198). – ... А не с теми, кто облачается в рубище праведных, чтобы торговать полученной милостыней (Гул., с.267). Ёд дорам, ки дар аёми туфулият мутааббид будаме ва шабхезу мулаи зуҳду парҳез (Гул., с.73). – Я помню, что в дни детства, видя в благочестии спасения средство, я был очень набожен (Гул., с.107).

При этом не менее интересным было изучение реализации ЛСП «истина/хақиқат» как одно из основных компонентов лексического пространства «Прекрасное/Зебой» на примере произведения «Гулистон» Саади Шерози. Так, нами было выявлено 196 лексических единиц, и после исключения повторов анализу подверглась 41 лексема (см. Таблица 4).

Реализация ЛСП «истина/хақиқат» в произведении «Гулистон» Саади Шерази

Количество слов			Исключени е повторов		Фразеологизмы с коннотацией «добро/некї»		
196			41		6		
ГЛ.1	ГЛ.2	ГЛ.3	ГЛ.4	ГЛ.5	ГЛ.6	ГЛ.7	ГЛ.8
59	42	3	5	11	14	18	44

Таблица 4.

В построенном и проанализированном лексико-семантическом поле «истина/хақиқат» нами выявлено четыре содержательно – тематических признака:

1) Истина в проявлении человека: *дӯстони ҳамим* (верные друзья), *муътақид* (человек, верящий во что-л.), **некон* (правдолюбый), **накӯсират* (праведник), *порсо* (набожный, чистый), *хирадманд* (праведник), **ҳақишинос* (благодарный, знающий истину), *ростон* (праведники) – 18%;

Н-р: Банда умедвор аст, ки ба ишрати солиҳон тарбият назирад ва хӯи хирадмандон гирад (Гул., с.26). – Однако, ваш раб надеется, что, воспитываясь в обществе праведных людей, молодой человек усвоит их обычаи (Гул., с.52).

2) Соответствие действительности: *амот* (честность), *адл* (справедливость), *айнан* (точно), *айни ҳақиқат* (сущя истина), *айни савоб* (истинно правильный), *барҳақ* (истинный), *дуруст* (правильный), *муайян* (ясный), *мухлис* (искренний), **нек* (достоверно), **номи нек* (честное, доброе имя), *одил* (справедливый), *пок* (чистый), *рост(ї)* (правильный), **савоб* (справедливый, доброе дело), *судманд* (справедливый), **соҳибдил* (чистый седцем, добрый), **солеҳ* (честный, добрый), *сидқ* (правда), *ҳақ* (истина), *ҳақиқат* (истина), *ҳаққо* (воистину), *этимод* (уверенность), *яқин* (верный) – 59%;

Н-р: Туро ҳамчун фазл асту диёнату тақову амонат, аммо мутаанинот дар каминанд ва муддаиёи гӯшанишин (Гул., с.42). – Хотя ты доблестен, честен, правдивостью и верностью известен, в засаде затаились злопыхатели, во всех углах сидят недоброжелатели (Гул., с.71).

3) Истина, отражающаяся в совершаемом действии: *вафо (верность), *покрав (честный, добропорядочный), *покбоз (честный, добропорядочный), роҳи савоб (праведный путь) – 10%;*

Н-р: Чавонон гарчи хуби дилрабоянд,

Валекин дар вафо бо кас наоянд (Гул., с.175).

Хоть юноши прекрасны, словно луны,

Но верность соблюсти – и тяжкий труд (Гул., с.239)

4) Вероисповедание: **аброр (праведник), диёнат (набожность), тақво (религиозность, праведность), Ҳақ(қ) (Бог), Ҳақ(қ) таоло (Всевышний Господь) – 13%.*

Н-р: Намозро ҳам қазо кун, ки дар назди Ҳақ(қ) чизе накардаӣ, ки ба кор ояд! (Гул., с.73) – Тогда совершай намаз, ибо, наверное, ты не творил его как надо! (Гул., с.107)

Так, в соответствии со статистическими данными, **ядром** ЛПС «истина/ҳақиқат» в произведении «Гулистон» Саади Шерози являются слова *хирадманд (праведник) - 33, рост(ӣ) (правильный) - 20, пок (чистый) - 13, порсо (набожный, чистый) - 11, айнан (точно) - 9, муайян (ясный) – 9; базовый слой* состоит из лексем *Ҳақ(қ) (Бог) - 8, эътимод (уверенность) - 8, ҳақиқат (истина) - 7, вафо (преданность) - 7, мухлис (искренний) - 6, *соҳибдил (чистый седцем, добрый) - 6, *солеҳ (честный, добрый) - 6, ҳақ (истина) - 6, одил (справедливый) – 5; к ближней периферии* относятся лексеммы *дуруст (правильный) - 4, сидқ (правда) - 4, *номи нек (честное, доброе имя) - 3, муътақид (человек, верящий во что-л.) - 2, айни савоб (истинно правильный) - 2, барҳақ (истинный) - 2, судманд (справедливый) - 2, яқин (верный) - 2, роҳи савоб (праведный путь) - 2, диёнат (набожность) - 2, тақво (религиозность, праведность) – 2 и в дальнюю периферию* вошли слова *дӯстони ҳамим (верные друзья) - 1, *некон (правдолюбый)*

- 1, *накӯсират (праведник) - 1, *ҳақишинос (благодарный, знающий истину) - 1, ростон (праведники) - 1, амот (честность) - 1, адл - 1 (справедливость), айни ҳақиқат (сухая истина) - 1, *нек (добрый, достоверно) - 1, *савоб (справедливый, доброе дело) - 1, ҳаққо (воистину) - 1, *покрав (честный, добропорядочный) - 1, *покбоз (честный, добропорядочный) - 1, *аброр (праведник) - 1, Ҳақ(қ) таоло (Всевышний Господь) - 1.

В вышераспределенной группе слов лексема ***некон** (добрые люди, правдолюб) определяется, как <одамони нек> [252, 906], но при этом в Гулистане данная лексема также представлена в значении «правдолюб», которое является частью ЛСП «истина/ҳақиқат».

Саги асҳоби Каҳф рӯзе чанд

Пайи некон гирифтум мардум шуд (Гул., с.27).

Но человек стал в пещере живший

Среди отроков правдолюбивых пес (Гул., с.52).

Слова ***савоб** (справедливый, доброе дело) <1. музд ва подоши хайр, мукофоти кори кек; кори нек, кори хайр; 2. ростӣ, дурустӣ. 3. рост, дуруст, ҳақ.> [250, 170] и ***соҳибдил** (чистый седцем, добрый) <покдил, равшанзамир, некусират.> [250, 266] являются одной из тех лексем, которые мы можем отнести и к ЛСП «истина/ҳақиқат», и к ЛСП «добро/некӣ»: *Насиҳат аз душман пазируфтанд хатост, валекин шундан равост, то ба хилофи он кор кунӣ, ки айни савоб аст (Гул., с.213).* – Принимать советы врагов – ошибка, но выслушивать их нужно, чтобы поступать наоборот, это и будет истинно правильным образ действия (Гул., с.283). *Соҳибдиле бар ӯ бигзашту гуфт (Гул., с.145).* – Навестил его некий благочестивый муж и спросил его учтиво (Гул., с.199).

Таким образом, проведенный анализ помог нам выявить лексический состав ЛСП «красота/зебой» – «добро/некӣ» – «истина/ҳақиқат» как основные компоненты лексического пространства «Прекрасное/Зебой» в произведении «Гулистон» Саади Шерози и определить слова, которые являются компонентами всех трех лексических полей (данные слова отмечены знаком *). В эту группу входят слова ***обидфиреб** (красивый, благочестивый), ***покизарӯй** (чистое,

приятное лицо), *хубию хусн (обаятельная, добро и привлекательность), *хасан (красивый, добрый), *цамоли сират (благородная осанка), *накӯ(ӣ) (добро, красота), *нек (добрый, краше), *некувон (красивый), *сурати накӯ (добрая внешность), *сурати зебо (внутренняя красота), *хубсират (добродетельный), *хуб (хороший, добрый), *хуш (хороший, приятный), *некон (добрые люди, правдолюб), *порсо (благочестивый), *солеҳ (честный, добродетельный), *накӯсират (праведник), *номи некӯ (доброе, честное имя), *сурати хуб(хуш) (внутренняя красота), *сиришти пок (чистая природа), *хилқати зебо (добрая природа), *мутааббид (набожный, верующий), *ҷони пок (чистая душа), *ҳақшинос (благодарный, знающий истину), *савоб (справедливый, доброе дело), *соҳибдил (чистый сердцем, добрый), *покрав (честный, добропорядочный), *поқбоз (честный, добропорядочный), *аброр (праведник, дородетель).

Особенность представленной группы лексем заключается в том, что эти слова могут являться одновременно компонентами нескольких ЛСП, что позволяет нам говорить об их общности.

Кроме того, следует заметить, что анализ текста «Гулистон» позволил нам показать, что ЛСП «Прекрасное/Зебой» невозможно характеризовать только эстетическими ценностями и использованием лексемы «красота». Например, в тексте приведен образ красивого человека, но при этом не обладающего достойным нравом: *Говорят, что у одного господина был раб редкой красоты, и господин глядел на него взорами, полными любви. Однажды господин сказал одному из своих друзей: — Ах, если бы этот раб, обладающий такой красотой и стройностью, не распускал язык, если б он от грубости отвык!.... [Гул., Гл5, Рассказ2, с.202];*

Идет красавица — помотришь, — но только ты лицо открой — Увидишь бабушку седую под все скрывающей чадрой [Гул., Гл8, с.295].

Так, говоря о триединстве ЛСП «красота/зебой» – «добро/некӣ» – «истина/ҳақиқат» на примере произведения «Гулистон» Саади Шерози, мы можем прийти к следующим выводам:

1. Единство ЛСП «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат», как ядерные компоненты лексико-семантического пространства «Прекрасное/Зебой», определяется в первую очередь составом лексем, входящих во все три исследуемые нами лексико-семантических поля.

2. Представленные словарные статьи слов, являющихся частью ЛСП «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат», в толковых словарях таджикского языка и коннотативное использование этих лексем в тексте «Гулистон» пересекаются.

3. Наблюдается совпадение в содержательно-тематических признаках ЛСП «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат», таких как «Обозначение действия» и «Вероисповедание».

В конце следует заметить, что в «Гулистоне» Саади Шерози занимает значимую позицию антропологическая парадигма, в центре которой стоят духовные характеристики человека, такие как различие добра и зла, осознание своей смертности, вера в Бога, восприятие внутреннего и внешнего облика человека.

3.2 Реализация лексико-семантических полей «красота/зебой», «добро/некй» и «истина/хақиқат» в русском и таджикском языках в составе паремиологических единиц в авторском тексте

Несмотря на обширное количество исследований в области таджикской паремиологии (см. Пункт 2.4.), ранее не подвергались изучению лексико-семантические поля отдельных слов в пословицах и поговорках произведений таджикских писателей и способы реализации данных полей в их контекстуальном переводе.

В данном разделе подлежат анализу лексика, семантика и некоторые структурные особенности слов, входящих в ЛСП «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат» в пословицах и поговорках рассказов «Гулистон».

Саади Шерози, как один из величайших мастеров слова, не только использовал народные паремиологические единицы в своих трудах, но и создавал

свои. Ранее исследованию подвергались лексические и языковые особенности «Гулистана» [Сулгонов Р.С., 1949; Хашимов С. 1973], но изучение отдельных слов в составе пословиц и поговорок в указанном произведении нами не было обнаружено. Также ценность нашего исследования заключается в вопросе о переводе пословиц и поговорок с конкретной семантической направленностью в произведении «Гулистон» на русский язык и в вопросе о межъязыковых соответствиях/несоответствиях.

Таким образом, в процессе исследования было выявлено 49 пословиц и поговорок, в которых участвуют компоненты ЛСП «красота/зебой» (9) – «добро/некй» (28) – «истина/хақиқат» (12) (см. Диаграмма 1).

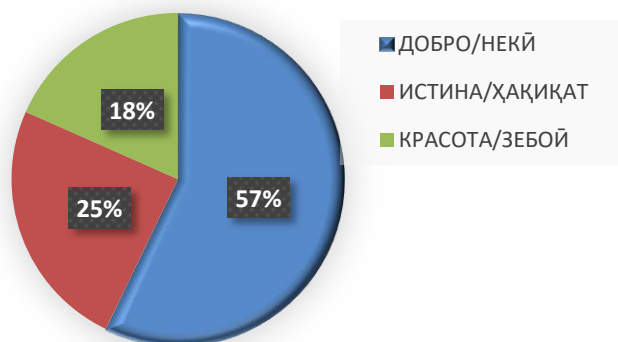

Диаграмма 1.

Особенность нашей научной работы основывается на том, что большая часть пословиц и поговорок сложно передать на другой язык, а порою эти единицы невозможно перевести.

В ходе изучения произведения «Гулистон», мы установили 4 основных способа перевода пословиц и поговорок (Таблица 5):

а) Буквальный: *Некбахтон ба ҳикояту амсоли пешиниён панд гиранд* (Гул., с.240). → *Счастливицы берут пример с деяний и трудов своих предков* (Гул., с.319). *Ҳаргиз ду хасм ба ҳақ розӣ неши қозӣ нараванд* (Гул., с.244). → *Никогда два противника, любящие истину, не пойдут к судье* (Гул., с.325). *Кор андарун дорад, на пӯст* (Гул., с.222). → *Дело в сути, а не в коже* (Гул., с.295)

б) Смысловый: *Онро, ки ҳисоб пок аст, аз муҳосиба чӣ бок аст?* (Гул., с.41) → *У кого правильный счет, тот спокойно живет, не зная никаких забот* (Гул.,

с.70). *Як хилқати зебо беҳ аз ҳазор хилъати дебо* (Гул., с.125). → *Добрая природа лучше тысячи шелковых платьев* (Гул., с.174).

в) Подбор готовых соответствий: *Ҳар кӣ бо бадон нишинад, некӣ набинад* (Гул., с.220). → *Кто с дурным дружбу ведет, ничего доброго в жизни не найдет* (Гул., с.294). *На ҳар кӣ дар муҷодада чувт, дар муомала дуруст* (Гул., с.221). → *Не каждый, кто ловок в споре, честен в договоре* (Гул., с.295). *Ҳама касро ақли худ бакамол наояд ва фарзанди худ баҷамол* (Гул., с.217). → *Всем людям свой ум кажется ясным, а свое дитя прекрасным* (Гул., с.289).

г) Описательный: *Ҳар кӣ ба таъдиби дунё роҳи савоб нагирад, ба таъзиби уқбо гирифтор ояд* (Гул., с.240). → *Кто, несмотря на опыт, который ему довелось в здешнем мире приобрести, не пойдет по правильному пути, тот повергнется мукам на том свете* (Гул., с.319). *Ҳар кӣ бо аҳли худ вафо накунад, нашавад дӯструю давлатманд* (Гул., с.189). → *Тот, кто родителей своих не уважает, не будет знать любви, узнает много бед* (Гул., с.256).

№	Способ перевода	«красота/зебой» (9)	«добро/некӣ» (28)	«истина/хақиқат» (12)
1.	Буквальный	4	11	1
2.	Смысловой	2	6	5
3.	Подбор готовых соответствий:	1	6	3
4.	Описательный	2	5	3

Таблица 5.

Выбор способа перевода пословиц и поговорок имеет свою специфику, где учитываются требования контекста, образные и стилистические особенности переводимых компонентов, в центре которых стоят национально-специфические особенности.

Следует заметить, что для лексического состава паремиологических единиц таджикского языка характерно антонимия. В художественных текстах писатели часто используют пословицы и поговорки, центральными компонентами которых находятся в антонимических связях.

В произведении «Гулистон» Саади Шерази нами было выявлено 22 пословицы и поговорок с антонимическими парами, где центральным компонентом выступают лексемы ЛСП «красота/зебой»(3) – «добро/некй»(16) – «истина/хақиқат»(3). Антонимичность выражается в использовании лексем нек – бад (добро – зло) – 6; дӯст – душман (друг – враг) – 4; некбахт – бадбахт (счастливый – несчастный) – 1; неканчом – бадфарчом (счастье – несчастье) – 1; хушхӯй – турушрӯй (добрый – кислолицый) – 1; нармӣ – дуруштӣ (кротость – суровость); дил – дида (сердце – глаз) – 1; лутф – хашм (ласка – гнев) – 1; чамол – мол (красота – богатство) – 1; сурат – сират (внешность – натура) – 1; некӯ – зебо (добрый – красивый) – 1; хушрӯй – зишт (красавица – урод) – 1; андарун – пӯст (суть – кожа) – 1; некӯ – зишт (добрый – безобразный) – 1; рост – хато (правда – ошибка) – 1; айни савоб – хато (правильный – ошибка) – 1.

Например: *Хонаи дӯстон бирӯбу дари душманон макӯб* (Гул., с.78). – *Лучше обобрать до нитки дом своих друзей, чем стучать в двери врагов* (Гул., с.113). *Агар ҳанзал хӯрӣ аз дасти хушхӯй, беҳ аз ширинӣ аз дасти турушрӯй* (Гул., с.113). – *Из рук у доброго возьмёшь ты колокви́нт, как сладость, а кислолицый сладость даст – и все тебе не в радость* (Гул., с.159) *Басо номи некӯӣ панҷоҳ сол, ки як номи зишташ кунад поймол* (Гул., с.168). – *Пусть полвека носил человек своё честное имя, в миг бесчестный затопчет всю славу ногами своими* (Гул., с.230). *Якero, ки одат бувад ростӣ, хатое равад, даргузоранд аз ӯ* (Гул., с.238). – *Привыкший вечно говорить лишь правду, хоть ошибется – будет в миг прощен* (Гул., с.316). *На ҳар кӣ ба сурат некӯст, сирати зебо дар ӯст. Кор андарун дорад, на пӯст* (Гул., с.222). – *Не всякий, кто по виду величав, имеет хороший нрав. Дело в сути, а не в коже* (Гул., с.295).

Лексико-семантический состав выявленных нами таджикских пословиц и поговорок можно разграничить на семантические группировки. Так, изучая пословицы и поговорки с компонентами ЛСП «красота/зебой», нами было выявлено следующие семантические группы:

1. Дифференциальное восприятие красоты: *Аз дариҷаи чашии Маҷнун бояд дар ҷамоли Лайли назар кард, то сирри ниҳодаи ӯ дар ту*

таҷаллӣ кунад (Гул., с.166). – На красоте Лейли нужно взирать глазами Меджнуна, чтобы ты мог понять тайну блаженства, которое дает ему лицезрение (Гул., с.227).

2. Человека украшает его ум и совершаемые действия: Мулк аз хирадмандон ҷамол гирад ва дин аз парҳезгорон камол ёбад (Гул., с.209). – Государство приобретает красоту благодаря ученым, а вера достигает совершенства благодаря людям, воздержанным (Гул., с.278)

3. Иронично-оценочная окраска: Бӯйи ниёз аз даҳани хубрӯй нағзтар ояд, ки гул аз дасти зишт (Гул., с.177). – Ведь запах лука изо рта красавца приятней, чем в руках уроды роза (Гул., с.240).

4. Сила красоты: Андаке ҷамол беҳ аз бисёрии мол (Гул., с.128). – Небольшая красота лучше большого богатства (Гул., с.177) Рӯйи зебо марҳами дилҳои хаста асту калиди дарҳои баста (Гул., с.128). – Красота лица – бальзам, исцеляющий утоленные сердца, и ключ, отпирающий замкнутые двери (Гул., с.177).

Пословицы и поговорки таджикского языка с компонентами понятийного поля «добро/некй» также можно разграничить на семантические пары.

1. «Бумеранг» добра: Ҳар кӣ некӣ кунад, барои худ некӣ хостааст ва ҳар кӣ бадӣ варзад, бад ба вай бозгардад (Гул., с.63). – Кто творит добро, тот творит его для себя, кто делает зло, тот причиняет его себе! (Гул., с.94) Ҳар кӣ дар ҳоли тавоноӣ накӯӣ накунад, дар вақти нотавонӣ сахтӣ бинад (Гул., с.218). – Кто в дни могущества не делает добрых дел, тот во время бедствия готовит себе печальный удел (Гул., с.290). Шиддати некон рӯй дар фараҷ дораду давлати бадон сар дар нишеб (Гул., с.232). – Бедствию добрых людей в счастье перейти суждено, а счастьем дурных – кануть на морское дно (Гул., с.308).

2. Противопоставление добра и зла в проявлении друга и врага: Ҳар кӣ бо бадон нишинад, некӣ набинад (Гул., с.220). – Кто с дурным дружбу ведет, ничего доброго в жизни не найдет (Гул., с.294) Шамшери нек аз оҳани бад чун кунад касе (Гул., с.28). – Из негодного железа добрый

меч сковать нельзя (Гул., с.53). Дӯстон ба зиндон ба кор оянд, ки бар суфра ҳама душманон дӯст намоянд (Гул., с.43). – Друзья познаются, когда ты в темнице, а за столом все враги кажутся друзьями (Гул., с.71). Душман чӣ занад, чу меҳрубон бошад дӯст? (Гул., с.55) – Что может сделать враг, коль ласков друг с тобой? (Гул., с.29)

3. Преобладание добра над силой: Дастии карам беҳ зи бозуи зӯр (Гул., с.107). – Лучше щедрая ладонь, чем большой кулак (Гул., с.150).

4. Добро должно быть в меру: На чандон дурушти кун, ки аз ту сер гарданд ва на чандоне нармӣ, ки бар ту далер шаванд (Гул., с.213). – Не будь настолько суров, чтобы всем надоест, и настолько кроток, чтобы тебе дерзили (Гул., с.284). Хаши м беҳ аз ҳад гирифта ваҳшат орад ва лутфи бевақт ҳайбат бибарад (Гул., с.213). – Гнев вверх меры вызывает страх, неумеренная ласка уменьшает к тебе уважение в людских сердцах (Гул., с.284). Некмардӣ кун на чандон, ки гардад чира гурги тездандон (Гул., с.213). – Настолько ты забудь мягкосердечье, чтоб волк не ведал путь к стадам овечьи (Гул., с.284). Раҳм овардан бар бадон ситам аст бар некон ва афв кардан аз золимон чавр аст бар дарवेशон (Гул., с.209). – Милость злым – жестокость к добрым, прощать угнетателей вредных – значит, угнетать бедных (Гул., с.278).

5. Возможность проявление добра по отношению к плохим людям: Ҳар душанеро, ки бар вай эҳсон кунӣ, дӯст гардад, магар нафсро, ки чандон, ки мудоро беш кунӣ, муҳолифат зиёдат кунад (Гул., с.196). – Любой враг становится другом, когда ему делаешь добро, а страсть для тебя будет все более и более тяжелой, пока ты будешь делать ей поблажку за поблажкой (Гул., с.264). Бо бадандеш ҳам накӯӣ кун, даҳани саг ба луқма дӯхта беҳ (Гул., с.61). – И злomu должен делать ты добро, ведь костью ты заткнёшь собаке рот (Гул., с.92). Бадонро нек дор, эй марди ҳушёр, ки некон худ бузургу некрӯзанд (Гул., с.243). – Ты добрым будь к дурным, благоразумный муж, ведь добрые и так счастливы и велики (Гул., с.324).

Семантическими группами выявленных нами пословиц и поговорок из произведения Саади Шерази «Гулистон» с компонентами ЛСП «истина/хақиқат» являются:

1. Правильные действия указывают правильный путь: *Ҳар кӣ ба таъдиби дунё роҳи савоб нагирад, ба таъзиби уқбо гирифта ояд* (Гул., с.240). – Кто, несмотря на опыт, который ему довелось в здешнем мире приобрести, не пойдет по правильному пути, тот повернется мукам на том свете (Гул., с.319).

2. Правда залог доверия: *Якero, ки одат бувад ростӣ, хатое равад, даргузаранд аз ӯ* (Гул., с.238). – Привыкший вечно говорить лишь правду, хоть ошибется – будет в миг прощен (Гул., с.316).

3. Честность поощряется Богом: *Ростӣ мӯҷибӣ ризои Худост, кас надидам, ки гум шуд аз раҳи рост* (Гул., с.41). – Служащих истине, когда же Бог обидел? На истинном пути погибших я не видел (Гул., с.70). *Ҳар кӣ симои ростон дорад, сари хидмат бар остон дорад* (Гул., с.55). – И праведник, высоко чтущий Бога, главу склоняет у его порога (Гул., с.85)

Кроме вышепредставленных семантических групп, возможно существование совместных смысловых групп для всех трех исследуемых нами ЛСП («красота/зебой» – «добро/некӣ» – «истина/хақиқат»)

1. Соотношение честности и дружбы: *Розе, ки ниҳон хоҳӣ, бо кас дар миён манех ва агарчи дӯсти мухлис бошад, ҳамчунин мусалсал* (Гул., с.210). – Тайну, которую хочешь утаить от всех, не раскрывай ни перед кем, даже перед твоим верным другом, ибо у этого друга могут оказаться свои верные друзья - и так образуется целая цепь (Гул., с.279)

2. Проявление истинной красоты: *Ростро зинати ростӣ тамом аст!* (Гул., с.243) – Правая рука достаточно украшена тем, что она правая! (Гул., с.324) *Тавонгари фосиқ кулӯхи зарандуд асту дарвеши солиҳ шоҳиди хоколуд* (Гул., с.232). – Распутный богач – это грязи позолоченный комок, а праведный бедняк – красавица, покрытая пылью дорог (Гул., с.308).

3. Сравнение внешней красоты с внутренним миром. Внутренняя красота ценится в человеке больше, чем внешняя, так как красота души гораздо важнее в жизни человека: *Ҷавонмардию лутфу одамият, ҳамин нақиши ҳаюлоӣ матиндор* (Гул., с.190). – *Человек великодушным, щедрым должен быть, человек ли ты не скажешь по чертам лица* (Гул., с.258)

4. Связь красоты и добра и их антонимичный характер по отношению друг к другу: *Як хилқати зебо беҳ аз ҳазор хилъати дебо* (Гул., с.125). – *Добрая природа лучше тысячи шелковых платьев* (Гул., с.174). *Агар ҳанзал хӯрӣ аз дасти хушхӯӣ, беҳ аз ширинӣ аз дасти туруширӯӣ* (Гул., с.113) – *Из рук у доброго возьмёшь ты колоквинт, как сладость, а кислолицый сладость даст – и все тебе не в радость* (Гул., с.159).

Выявленные семантически общие группы могут выступать одним из доказательств триединства изучаемых лексико-семантических полей. Представленные группы указывают на то, что красота – это, в первую очередь, внешнее восприятие, а истинная красота – это добро.

Таким образом, семантическая реализация пословиц и поговорок «Гулистана» и их перевод на русский язык позволил определить не только способы передачи семантики одного из культурных кодов, но и определить связь изучаемых ЛСП.

В лексическом плане здесь важным является использование совместных сочетаний компонентов ЛСП «красота/зебой» – «добро/некӣ» – «истина/ҳақиқат»: *дӯсти мухлис* (верный друг), *зинати ростӣ* (истинная красота), *сурати некӯ* (добрая внешность), *сурати зебо* (внутренняя красота), *хилқати зебо* (добрая природа).

Так, сопоставительное изучение отдельно взятых лексико-семантических полей в составе пословиц и поговорок на материале творчества одного писателя позволяет вывести общие и частные закономерности двух родственных/неродственных языков (в данном случае на материале таджикского художественного текста и его перевода на русский язык). Анализ произведения «Гулистон» и его русского перевода показал, что таджикские и русские

пословицы и поговорки с компонентами ЛСП «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат» в структурном плане чаще всего совпадают, а их лексико-семантические аспекты, образуя систему языка народа – носителя, олицетворяют общую национально-культурную специфику реалий сравниваемых языков.

3.3 Трансформация лексем ЛСП «красота/зебой», «добро/некй», «истина/хақиқат» в составе фразеологизмов в индивидуально-авторском преобразовании

В таджикской лингвистической науке пока очень мало научных работ по изучению фразеологизмов в авторском тексте на примере конкретного произведения [Маджидов Х.М., 1981; Мирзоева М.М., 2008; Шарипова Г.А., 2013 и др.],

Однако, несмотря на огромную работу, проделанную таджикскими языковедами, многие основополагающие вопросы, связанные с лексико-смысловой и структурной организацией устойчивых словосочетаний, а также изучение фразеологических аспектов в составе художественных текстов и особенности их перевода на русский язык в литературном произведении до сих пор не изучены в достаточном объёме.

В современной лингвистической науке проблема сопоставления и сравнения языков на материалах переводческой литературы занимает одну из центральных мест.

Таким образом, в данной части исследовательской работы мы изучим особенности лексико-семантических полей «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат» в составе фразеологизмов произведения «Гулистон» Саади Шерози.

В результате направленной выборки из данного произведения выявлено 26 фразеологизмов («красота/зебой» (10) – «добро/некй» (10) – «истина/хақиқат» (6)) с переводом на русский язык (Диаграмма 2).

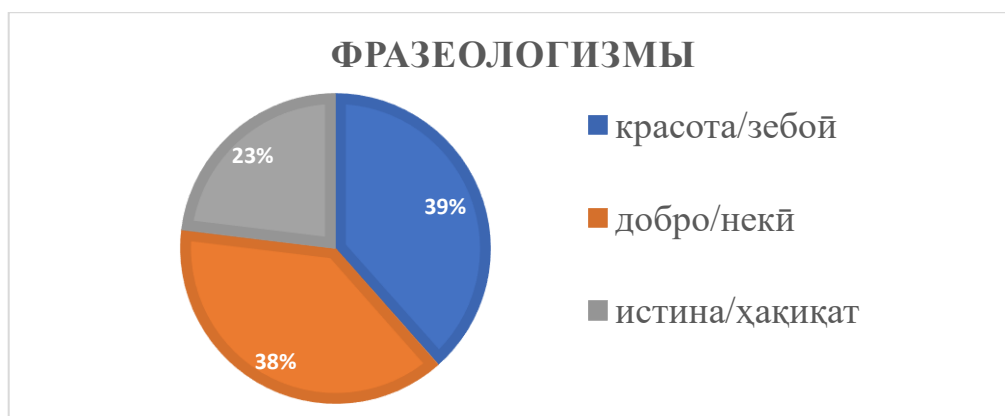

Диаграмма 2.

Для начала важно изучить способы и особенности перевода фразеологизмов в данном произведении.

Выделяют следующие способы перевода, обеспечивающие адекватность передачи фразеологических единиц:

1. Эквивалентный способ передачи, который, в свою очередь, делится на полный и частичный эквиваленты.

Полные эквиваленты – это совпадение компонентов фразеологизма по значению, лексическому составу, образности стилистической направленности и грамматической структуре: *чони пок (чистая душа); номи нек (доброе имя); ба дил фуруд омадан (проникнуть в сердце); кашфи хақиқат кардан (выявить истину); ҳақ дар чониби ўст (правда на его стороне).*

Например: *...Ва малик дар **кашфи хақиқат** он истиқсо нафармуд... (Гул., с.44). – А царь не соизволил, как надлежало бы, рассмотреть их жалобы, чтобы **выявить истину**... (Гул., с.72)*

Частичные эквиваленты – это лексико-грамматические расхождения при наличии одинакового значения: *сиришти пок (чистая природа); дасти дўстї гирифтан (подать руку помощи); дил бар сидқ гувоҳї додан (сердцем верить в правду).*

Например: *Ҳар мавлуде бо **сиришти пок** зода мешавад ва падару модаранд, ки ўро яҳудї кунанд, масеҳї гардонанд ва ё оташпараст созанд (Гул., с.27). – Люди рождаются только с **чистой природой**, и лишь потом отцы делают их иудеями, христианами или огнепоклонниками (Гул., с.52). – **Дили ман бар сидқи***

*ин гувоҳӣ медиҳад ва ҷуз ин натавон будан (Гул., с.189). – Я сердцем верю в то, что этот рассказ **правдив** (Гул., с.256)*

2. Способ аналогии. Здесь подразумеваются фразеологизмы, совпадающие по смыслу и стилистической направленности, но различающиеся по структуре и лексико-грамматическому составу: *меваи унфувони шабобаши наврасида (в расцвете ранней юности); моҳи шаби чордаҳ (полная луна); чаими некӣ доштан (ждать добрых всходов); дар дида накӯ намудан (глаз привлекать); бахшидани хун (даровать жизнь).*

Например: *Ба ҳукми он ки хулқе дошт таййибуладо ва ҳалқе дошт калбадри изо бад, яъне чун **моҳи шаби чаҳордаҳ**, ба ҳангоме, ки тулуъ мекунад (Гул., с.154). – У него был прекрасный голос, а лицо словно **полная луна** (Гул., с.212). *Ҳар чӣ ба дил фуруд ояд, **бар дида накӯ намояд!** (Гул., с.146) – Что в сердце проникает, то и **глаз привлекает!** (Гул., с.201)**

*Ҳар он ки тухми бадӣ кишту **чаими некӣ дошт**,
Димоғи беҳуда пухту хаёли ботил баст (Гул., с.34).*

*Кто, зло посеяв, **добрых всходов ждет**,
Того пусть лишь мечта тревожит (Гул., с.61)*

3. Описательный способ передачи. Данный способ используется в случае, если состав представленного фразеологизма не имеет эквивалента в переводимом языке: *сабзаи гулистони изораши навдамида (травка на лужайке его ланит едва пробивалась); сурату зоҳир покиза (благородный облик).*

Например: *Дар он миён ҷавоне буд, меваи унфувони шабобаши наврасида ва **сабзаи гулистони узораши навдамида** (Гул., с.25). – Случайно среди них оказался молодой человек в расцвете ранней юности; **травка на лужайке его ланит едва пробивалась** (Гул., с.51)*

4. Дословный перевод (калькирование). Использование такого перевод особо значимо, когда образ, заключающийся в компонентах фразеологизма, которые важны для понимания текста, а возможная их замена не дает достаточного эффекта: *дасти карам кушодан (раскрыть руку великодушия); ҳисоби пок доштан (правильный счет).*

Например: *Дасти карам беҳ зи бозуи зӯр!* (Гул., с.107) – *Лучше щедрые ладони, чем большой кулак!* (Гул., с.150). *Онро, ки ҳисоб пок аст, аз муҳосаба чӣ бок аст?* (Гул., с.41) – *У кого правильный счет, тот спокойно живёт...* (Гул., с.70)

5. Способ лексического перевода. Применяется только в том случае, если отсутствуют другие, более образные способы, так как этот способ может привести к ослаблению эмоционального эффекта и степени образности фразеологизма. Лексический перевод не нормирован, то есть количество слов не ограничено определенными рамками и грамматическими средствами. Зачастую это приводит к обеднению фразеологического потенциала: *наботи ораш оби ҳаёт мехӯрад* (ланиты белые живой поил родник); *равнақи бозори ҳуснаш шикаста* (прошло оживление на базаре его красоты); *рӯи некувон бо хатти сабз ҷустан* (лицо красавицы с девственным пушком).

Например: *Он хулқи Довудӣ мутагайӣиш шуда ва он ҷамоли Юсуфӣ ба зиён омада ва бар себи занахдонаш чун биҳ гарде нишаста ва **равнақи бозори ҳуснаш шикаста*** (Гул., с.154). – *На его голос, подобный голосу Давида изменился, красота, подобная красоте Юсуфа, поблекла, яблоко его подбородка покрылось пушком, подобный пушку айвы, и **прошло оживление на базаре его красоты*** (Гул., с.213)

*Он ки **наботи ораш оби ҳаёт мехӯрад,***

Дар шакараш ниғаҳ кунад ҳар кӣ набот мехӯрад (Гул., с.154).

Ланиты белые живой поил родник,

Отведай сладких уст, кто к сахару привык (Гул., с.212)

6. Однословный способ передачи. Здесь смысл фразеологической единицы передаётся посредством лишь одного слова. Данный способ перевода часто приводит к опущению фразеологизма: *дари сулҳ задан* (затишье); *симои ростон доштан* (праведник).

Пример:

Бо мардуми сулҳхӯй душхор мағӯй,

*Бо он ки **дари сулҳ занад** чанг маҷӯй!* (Гул., с.212)

Не говори с мягкосердечным грубо,

*Не ссорься с тем, кому **затишье** любо! (Гул., с.282)*

Изучая лексико-семантический состав фразеологизмов с семантической направленностью «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хакикат» в произведении «Гулистон» мы прослеживаем разграничения и соответствия в содержательно-тематических признаках.

Так, во фразеологизмах с семантикой «КРАСОТА/ЗЕБОЙ» и их эквивалентах на русском языке в «Гулистоне» Саади Шерози выявлены следующие содержательно-тематические группы:

1. Красота юности: *меваи унфувони шабобаи наврасида (расцвет ранней юности); сабзаи гулистони узораи навдамида (травка на лужайке его ланит едва пробивалась).*

2. Сочетание внутреннего и внешнего качества: *чамоли сурату камоли маънй доштан (благородная осанка и духовное совершенство); зоҳири ба салоҳ ораста (благочестивая внешность).*

3. Олицетворение красоты: *моҳи шаби чордах (полная луна); наботи оразаи оби ҳаёт мехӯрад (ланиты белые живой поил родник); равнақи бозори ҳуснаи шикаста (прошло оживление на базаре его красоты).*

4. Созерцаемость красоты: *дар зоҳир айб надидан (не видит недостатков); сурату зоҳири покиза (благородный облик).*

Возможными содержательно-тематическими парами для фразеологизмов с семантикой «добро/некй» являются:

1. Действия человека: *чаими некй доштан (ждать добрых всходов), дасти дӯстй гирифтан (подать руку помощи); дасти карам кушодан (раскрыть руку великодушия/щедрая ладонь); дари сулҳ задан (предлагать мирное соглашение/затишье); бахшидани хун (простить/ даровать жизнь).*

2. Характеристика поведения человека: *номи нек (доброе/честное имя); ба дил фуруд омадан (проникнуть в сердце/проникать в душу).*

3. Внешнее восприятие добра: *дар дида накӯ намудан (глаз привлекать).*

4. Синонимическое восприятие добра и чистоты: *ҷони пок (чистая душа); сиришти пок (чистая природа)*.

Во фразеологизмах ЛСП «истина/ҳақиқат» выявлены следующие номинативные содержательно-тематические группы:

1. Внешняя характеристика: *симои ростон доштан (праведник)*;
2. Действия человека: *гум шудан дар раҳи рост (запутаться/погибнуть на истинном пути); ҳисоби пок доштан (быть чистым на руку/правильный, чистый счет)*;
3. Возможность выявления истины: *кашфи ҳақиқат кардан (выявить истину)*;
4. Способность чувствовать истину: *дил бар сидқ гувоҳӣ додан (сердцем верить в правду)*.

В лексическом составе фразеологизмов произведения «Гулистон» видна связь и сочетаемость компонентов ЛСП «красота/зебой» – «добро/некӣ» – «истина/ҳақиқат».

1. Лексико-семантическое сочетание компонентов ЛСП «красота/зебой» - «добро/некӣ»:

Зоҳири ба салоҳ ораста (Благочестивая внешность): ЗОҲИР ‘шакл, ҳолати берунӣ’ (образ, внешний вид) [251, 459]; САЛОҲ ‘некӣ, некукорӣ’ (доброта, творить добро) [250, 182]; ОРАСТАН ‘зинат додан, зебу зинат додан, музайян кардан, оро додан’ (украшать) [251, 924].

Рӯи некувон (лицо красавиц): РҶ(Й) ‘чеҳра, рухсор’ (облик, лицо) [250, 155] и НЕКУВОН состоит из 2 слов НЕКҶ ‘хуб, нағз; хушрӯй, зебо’ (хороший, добрый, красивый) [251, 849]; АБРУВОН ‘хатти камоншакли мӯйҳо, ки дар таги пешона ва болои чашм аст’ (брови) [251, 30].

2. Лексико-семантическое единство лексем ЛСП «красота/зебой» - «истина/ҳақиқат»:

Симои ростон (праведник): СИМО ‘рӯй, чеҳра, талғат’ (лицо, облик, мимика) [250, 239]; РОСТО ‘дуруст, саҳех, рост’ (правильно, точно) [250, 145].

3. Лексико-семантическая связь слов ЛСП «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат»:

Сурату зоҳири покиза (благородный облик); СУРАТ ‘зоҳир, шакл, намуд, ҳайат, намуди зоҳирӣ’(внешний вид, облик) [250, 275]; ЗОҲИР ‘шакл, ҳолати берунӣ’ (внешний вид, облик) [251, 459]; ПОКИЗА ‘хуб, некӯ, нағз; дуруст’ (добрый, хороший; правильный) [250, 80].

Ҷони пок (чистая душа); ҶОН ‘рух, равон, маҷ. зиндагӣ, ҳаёт’ (душа, жизнь) [250, 787].

Сиришти пок (чистая природа) СИРИШТ ‘фитрат, ниҳод, тинат; асос ва мояи табъу табиат; хулқ, хислат’ (основа, характер, природа) [250, 246]; ПОК ‘1. соф, тоза, покиза; маҷ. беайб (чистый, невинный) 4. Дуруст (правильный)’ [250, 79].

В представленных выше сочетаниях центральным компонентом является лексема ПОК/ПОКИЗА, так как в данном слове сочетаются основные характеристики всех трех исследуемых нами ЛСП.

Таким образом, исследование и сопоставление лексико-понятийные поля «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат» в комплексе ЛСП «Прекрасное/Зебой» в русском и таджикском языках на примере произведения «Гулистон» Саади Шерози позволяет сделать несколько основных выводов:

1. Изучение переводческих текстов художественной литературы, как один из способов сравнения языков, позволяет выявить общие и специфичные особенности исследуемых ЛСП в русском и таджикском языках;

2. Способы выбора перевода конкретного слова в контексте различны в зависимости от особенностей реализации и целевой направленности лексем;

3. Содержательно-тематические признаки чаще всего совпадают во всех ЛСП, так как передают значение действия, характеристику поведений, внешние и внутренние атрибуты и состояния человека;

4. Во фразеологических конструкциях гармонично сочетаются лексемы ЛСП «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат».

Выводы по третьей главе

Целенаправленное изучение текста «Гулистон» и его перевода на русский язык позволило выявить основные признаки и особенности ЛСП «Прекрасное/Зебой» в триединстве красоты/зебой – добра/некй – истины/хақиқат не только в таджикском языке, но и увидеть союз исследуемых лексем в переводном тексте русского языка. Ведь лексико-семантическую связь понятий красоты/зебой – добра/некй – истины/хақиқат можно обнаружить не только в общности лексического состава и семантико-тематических групп, но и в способе переводе этих слов в определенном контексте. Так, лексема *накӯ(ӣ)* переводится посредством слов *добро* и *красота*. Критерий выбора перевода зависит от контекста, а варианты перевода показывают общность этих слов.

Связь между понятийными компонентами триады заключается во взаимном их использовании в рамках лексико-семантического поля «Прекрасное/Зебой» в русском и таджикском языках (*номи нек – честное/доброе имя*).

Также у Саади Шерози в «Гулистоне» прослеживается ярко выраженная синонимическая связь правды (истины) с эстетической характеристикой лица (красота) при участии этической и нравственной семантики (добро): (*распутный богач — грязи комок; праведный бедняк — красавица; правая рука — украшена тем, что она правая*).

Переход с языка эстетики на язык этики также ярко выражено в образах героев художественной литературы. Примером могут служить образы Юсуфа (Иосифа Прекрасного) и Анушервони одил (Ануширвана Справедливого), указанных в проанализированном тексте «Гулистон».

Особое место в настоящей исследовательской работе занимает выявление пословиц, поговорок и фразеологизмов с компонентами ЛСП «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат» в произведении «Гулистон». В результате направленной выборки из данного произведения выявлено 49 пословиц и поговорок, в которых участвуют компоненты ЛСП «красота/зебой» (9) – «добро/некй» (28) – «истина/хақиқат» (12) и 26 фразеологизмов («красота/зебой» (10) – «добро/некй» (10) – «истина/хақиқат» (6)) с переводом на русский язык.

Семантическая реализация пословиц и поговорок «Гулистана» и специфика их перевод на русский язык позволили нам определить не только способы передачи семантики одного из культурных кодов, но и определить связь между ядерными компонентами ЛСП «Прекрасное/Забой».

Итоговая формула: Истина есть добро и красота, в рамках человеческого восприятия, красота есть то же добро и та же истина, но наделенная формами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование, направленное на моделирование ЛСП «Прекрасное/Зебой» в триединстве «красота/зебой» – «добро/некӣ» – «истина/хақиқат» в русском и таджикском языках на базе выделенных материалов нашего изыскания, позволяет сделать следующие научные заключения:

В рамках полевого подхода настоящего научного исследования идентификация и отбор компонентов в лексико-семантическое поле проходил ступенчато и целенаправленно, на базе существования в словарной дефиниции главных инвариантных семантических признаков понятия «Прекрасное/Зебой».

На базе собранного фактологического материала и их семантической, коннотативной и грамматической реализации, выявлены основные сходства и различия.

I. Общее в составе, структуре и положении ЛСП «Прекрасное/Зебой» в системе русского и таджикского языков:

1. При изучении одноязычных и двуязычных толковых словарей русского и таджикского языков в толковании слова «Прекрасное/Зебой» установлена общность понятий КДИ в сопоставляемых нами языках.

При этом в русском языке в словарной статье к лексеме ПРЕКРАСНОЕ в соответствии с ТСРЯ (с включением происхождения слов) (2011) выявлена семантическая направленность понятий «добро» и «красота». Но связь с понятийным полем «истины», как часть ЛСП «прекрасное», установлена посредством толкования лексемы «добро» (Схема 1, 2).

В таджикском языке в толковании лексемы «прекрасное/зебой» в соответствии с ФЗТ (1969), в отличие от русского языка, зафиксировано прямое семантическое указание на тройственный союз понятийных полей «красота/зебой» – «добро/некӣ» – «истина/хақиқат». Лексическими репрезентантами этой связи в словарной статье выступают слова *хушрӯй* (красивый), *нек* (хороший, добрый), *наҷиб* (превосходный, честный) и их понятийные характеристики.

2. Объем понятийного поля «Прекрасное/Зебой» в единстве КДИ в исследуемых языках включает в себя общие составляющие: «образ», «внешность», «форма», «идеал», «совершенство», «внутреннее содержание», «нравственный», «справедливость», «правильность», «действительность», «духовный», «божественный».

3. В составе ЛСП «Прекрасное/Зебой» выявлено примерно одинаковое количество ЛСГ, в денотативной и коннотативной области которых присутствуют лексико-семантические признаки КДИ: «Внешнее проявление», «Внутренняя нравственная характеристика» «Вероисповедание», и, главным образом, антропоцентрическая связь в тройственном союзе «ЧЕЛОВЕК олицетворение красоты/зебой – добра/некй – истины/хакиқат». Эти группы охватывают примерно одинаковый объём семантических показателей, что позволяет говорить о соотносимости и триединстве данных понятий.

4. Структура ЛСП «Прекрасное» и ЛСП «Зебой» также характеризуется такими единицами, как центр, ядро, ближняя и дальняя периферия. В нашем случае в центре поле стоит лексема «Прекрасное» в русском языке и «Зебой» в таджикском как семантическая доминанта всех выявленных составных элементов поля. В соответствии с собранными фактологическими данными на основе материала настоящего исследования, в ядерной позиции находятся единицы, которые выражают общее значение всех составных компонентов изучаемого ЛСП, с учетом частотности данных лексем в тексте анализируемой художественной литературы. Далее лексические единицы располагаются вокруг ядра в соответствии с идентификацией лексем в составе словарей и художественного текста. Отношения между составными компонентами поля, предполагающий вхождение простых единиц в более сложные, создают целостную структуру лексико-семантического поля.

Так, слова «красивый», «добрый», а затем лексема «праведный» в русском языке, и компоненты «зебо», «хуб», «нағз» являются ядром понятийного поля «Прекрасное/Зебой». Эти лексемы употребляется в рассматриваемых художественных материалах чаще других слов.

Также в составе исследуемого ЛСП значимое место занимает пересечение понятийного ряда лексем КДИ с теми уровнями, на которых были установлены схожие семантические показатели (выявленный компонентный состав микрополей КДИ представлен в приложении).

5. Парадигматика и синтагматика единиц понятийных полей КДИ и их связи указывают на то, что данные понятия занимают приблизительно одинаковое место в структуре оценочной семантики русского и таджикского лингвокультурного мира. Лексемы красоты/зебой, добра/некй, истины/хақиқат как ядерные компоненты ЛСП «Прекрасное/Зебой» тесно связаны, с одной стороны, в области эмоционально-эстетической, а с другой – рационально-нравственной оценки. При этом именно оценка 'добрый/нек' находится в «оценочной модели мира» сопоставляемых языков как бы на приграничной зоне этих оценок. Важным наблюдением было то, что лексемы «красоты/зебой» – «добра/некй» – «истины/хақиқат» располагаются в языковой картине мира русского и таджикского народов в семантической области ЧЕЛОВЕК.

II. Различия в структуре, составе и положении ЛСП «Прекрасное/Зебой» отражают особенности национального восприятия, оценивания действительности и систему языков русского и таджикского народов.

1. В русском языке зафиксировано участие особой микрогруппы **«Зрительное восприятие»** («ненаглядный», «видный», «завидный», «миловидный», «благовидный», «взрачный» (устаревшее слово)). В таджикском языке не было установлено участие лексической группы с компонентом *чаим* (глаза), но выявлено функционирование лексем *намуд*, *шакл* (вид) (*хушнамуд*, *паришакл*)

2. В русском языке наблюдается присутствие базового существительного «краса», которое является архаизмом. А в таджикском языке значимое количество слов данного поля заимствованы из арабского языка и закрепились в таджикском, образуя ряд производных слов.

3. В исследуемых языках в понятийном поле «красота/зебой» красота женщин представлена более детально, чем красота мужчин. При этом следует

заметить, что для таджикского языкового мира не характерно описание мужской красоты.

4. Сравнивая собранные статистические данные, мы, в первую очередь, находим большие расхождения в средствах реализации понятийных полей КДИ. Лексических средств выражения данных понятий в составе ЛСП «Прекрасное/Зебой» в русском языке (315) меньше, чем в таджикском (459). При этом следует заметить, что в соответствии с представленными статистическими данными, основную часть состава ЛСП «Прекрасное/Зебой» в русском языке составляют лексемы понятия «красота/зебо» (170), а в таджикском основную часть анализируемого поля сначала занимают лексемы поля «добро/некй» (209), затем «красота/зебой» (194). Лексические единицы понятийного ряда «истина/хақиқат» являются также значимой частью ЛСП «Прекрасное/Зебой» в сопоставляемых нами языках. Несмотря на то, что компонентов поля «истина/хақиқат» в таджикском языке (56) больше, чем в русском (29), эти лексемы функционально и семантически идентичны между собой.

5. Сопоставительный лексико-семантический анализ внутренней формы и образного значения пословиц и поговорок на предмет реализации ЛСП «Прекрасное/Зебой» позволил определить круг значений, которые вошли в фрагмент семантического поля: «соотношение внешности и содержания», «наружность может быть обманчива», «по внешнему виду человека нельзя судить о его внутренних качествах», «о человеке судят не по внешнему виду, а по его делам, по поступкам», «красота преходяща, она невечная», «не в красоте ценность человека», «связь красоты, добра и ума», и, наоборот, «по внешнему виду можно судить о внутренних качествах», «лицо отражает внутренний мир», «за некрасивой внешностью может скрываться красивый внутренний мир», «не в красоте заключается счастье», «непосредственная связь красоты и воспитания девушки с чертами ее матери» и т.д. Причем основная часть значений в равной мере значимы для сопоставляемых языков. Однако, значение «не в красоте заключается счастье» в большей степени характерно для русского

лингвокультурного мира, а «непосредственная связь красоты и воспитания девушки с чертами ее матери» присуща таджикским паремиям.

III. Общие выводы:

Результаты исследования лексикографических данных позволяют сделать предположение о том, что на современном этапе ЛСП «Прекрасное/Зебой» играет основную роль в «оценочной модели мира» русского и таджикского народов.

Лексические, фразеологические и паремические единицы ЛСП «Прекрасное/Зебой» русского и таджикского языков находятся в дистрибутивных отношениях, репрезентируемые «своими» лингвокультурными особенностями, задавая им разную концептуальную и смысловую глубину, но точки соприкосновения четко устанавливаются в триединстве КДИ в исследуемых языках.

Лексико-семантический и структурный анализ состава ранее выявленных лексем ЛСП «Прекрасное/Зебой» в триединстве красота/зебой – добро/некий – истина/ҳақиқат позволил нам научно обосновать союз этих понятий в толковании, а также проследить коннотативную общность лексического состава исследуемых языков.

Так, применение комплексной методики при описании ЛСП «Прекрасное/Зебой» позволило составить достаточно объективное представление о составе, структуре и положении данного ЛСП в системе русского и таджикского языков. Проведённое исследование открывает нечто новое, своеобразное, и его результаты позволяют увидеть, как система ценностей национального сознания способна отражаться в лексической семантике языка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАСРЯ – Большой академический словарь русского языка

МАС – Малый академический словарь

ТРС – Таджикско-русский словарь

РТС – Русско-таджикский словарь

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь

ФЗТ – Фарҳанги забони тоҷикӣ

ТСТЯ – Толковый словарь таджикского языка

ФТЗТ – Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ

НКРЯ – Национальный корпус русского языка

НКТЯ – Национальный корпус таджикского языка

ЛСП – Лексико-семантическое поле

ЛСГ – Лексико-семантическая группа

ЛТГ – Лексико-тематическая группа

КЛС – Категориально-лексическая сема

ДС – Дифференциальная сема

ЛАЯз – Логический анализ языка

КДИ - «красота/зебой» – «добро/некй» – «Истина/ҳақиқат»

ПН – «Преступление и наказание»

ЧЧ – «Чинойт ва Чазо»

БК – «Братья Карамазовы»

Гул. – «Гулистон»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Научная и исследовательская литература:

1. Абдуллозода, Р. Зарбулмасал ва мақолҳо дар асарҳои С.Айнӣ / Р. Абдуллозода. – Сталинобод: Нашрдаврточик, 1958. – 102 с.
2. Аверина, М. А. Вербализация концепта «красота» в лексеме «прекрасный» как составляющая языковой картины мира / М. А. Аверина // *Universum: филология и искусствоведение*. – 2014. – № 10(12). – С. 12–14.
3. Адмони, В. Г. Основы теории грамматики: / В. Г. Адмони. – под. общ. ред. В. М. Жирмунского (отв. ред) М. М. Гухман. М.: Изд-е второе, стер. – Едиториал УРСС, 2004. –104 с.
4. Адмони, В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В.Г Адмони.– Л., 1988. – С. 77-78.
5. Азизова, М.Э. Способы передачи русских глаголов с приставкой-за на таджикский язык: вероятностно-статическая интерпретация дис...канд...филол. наук: 10.02.20 / М. Э. Азизова. – Душанбе, 2004. –150 с.
6. Азизова, М. Э. Пространственно-направительные значения русских приставочных глаголов в сопоставлении с таджикским языком (структурно-семантический аспект) / М. Э. Азизова. – Душанбе, ЭР-ГРАФ. 2014. – 245с.
7. Азизова, М.Э. Приставочные глаголы русского языка в сопоставлении с таджикским (структурно-семантический аспект): дис. д-ра. филол. наук: 10.02.20 / Азизова М. Э. – Душанбе, 2015. – 389с.
8. Азимова, М.Н. Воҳидҳои фразеологии забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ дар шарҳи муқоисавӣ-типологӣ / М.Н. Азимова. – Хучанд, 2014. – 179с.
9. Азимова, М.Н. Сопоставительно-типологический анализ фразеологической системы таджикского и английского языков: автореф. дис. д-ра филол. наук / М.Н. Азимова. – Душанбе, 2006. – 50с.

10. Анашкина, А. В. Концепт красота и его воплощение в дискурсе рок – поэзии (на материале текстов группы «Аквариум») / А. В. Анашкина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 2 (143). – С. 59–61.
11. Аникин, В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. Исследование и тексты.: Пособие для учителя / В.П. Аникин. – М.: Учпедгиз.,1957. – 240 с.*
12. Аниськина, Н. В. Лексическая экспликация концепта красота в современной рекламе / Н. В. Аниськина // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 2. – С. 87–92.
13. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – 512с.
14. Апресян, Ю.Д. Избранные труды: В 2-х т. Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян.- М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 472 с.
15. Арутюнова, Н. Д. Истина и этика // Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. – С.7-23
16. Арутюнова, Н. Д. Истина: фон и коннотации // Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. – С.21-30
17. Арутюнова, Н.Д. Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания, 1983. №3. – С. 13-24
18. Арутюнова, Н.Д. Типы языкового значения: Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. – 341с.
19. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека: 2-е изд., испр. / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
20. Арутюнова, Н.Д. Истина. Добро. Красота: взаимодействие концептов / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2004. – С. 5-29.

21. Арутюнова, Н.Д. Образ: Опыт концептуального анализа // Референция и проблемы текстообразования. – М., 1988. – 207с.
22. Асроров, В.М. Зарбулмасал ва мақолаҳои тоҷикӣ / В.М. Асроров. – Сталинобод: Нашриёти Давлатии Тоҷикистон, 1956. – 99 с.
23. Асроров, В.М. Фольклор и творчество писателя в таджикской советской литературе. (На примере творчества С.Айни и А.Лохути): Автореф. дисс. д-ра филол.наук / В.М. Асроров. – Душанбе, 1968. – 160 с.
24. Афанасьева, Л.В. Лексико-семантическое поле как лингвистическое понятие // Современные проблемы германского и романского языкознания: Международная научно-практическая конференция, - Кировград, 2016. С.115-120
25. Бабкин, А.М. Лексикографическая разработка русской фразеологии / А.М. Бабкин. – Л., 1964. – 76 с.
26. Бабкин, А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники / А.М. Бабкин. – Л.: Наука, 1970. – 264 с.
27. Балли, Ш. Французская стилистика /Пер. с фр. К.А.Долинина. – М.: Феникс, 1961. – 394 с.
28. Баракаева, Г.Б. Принципы составления таджикско-английского словаря и вопросы таджикской и английской лексикографии / Г.Б. Баракаева //АКД. – Душанбе, 1968. – 24 с.
29. Бабенко, Л.Г. Лексико-семантическое поле доброта: общее и национально-специфическое (на материале русского и китайского языков) / Л. Г. Бабенко, Цуй Янь // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 58–66.
30. Бабенко, Л.Г. Лексико-семантическое пространство русского глагола // Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург, 1997. – С. 30–45.
31. Бабенко, Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л.Г. Бабенко. – Свердловск: Из-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.

32. Байрамова, Л.К., Бойчук, В.А. Истина и правда в аксиологическом, философском, этимологическом, лингвистическом, религиозном и художественном аспектах // Вестник ЧелГУ, 2016. – № 7 (389). – С. 20-28.
33. Бархударов, Л.С. Общелингвистическое значение теории перевода / Л.С. Бархударов // Теория и практика перевода. – Л., 1962. – С. 8-14.
34. Бахтин, М.М. Чужая/своя культура / М.М. Бахтин. – М.: Прогресс, 1984. – 321с.
35. Бобоев, Э. Назаре ба таърихи инкишофи таълимоти воҳидҳои фразеологӣ / Э. Бобоев // Научные записки ЛГПИ им С.М.Кирова. Т.48, вып.1. – Ленинабад, 1971. – С. 95 – 104.
36. Богуславский, В.М. Типология значений образных средств и выражения оценки внешности человека: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. - М., 1995. – 53с.
37. Бойматова, Н. К. Семантическое поле концепта «Красота» в таджикской и английской лингвокультурах: дис... канд... филолог... наук. 10.02.20 / Н. К. Бойматов. – Душанбе, 2019 – 174 с.
38. Бондарко, А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / А.В. Бондарко. – М., 2002. – 736с.
39. Босова, Л.М. Проблема соотношения семантических и смысловых полей качественных прилагательных [Текст] / Л.М. Босова. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – 184 с.
40. Брюханова, Ю.М. Женственная ипостась красоты в поэтической философии Бориса Пастернака / Ю.М. Брюханова // Вестник Брянского государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 223–226.
41. Бычков, В.В. Русская средневековая эстетика XI-XVIII вв. М.: Мысль, 1995. – 640с.

42. Валиева, З. А. Сравнительный анализ концепта меҳмоннавозӣ/ Hospitality (гостеприимство) в таджикском и английском языках / З. А. Валиева. - Вестник университета Российско-Таджикского (славянского университета). Душанбе, – 2019.С. 187– 197.
43. Васильев, В. А. Гегель о благе и добродетели // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 1. – С. 181-196
44. Васильев, В. А. Добро и добродетель в нравственной философии В. С. Соловьева // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 6. – С. 254-269
45. Васильев, В. А. Платон о благе и добре // Социально-гуманитарные знания. 2004. №3. – С.155-169
46. Васильев, В. А. Сократ о благе и добродетели // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 1. – С.276-290
47. Васильев, Л.М. Теория семантических полей / Л.М. Васильев // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 105 – 113
48. Вежбицкая, А. Лексикография и концептуальный анализ / А. Вежбицкая. – М., 1985. – 44с.
49. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М., 2001. – 288 с.
50. Вежбицкая, А. Прототипы и инварианты//А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание./Отв. ред. М. А. Кронгауз. – М., 1996. – 97с.
51. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В.В. Виноградов. – М.Л., 1947. – С.339-364
52. Виноградов, В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В.В. Виноградов //Труды юбилейной сессии ЛГУ. – Л.: 1946. – С.45-69
53. Виноградов, В.В. Избранные труды / В.В. Виноградов. –М., 1977. – 312 с.
54. Виндельбанд, В. Философия культуры и трансцендентальные идеализм // Культурология XX век. М. — 1995.

55. Влахов, С., Флорин, С. Непереваемое в переводе.- 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1986. – 416 с.
56. Выгонная, Л.Т. К системному описанию полесских названий земельных угодий / Л.Т. Выгонная // Полесье: Сб. научн. тр. – М., 1968. – С. 118-125.
57. Гаврин, С.Г. К вопросу об отличии пословиц от поговорок в современном русском литературном языке / С.Г. Гаврин // Учен. зап. Пермск.гос.пед.ин-та. – 1958. – Вып.17. – С.23-46.
58. Гак, В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. / В. Г. Гак. // Семантическая структура слова. М.: Наука, 1971, – С.78-96.
59. Гак, В. Г. Языковые преобразования. / В. Г. Гак. – М., 1998. – 768 с.
60. Гак, В.Г. Сопоставительные исследования и переводческий анализ / В.Г. Гак // Тетради переводчика: Науч.-теорет.сб. – М.Д979. – Вып.16. – С.11-12.
61. Гарипова, Г. Р. Концепт «гостеприимство» в русском и английском языках (на материале фразеологизмов: дис...канд... филол... наук. 10.02.20 / Г. Р. Гарипова. – Уфа, 2010. – 227с.
62. Гаффоров, Р. Забон ва услуби Раҳим Чалил (Язык и стиль Рахима Джалила на материале романа «Пулат и Гулру») / Р. Гаффоров. – Душанбе, 1966. – 224 с.
63. Герасимова, М.Н. Ассоциативный эксперимент как инструмент выявления семантического поля концепта / М.Н. Герасимова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2017. – №4(79). – С. 53–57.
64. Гордлевский, В.А. Персидские пословицы (собрание Мирзы Абдуллы Гаффара). Транскрипция, перевод и комметнории. Древности Восточные / В.А. Гордлевский. – М., 1913. – 225 с.

65. Гукетлова, Ф. Н., Бербекова, Ф. А. Метафорическая номинация концепта «красота» в разных лингвокультурах / Ф. Н. Гукетлова, Ф. А. Бербекова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – Вып. 3(63). – С. 161–164.
66. Гусейнов, Ф.Г. Русская фразеология / Ф.Г. Гусейнов. – Баку: Изд-во АГУ, 1977. – 120 с.
67. Давлатов, М. А. Лингвокогнитивный анализ лексики интеллектуальной характеристики человека в таджикском и русском языках. дис... канд...филол...наук. 10.02.20. / М. А. Давлатов. – Душанбе, 2019. – 234с.
68. Джабборова, М. Т. Межкатегориальные связи в системе неличных форм глагола (на материале русского и таджикского языков): автореф...канд... филол... наук. 10.02.20 / М. Т. Джабборова. – Душанб, РТСУ, 2005. – 45с.
69. Джамшедов, П. Д. Семантика видов в русском, таджикском и английском языках. / П. Д. Джамшедов. – Душанбе, 1989. – 175с.
70. Джумаев, М. О. Лексико-семантические особенности «Нафахат-ул-унса» Абдуррахмана Джами: автор. канд. дисс. \ М.О. Джумаев. – Душанбе, 2007. – 22с.
71. Дзюба, Е. В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре / Е.В. Дзюба. – Екатеринбург: УрГПУ, 2011. – 224 с.
72. Додихудоев, Р.Х., Герценберг Л.Г. Таърихи забони тоҷикӣ: Китоби дарсӣ барои факултети филологияи тоҷик – Душанбе; Маориф. 1987. – 200с.
73. Долгих, Н. Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии / Н. Г. Долгих. – Филол. наук, 1973.№1– С.89–99.
74. Еленевская, М.Н., Овчинникова И.Г. Хранение и описание вербальных ассоциаций: словари и тезаурусы // Вопросы психолингвистики. – 2016. – №3 (29). – С. 69–92

75. Ефимов, А.И. О языке художественных произведений / А.И. Ефимов. – М.: Учпедгиз, 1954. – 288с.
76. Ефимов, А.И. Об изучении языка художественных произведений / А.И. Ефимов. – Минск: Гос.учеб-пед. изд. БССР, 1953. – 140с.
77. Жабаета, С. С. Национально-культурная специфика реализации концепта «гостеприимство» (на материале казахского, русского и английского языков): дисс... канд...филол...наук. 10.02.20 /С. С.Жабаета. – Челябинск, 2004. – 164 с.
78. Железнов, Ю. Д. Представления об Истине, Добре и Красоте как основа взаимопонимания конфессий // Философские науки. 2003. №9.
79. Жельвис, В. И. Лингвокультурная характеристика концепта «красота» / В. И. Жельвис // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 1. – Т. I (Культурология) – С. 16–20.
80. Жуков, В.П. Русская фразеология / В.П. Жуков. – М., 1986. – 310с.
81. Жуков, В.П. Формоизменение фразеологизмов русского языка. Русистика / В.П. Жуков. – Берлин, 1991, № 2. – 36-40с.
82. Жуков, В.П., Жуков, А.В. Морфологическая характеристика фразеологизмов русского языка / В.П. Жуков, А.В. Жуков. – Л., 1980. – 277с.
83. Захарова, Т.В. Сравнительно – сопоставительное лингвокультурологическое исследование концепта «гостеприимство» (на паремиологическом материале русского и французского языков): автореф...дис...канд...филол...наук. 10.02.20 /Т. В. Захарова. – Екатеринбург. – 2011. – 23 с.
84. Ибрагимова, М. Модальные слова и модальные глаголы в таджикском и русском языках: АКД / М. Ибрагимова. – Душанбе, 1971. – 21 с.

85. Игболов, О.Ш. Лексико-семантический анализ особенностей пословиц и поговорок в таджикском и английском языках (на материале "Маснави маънави" Джалолуддина Руми): диссертация ... кандидата Филологических наук: 10.02.20 / Игболов О.Ш. – Душанбе, 2017. – 166 с.

86. Имомзода, М.М. Национальная специфика языковой объективации концепта «семья» в лексико – фразеологической и паремиологической системах таджикского и китайского языков: автореф...дис...канд... филолог... наук. 10.02.20 / М. М. Имомзода. – Душанбе, 2017. – 26 с.

87. Искандарова, Д.М. Стереотипы и ценностные доминанты в языковой картине мира таджикско-русского билингва исследования по когнитивной лингвистике: / Д. М. Искандарова. – Душанбе, 2013. – С. 69–74.

88. Камолиддинов, Б.К. Забон ва услуби Ҳаким Карим / Б. Камолиддин. – Душанбе: Ирфон, 1967. – С.5-7.

89. Камолиддинов, Б.К. Синтаксическая синонимия в современном таджикском литературном языке (синонимия субстантивных словосочетаний и простых предложений): монография / Б. К. Камолиддин. – Душанбе, 2012. – 285 с.

90. Карамшоев, Д. Категория рода в памирских языках (шугнано-рушанская группа) / Д. Карамшоев – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1969. – 163 с.

91. Карасик, В.И., Слышкин, Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А.Стернина. - Воронеж, 2001. – 75с.

92. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография/ Ю.Н. Караулов. – М., 1976. – 355 с.

93. Караулов, Ю.Н. Структура лексико-семантического поля / Ю.Н. Караулов // Науч. доклады высш. школы, Филологические науки – 1972. – №1. – С.57-68.

94. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. - М.: Наука, 1987. – 264с.
95. Каримова, Н. И. Семантические компоненты концепта «Дом» в славянской языковой картине мира / Н. И. Каримова // Когнитивная лингвистика. Российской – Таджикской (славянский) университет. Душанбе, 2003. – С.90 – 95.
96. Клевцова, О.Б. Концепт "человек телесный": когнитивное моделирование и переносы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. / О.Б. Клевцова. – Тюмень, 2007. – 30с
97. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика: Учеб. Пособие / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
98. Корнейчук, С. П. К вопросу о слове, концепте и языковом мышлении (на материале концепта красота) / С.П. Корнейчук // Известия высших учебных заведений. Северо – Кавказский регион. Общественные науки. – 2006. – № S14. – С. 42–46.
99. Кубрякова, Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) / Е.С. Кубрякова // Известия АН. СЛЯ. 1999. Т. 58. № 6. – 5с.
100. Кузнецова, А. И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. – М.: 1963. – 86с.
101. Кузнецова, А. И. Структурно-семантические параметры в лексике. А. И. Кузнецова. // На материале английского языка. – М.: 1980. – 160с.
102. Кузнецова, А.И. Смысловые отношения и их исторические изменения в лексико-семантической группе глаголов движения русского языка с XI по XX в.в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.И. Кузнецова. – МГУ. М., 1963. – 21 с.
103. Кульсарина, Г. Г. Концепт «красота» («матурлык») в башкирской языковой картине мира (на примере фольклорных текстов) / Г.

Г. Кульсарина // Вестник Башкирского университета. – 2011. – Т. 16. – № 3 (I). – С. 954–958.

104. Қосимова, М. Н. Таърихи забони адабии тоҷик (асри IX-X) / М. Н. Қосимова. – Қисми I. – Душанбе, 2003. – 491с.

105. Қосимова, М. Н. Хусисиятҳои забони зарбулмасалу мақол ва ҳикматҳои осори Камолӣ Хучандӣ /М. Н. Қосимова. - Вопросы лингвистики. –Душанбе: 2004. – С.14 – 26.

106. Ларин, Б.А. О методах изучения фразеологических сочетаний / Б.А. Ларин //Тез.докл. на секции филол. наук. – М., 1958 (59). – Л.,1959. – С.210- 213

107. Ларин, Б.А. Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов) / Ларин Б.А. // История русского языка и общее языкознание. – М., 1977. – С.125-129

108. Ларин, Б.А. Очерки по фразеологии // Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике: Учен.зап. / Б.А. Ларин / ЛГУ. – Л., 1956. – №198. – 181с.

109. Леонтьев, А. А. Мир человека и мир языка. / А. А. Леонтьев. – М: Дет. Лит., 1984. – 127с.

110. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Изв. РАН. Серия литературы и языка. – Т. 52. – № 1. – М., 1993. – С.3-9

111. Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв. Ред. Н.Д. Арутюнова. – М., 2004. – 388с.

112. Лосский, Н.О. Мир как осуществление красоты. Основы эстетики. – М.: Прогресс, 2017. – 1456с.

113. Маджидов, Х.М. О заимствовании фразеологических единиц из русского языка в таджикском /Х. М. Маджидов // Рус. яз. и лит. в тадж. шк. 1981– №2. – С.20 – 23.

114. Маджидов, Х.М. Фразеологическая система современного таджикского литературного языка / Х. Маджидов. – Душанбе: Деваштич, 2006. – 406с.
115. Маджидова, Д.И. Структурно-семантические особенности глагольных фразеологических единиц в таджикском и английском языках: дис. на соиск. уч. степ. канд. фил. наук.:10.02.20. / Д.И. Маджидова. – Душанбе, 2016. – 145 с.
116. Максимов, Л.В. О дефинициях добра: логико-методологический анализ / Л.В. Максимов // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с.
117. Мамадназаров, А. Библиографический указатель работ по сопоставительно-типологическому изучению языков в РТ. / А. Мамадназаров. – Душанбе: Эф-грил, 2016. – 356с.
118. Мамонтов, А.С. Язык и культура. А. С. Мамонтов. // Сопоставительный аспект изучения /А. С. Мамонтов. – М., 2000. – 187с.
119. Мансури, Р.А. Синтаксические особенности сложноподчиненных предложений в "Гулистане" Саади: Автореф. дисс. канд. филол. наук. / Р.А. Мансури. – Душанбе, 2012. – 23 с.
120. Мартинович, Г.А. Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента слов / Г.А. Мартинович // Вопросы психологии. – 1993. – № 2. – С. 93–99.
121. Маслова, В.А. Основы современной лингвистики. / В. А. Маслова. – Витебск: Витебский государственный университет имени /П. М. Машерова. – 2018. – 222с.
122. Маслова, В.А, Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. // Учебное пособие. – Минск, Тетра Системс, 2004 – 255с.
123. Махдии, М.К. Лексико-семантическое поле «еда» в персидском и русском языках: дис...канд... филол... наук. 10.02.20. М. К. Махдии. - Душанбе, 2014. – 163с.

124. Мачидов, Х.М. Чумлаҳои фразеологӣ / Х.М. Мачидов // Мактаби советӣ, 1978. – №5. – С.19 – 23.
125. Мачидов, Х.М. Воҳидҳои фразеологӣ ва калима / Мачидов, Х.М. // Мактаби советӣ. – Душанбе, 1984. – № 4. – С.6 – 8.
126. Мачидов, Х.М. Ибораҳои фразеологии феълӣ / Х.М. Мачидов // Мактаби советӣ, 1967. – №10. – С.45-48.
127. Мачидов, Х.М. Таркибҳои фразеологӣ / Х.М. Мачидов // Мактаби советӣ, 1980. - №1. – С. 22 – 25.
128. Мачидов, Х.М. Таркибҳои чуфти фразеологӣ дар забони асарҳои устод Мирзо Турсунзода / Х.М. Мачидов // Мактаби советӣ, 1981. - №10. – С. 38 – 42.
129. Мачидов, Х.М. Фразеологияи забони ҳозираи тоҷик / Х.М. Мачидов. – Душанбе, 1982. – 103с.
130. Маъсумӣ, Н. Ибораҳои халқӣ дар "Марги судхур" / Н. Маъсумӣ // Мактаби советӣ. – 1954. – №10. – С.36-42.
131. Маъсумӣ, Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик / Н. Маъсумӣ. – Сталинобод: Нашрдавтоҷ., 1959. – 293с.
132. Мещерякова, Ю.В. Концепт «КРАСОТА» в английской и русской лингвокультурах: Аврореф. дис. . канд. филол. наук: 10.02.20. / Ю.В. Мещерякова. – Волгоград, 2004. – 24 с.
133. Мирзоев, А. Ибораҳои феълии замонӣ дар забони адабии ҳозираи тоҷик / А. Мирзоев. – Душанбе: Дониш, 1972. – 254с.
134. Мирзоева, З.Дж. Концепт Хлеб/Нон в русском и таджикском языках: дисс...канд...филол...наук: 10.02.20. З. Дж. Мирзоева. – Душанбе, 2016. – 168с.
135. Мирзоева, М. М. Воҳидҳои фразеологии асарҳои Садриддин Айнӣ ва усулҳои тарҷумаи онҳо ба забони русӣ / М. М. Мирзоева. – Душанбе: Матбуот, 2008. – 160 с.

136. Мирзоева, Х.Х. Лексико-семантическое поле «hors/асп» в английском и таджикском языках: дисс...канд...филол...наук. 10.02.20. /Х. Мирзоева. – Душанбе, 2013. – 158с.
137. Нагзибекова, М. Б. Способы передачи русских глагольно-именных конструкций с объектным значением в таджикском языке / М.Б. Нагзибекова. - Душанбе: Сино, 1999. – 115с.
138. Назирова, М. Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения английского, русского и таджикского языков: дис. канд. филол. наук / М. Назирова – Душанбе, 2009. – 134с.
139. Натх, М.Р. Лексико-семантическая группа прилагательных русского языка со значением характеристики внешности человека: дисс...канд...филол...наук. 10.02.01. / Натх Менон Равиндер. – М.,1985. – 201с.
140. Негматзаде, Ф. Лексико-семантические особенности поэмы «Семь красавиц» Низами Гянджеви: Автор. канд. дисс. \ Ф. Негматзаде. – Душанбе, 2001. – 19с.
141. Нурмухаммадов, Ю.Ш. Лексические категории и их стилистические особенности в творчестве Лоика Шерали: Автор. канд. дисс. \ Ю. Ш. Нурмухаммадов. – Душанбе, 2007. – 26с.
142. Окунева, И. О. Лексико – семантическое поле концепта «красота» в русском и английском языках / И. О. Окунева // Материалы V международной конференции «Языки в современном мире». – М.: КДУ, 2006. – С. 522–527.
143. Окунева, И. О. Прототипы и стереотипные представления о красоте человека в системе устойчивых сравнений русского и английского языков / И. О. Окунева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 3. – С. 100–108.

144. Ошева, Е. Паремнологическое пространство: дискуссионные вопросы / Е. Ошева // Исследовательский журнал русского языка и литературы. – 2013. – №1 (1). – С.75 – 88.
145. Поливанов, Е.Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов / Е.Д. Поливанов. – Л.:1928. – 220 с.
146. Поливанов, Е.Д. Избранные работы. Труды по восточному и общему языкознанию / Е.Д. Поливанов. – М.: Наука, 1991. – 622 с.
147. Павлов, В.М. Полевые структуры в строе языка. // СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та экономики и финансов, 1996. – 116с.
148. Пак А.О. Сопоставительное исследование концепта "красота" в китайском и русском языках: диссертация...кандидата филологических наук : 10.02.20 / А.О. Пак; – Душанбе, 2009. – 229 с.
149. Пименова, М.В. Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI веке / М. В. Пименова. – 2 – е изд., стер. – Москва: Флинта, 2015. – 376 с.
150. Пименова, М.В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов) / М.В. Пименова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 83–90.
151. Попова, З.Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики: / З. Д. Попова. – Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки: 1996. – №3. – С.64– 68.
152. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 192с.
153. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2007. – 250 с.
154. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Язык и национальное сознание. – Изд.3., перераб. и доп. / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2007. – 61 с.

155. Потебня, А. А. Мысль и язык //А. А. Потебня. Избранные работы М.: Изд. Юрайт, 2019. –238с.
156. Рахими, С.С. Концепт «Измена» в русском и таджикском языках : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / С. С. Рахими; ТНУ. – Душанбе, 2016. – 293с.
157. Рахимӣ, И. Одам дар байни одамон. Ё 1001 қоидаи одоб. / Р. Имомиддин. – Душанбе, 2007. – 108с.
158. Риккерт, Г. Ценности жизни и культурные ценности // ЭОН. Альманах старой и новой культуры. Вып.1 — М., 1994.
159. Ромах, О.В., Попова Л.О. Аналитика концепта «красота духа» как универсума культуры / О.В. Ромах, Л. О. Попова // Аналитика культурологии. – 2014. – № 5 (1). – С. 17–21.
160. Рузиева, Л. Т. Становление русской и таджикской антропонимии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Рузиева Лола Толибовна. – Душанбе, 2006. – 162 с.
161. Ручина, Л.И. Ассоциативный эксперимент как инструмент выявления когнитивных признаков концепта / Л.И. Ручина // Вестник Нижегородского университета. – 2012. – № 5. – С.103–106.
162. Садриева, Г.А. Метафорическая репрезентация концепта «красота» в английском, русском и татарском языках / Г. А. Садриева // Известия ВГПУ (Волгоградского государственного педагогического университета). – 2013. – № 1 (76) – С. 36–39.
163. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 654с.
164. Серебренников, Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 87–107.
165. Серебренников, Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка / Б. А. Серебренников. – М., 1983. – 319 с.

166. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка / А.И. Смирницкий. – М., 1956. – 208 с.
167. Смирницкий, А.И. Морфология английского языка / А.И. Смирницкий. – М., 1959. – 440 с.
168. Смит, Л.П. Фразеология английского языка. / Пер. с англ. А.Р. Игнатьева. – М., 1959. – 208 с.
169. Соловьев, В.С. Три речи в память Достоевского. Вторая речь // Соловьев В. С. Избранное. – М.: Советская Россия, 1990 – 298с.
170. Старостина, Ю.А. Концепты «запах» и «красота» в романе П. Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы» / Ю.А. Старостина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 7 (41) – С. 164–169.
171. Столович, Л.Н. Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии. — М., 1994. – 464с.
172. Султонов, Р.С. Особенности языка Саади по его "Гулисгану": Автореф. дисс. канд. филол. наук / Р.С. Султонов. – Баку, 1949. – 28 с.
173. Телия, В.Н. Что такое фразеология. М.: 1954г. – 68 с.
174. Тахохов, Б.Д. Фразеологические единицы русского и таджикского языков / Б.Д. Тахохов. – Душанбе, 1988. – 100с.
175. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
176. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 264 с.
177. Тилавов, Б. Зарбулмасалу мақолаҳои тоҷикӣ. Таҷқиқи репертураи шифоии муосир / Б. Тилавов. – Душанбе: Дониш, 1989. – 231с.
178. Тилавов, Б. О роли литературы в развитии таджикских пословиц и поговорок / Б. Тилавов. – Душанбе, 1971, – №16, – С.557-561
179. Тилавов, Б. Омилҳои инкишофи зарбулмасалҳо / Б. Тилавов. – Садои Шарк, 1967, – №8, – С.125-134.

180. Тилавов, Б. Поэтика таджикских народных пословиц и поговорок / Б. Тилавов. - Ленинград, 1962. – 123 с.
181. Тилавов, Б. Современный пословичный репертуар таджикского народа / Б. Тилавов. – Душанбе, 1974. – 473с.
182. Тилавов, Б. Суханҳои дилафруз (Зарбулмасал ва мақолҳо) / Б.Тилавов. – Душанбе: Дониш, 1973. – 136с.
183. Тиллоева, С.М. Структура семантического поля «человек» в сопоставительном аспекте. / С. М. Тиллоева [Текст]: // монография. - Урал. гос.пед. ун-т. – Екатеринбург, 2014. – 167с.
184. Толстой, Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – Москва: Индрик, 1995. – 509с.
185. Тугаринова, В.П. О ценностях жизни и культуры. – Л., 1960, – 96с.
186. Турсунов, Ф.М. Хусусиятҳои тарҷумаи вожаҳои урфӣ, зарбулмасалу мақолаҳо ва воҳидҳои фразеологӣ тоҷикӣ ба забонҳои русиву англисӣ (дар мисоли асрҳои бадеӣ) / Ф. М. Турсунов. – Душанбе, 1994. – 233 с.
187. Турсунов, Ф.М. Лексико-семантический анализ пословиц и поговорок в таджикском и русском языках (На материале произведений Фазлиддина Махуммадиева) [Текст]: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: 10.02.20 / Ф.М. Турсунов. – Душанбе, 1999. – 158с.
188. Турсунова, Х. Оид ба параллелҳо дар фразеология ва зарбулмасалҳои тоҷикӣ - узбекӣ (дар асоси «Куллар» ва «Руломон»-и С. Айнӣ (Масъалаҳои филологияи тоҷик). Ч. 2. // Армуғон, – Душанбе: Дониш, 1971. – С.138-150.
189. Фазилова, Ш. К. Концепт «Богатство» в английской, русской и таджикской лингвокультурах (на материале фразеологических единиц, пословиц и поговорок) автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Фазилова Шахноза Камилджоновна. – Душанбе, 2019. – 25 с.

190. Флоренский П.А. Избранное. В 2 тт., Т 1, 4.1. Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990.
191. Франк, С.Л. Достоевский и кризис гуманизма. // Путь. — 1931. — № 27. — С. 71—78
192. Хаитова, Ш.И. Лексические особенности газелей Камоли Худжанди: автор. канд. дисс. \ Ш. И. Хаитова – Душанбе, 2002. – 21 с.*
193. Хасанов, А.А. Сохранение лексических особенностей и грамматических конструкций таджикского языка в северных говорах (на материале письменных памятников X-XII вв.): Автореф.дис.на соиск. учен. Степ.д.филол.н.: Спец. 10.02.22. / А.А. Хасанов – Душанбе, 2004. – 47с.
194. Хашимов, С. Лексические особенности «Гулистана» Саади Шерази: Автореф. дисс. канд. филол. наук. / С. Хашимов. – Душанбе, 1973. – 23с.
195. Хошимов, С. Баъзе хусусиятҳои синонимҳои дар «Гулистон»-и Саъдии Шерозӣ \ С. Хошимов // Масъалаҳои филологияи тоҷик. – Душанбе: УДТ, 1971. – С.19-27.
196. Хушенова, С.В. Библиографический указатель литературы по таджикской фразеологии (С приложением библиографии по фразеологии памирских языков) / С.В. Хушенова. – Душанбе: Дониш, 1977. – 65с.
197. Хушенова, С.В. Изафетные фразеологические единицы таджикского языка / С.В. Хушенова. – Душанбе: Дониш, 1971. – 190с.
198. Хушенова, С.В. Современное состояние и задачи изучения таджикской фразеологии / С.В. Хушенова // Вопросы языкознания. – 1980. - №2. – С. 125–134
199. Черкашина, Е. А. Концепт «красота» в речи студентов педагогического вуза / // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2015. – № 2. – С. 42–45.
200. Черкашина, Е. А. Концепт «красота» в русском языке / Е. А. Черкашина // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2014. – № 2 – С. 38–43.

201. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.
202. Шайкевич, А.Я. Распределение слов в тексте и выделение семантических полей / А.Я. Шайкевич // ИЯВШ. – 1963. – №2. – С.12-18.
203. Шаклеин, В.М. Лингвокультурная ситуация: структура и вопросы исторической реконструкции: автореф. дис. д-ра филол. наук.: 10.02.01 / Шаклеин В.М. – М., 1997. – 39с.
204. Шарипова, Г.Ш. Фразеологические единицы в «Самаки айяр»: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Г.Ш. Шарипова – Душанбе, 2013. – 23с.
205. Шарипова, З.М. Семантико-структурный анализ фразеологических единиц таджикского, арабского и русского языков: автореф. дис. ...канд. филол. наук / З.М. Шарипова – Душанбе, 2011. – 22с.
206. Шукуров, М. Ҳар сухан ҷоеву ҳар нукта мақома дорад. \ М. Шукуров. – Душанбе: Ирфон, 2005. – 400с.
207. Щур, Г.С. Теория поля в лингвистике / Г.С Щур. – М.: Наука, 1974. – 255с.
208. Эмомали, Р. Таджики в зеркале истории. От арийцев до Саманидов / Р. Эмомали. – Лондон — Д., 2000-2002. – 5с.
209. Эстетика: Словарь / [Под общ. ред. А. А. Беляева]. – М.: Политиздат, 1989. – 445с.
210. Юсупов, Х. Лексические особенности языка произведений Садриддина Айни: Автор. канд. дисс. \ Х. Юсупов. – Душанбе, 1971. – 35с.
211. Юсупова, М. Фразеологияи романи «Дохунда» - и С. Айни: рис. ...номз. илмҳои филол. / М. Юсупова. – Душанбе, 1971. – 203с.
212. Breal Michel. Essai de semantique: science des significations. Paris: Hachette, 1897. – 349 p.
213. Ipsen, G. Der Alte Orient und die Indogermanen./ G. Ipsen // Festschrift fur W.Streitberg. – Heidelberg, 1924. – P.30-45.
214. Jackendoff, R. S. Languages of the Mind: Essays on Mental Representation / R. S. Jackendoff. – A Bradford Book, 1992. – 216 p.

215. Jackendoff, R. S. *Semantic Structures* / R. S. Jackendoff. – 3rd. Ed. – Cambridge. MA, 1993. – 300 p.
216. Jackendoff, R. S. *Semantics and Cognition. Cambridge* / R. S. Jackendoff. – 6th.Ed. – MIT Press, 1990. – 354 p.
217. Meyer, R.N. *Bedeutungssysteme*. / R.N. Meyer. – KZ, 1910. – P. 358-366.
218. Radford, A. *Transformational Grammar. A First Course* / A. Radford. – Cambridge MA., 1988. – 640 p.
219. Trier, J. *Der Deutsche Wortschatz. Bd. i. Heidelberg:/ J. Trier // Winter in Sinnbezirk des vestandes*, – 1931. – 347p.

Словари:

220. Абдуллозода, Р. *Фарҳанги ибораҳои халқӣ*. / Словарь народных идиоматических выражений / Р. Абдуллозода. – Душанбе: Адиб, 1988. – 400с.
221. Абрамов, Н. *Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений* / Н. Абрамов. – М.: Русские словари, 1999. – 433с.
222. *Большой академический словарь русского языка* / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед: / гл. ред.: К.С. Горбачевич, А.С. Герд. – Том 5 – Москва.: Наука; Санкт-Петербург: Наука, 2006. – 693с.
223. *Большой академический словарь русского языка* / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед: / гл. ред.: К.С. Горбачевич, А.С. Герд. – Том 7 – Москва.: Наука; Санкт-Петербург: Наука, 2007. – 728с.
224. *Большой академический словарь русского языка* / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед: / гл. ред.: К.С. Горбачевич, А.С. Герд. – Том 8 – Москва.: Наука; Санкт-Петербург: Наука, 2007. – 839с.
225. *Большой толковый словарь русского языка* / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536с.

226. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Рос. энцикл.; Спб.: Норинт, 1997, 1999, 2001, 2004. – 1456с.
227. Фиёсуддин, М. Фиёс-ул-луғот, в 3-х т./ М. Фиёсуддин. – Душанбе: Адиб, 1987. – 480с.
228. Даль, В.И. Пословицы и поговорки русского народа. – Москва: Эскиммо, 2000. — 468 с.
229. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т.2: И-О / В.И. Даль. – М.: Мир книги, 2002. – 368с.
230. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Свыше 136000 слов. ст. Ок. 250000 семант. единиц. В 2-х т. Т. 1: А-О. / Т.Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз., 2000. – 1209с.
231. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок,- 4-е изд.,испр.и доп. / В.П. Жуков – М.,1991. – 535с.
232. Калонтаров, Я.И. Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими. – Душанбе: Ирфон, 1965. – 534с.
233. Калонтаров, Я.И. Новый русско-таджикский словарь. — Душанбе, 2007. – 272с.
234. Калонтаров, Я.И. Новый таджикско-русский словарь. — Душанбе, 2008. — 320с.
235. Калонтаров, Я. И. Мудрость трех народов (Панду ҳикмати се халқ) / Я. И. Калонтаров. – Душанбе: Изд. «Адиб». 1989. – 427 с.
236. Калонтаров, Я. И. Мудрость трех народов (Панду ҳикмати се халқ) / Я. И. Калонтаров. – Душанбе: Изд «Адиб». – 2002. – 372 с.
237. Крылов, Г.А. Этимологический словарь русского языка / Г.А. Крылов. – СПб.: Виктория, 2009. – 432с.
238. Леонтьева, А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка [электронный ресурс]. URL: http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Stimul_Leon.htm (дата обращения: 19.10.2018 г.).

239. Лингвистический энциклопедический словарь. // Гл. ред. В.Н. Ярцев. – М.: Большая рос. энцикл., 2002. – 709с.
240. Луғати мухтасари русӣ-тоҷикӣ ва тоҷикӣ-русии синонимҳо. / Под ред. Капранов В.А., Николаев И.Л. и Халилов А.Х., – Д, 1998, – 103с.
241. Мухаммадиев, М. Луғати мухтасари синонимҳои забони тоҷикӣ / М. Мухаммадиев. – Душанбе: изд-во Мариф, 1985, – 251с.
242. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений: Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944с.
243. Расторгуев, В.С., Эдельман, Д.И. Этимологический словарь иранских языков: в 3 т. Т.1 / В.С. Расторгуев, Д.И. Эдельман. – Вост.литература РАН, 2000. – 327 с.
244. Словарь русского языка: В 4- т. (Малый академический словарь) /По ред. А. П. Евгеньевой. — 3- изд. Т2: К-О. — М.: Русский язык, 1986. – 736 с.
245. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1998. – 704с.
246. Словарь таджикского языка. Том I / под редакцией М. Ш. Шукурова, В. А. Капранова, Р. Хашима, Н. А. Маъсуми. М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 951с.
247. Словарь таджикского языка. Том II / под редакцией М. Ш. Шукурова, В. А. Капранова, Р. Хашима, Н. А. Маъсуми. М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 951с.
248. Толковый словарь русского языка (с включением сведений о происхождении слов) / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М., 2011: Издательский центр «Азбуковник». — 1175 с.

249. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Астрель; АСТ, 2000. – 4824с.
250. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Иборат аз ду ҷилд. Ҷ.2 (харфҳои П-Ч) / муҳаррир М.Ш.Шукуров, Р.Хошим, Н.А.Масъуми, В.А.Капранов. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 949с.
251. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Иборат аз ду ҷилд. Ҷ.1 (харфҳои А-О) / муҳаррир М.Ш.Шукуров, Р.Хошим, Н.А.Масъуми, В.А.Капранов. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 952с.
252. Фарҳанги тавсирии забони тоҷикӣ (ибораат аз 2 ҷилд). Ҷ.1 А–Н / зери таҳрири С. Назарзода, А. Сангинов, С. Каримов, М. Ҳ. Султон. – Душанбе: Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти Рӯдакӣ, 2008. – 958с.
253. Фарҳанги тавсирии забони тоҷикӣ (ибораат аз 2 ҷилд). Ҷ.2 О–Я / зери таҳрири С. Назарзода, А. Сангинов, С. Каримов, М. Ҳ. Султон. – Душанбе: Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти Рӯдакӣ, 2008. – 954с.
254. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ / под ред. Д.Саймиддинова, С.Д.Холматовой, С.Каримова – Д.: Матбаа АИ Т, 2006. – 784с.
255. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ 70 000 калима ва ибора. Нашри дувум бо илова, такмил ва ислоҳ. / Зери таҳрири Д. Саймиддинов, С. Д. Холматова, С. Каримов. – Душанбе, 2006. – 784 с. 209.
256. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. Т.2 (Е – Муж) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. – 672 с.
257. Фозилов, М. Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикию форс. / М. Фозилов – Ҷ 1 – Душанбе: Ирфон, 1975. – 368с.
258. Фозилов, М. Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикию форс. / М. Фозилов – Ҷ 2 Душанбе: Ирфон, 1976. – 374с.
259. Фозилов, М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик. Ҷилди 1. / М. Фозилов. – Душанбе: Таджгосизд., 1963. – 952с.
260. Фозилов, М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик. Ҷилди 2. / М. Фозилов. – Душанбе: Ирфон, 1964. – 802с.

261. Чураев, Р. Этимология 100 калима (Этимология 100 слов) / Р. Чураев. – Душанбе: Маориф, 1985. – 28с.

262. Электронная еврейская энциклопедия [электронный ресурс]. URL: <http://www.eleven.co.il/article/11447> (дата обращения: 19.10.2018 г.)

263. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/etymology_terms

Источники примеров

(1)русского языка:

264. Акунин, Б. Внеклассное чтение: Роман. Т1. – М.: Олма-Пресс, 2003, – 384 с.

265. Гончаров, И. Обыкновенная история: Роман: Детская литература / И. Гончаров. – М., 2004. – 545с.

266. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание: Роман. – 2-е изд., стереотип. / Ф.М. Достоевский. – М.: Дрофа, 2003. – 608 с.

267. Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы. / Ф.М. Достоевский. – Ч1. Кн.3. М.: «Художественная литература», 1973 – 816с.

268. Достоевский, Ф.М., Полное собрание сочинений: В 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 8. Идиот: Роман / текст подгот. И. А. Битюгова, Н. Н. Соломина. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973 – 511с.

269. Национального корпуса русского языка (электронный ресурс – URL: www.ruscorpora.ru)

270. Островский, А.Н. Гроза. Лес. Бесприданница: пьесы / А.Н. Островский; послесл. Е.Г. Холодова; худож. Ю. Игнатъев. – Москва: Детская литература, 1975. – 160 с.

271. Саади, Ш. Гулистон. (Перевод Алиев Рустам, Старостин Анатолий) / Р.Алиев. – М.: Наука, 1959. – 487с.

272. Саади, Ш. Бустон. Поэма. Перевод Владимира Державина. Составления, предисловия и комментарии Р. Алиева. – Душанбе: Ирфон, 1968. – 448с.
273. Семенов, Ю.С. Приказано выжить / Ю.С. Семенов // Междунар. Отношения; 1986. – 392с.
274. Токарев, В.С. Летающие качели / В.С. Токарев. – М., 1983, – 350с.
275. Токарева, В.С. Ничего особенного (сборник). Издательство АЗБУКА®, 2015 - 480с.
276. Тургенев, И.С. Муму / И.С. Тургенев – М.: Детская литература, 2008. – 49с.

Источники примеров

(2) таджикского языка:

277. Айни, С.С. Куллиёт / С. Айни. – Душанбе: Нашрдавтоҷ, 1963. – 415с.
278. Достоевский, Ф. М. Чиноят ва Чазо. Иборат аз 6 кисм ва хотимааш (Тарҷ. Шамсӣ Собир) / Ф.М. Достоевский. – Душанбе: Ирфон, 1984. – 656 с.
279. Национальный корпус таджикского языка (Электронный ресурс – URL: <http://tajik-corpus.org>)
280. Саъдии, Ш. Гулистон / Саъдии Шерозӣ. – Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2014. – 325 с.
281. Саъдии, Ш. Бӯстон / Саъдии Шерозӣ. – Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2008. – 292с.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

1. Карта слов ЛСП «КРАСОТА/ЗЕБОЙ» в произведении «Гулистон» («Розовый сад») Саади Шерази

2. Карта слов ЛСП «ДОБРО/НЕКӢ» в произведении «Гулистон» («Розовый сад») Саади Шерази

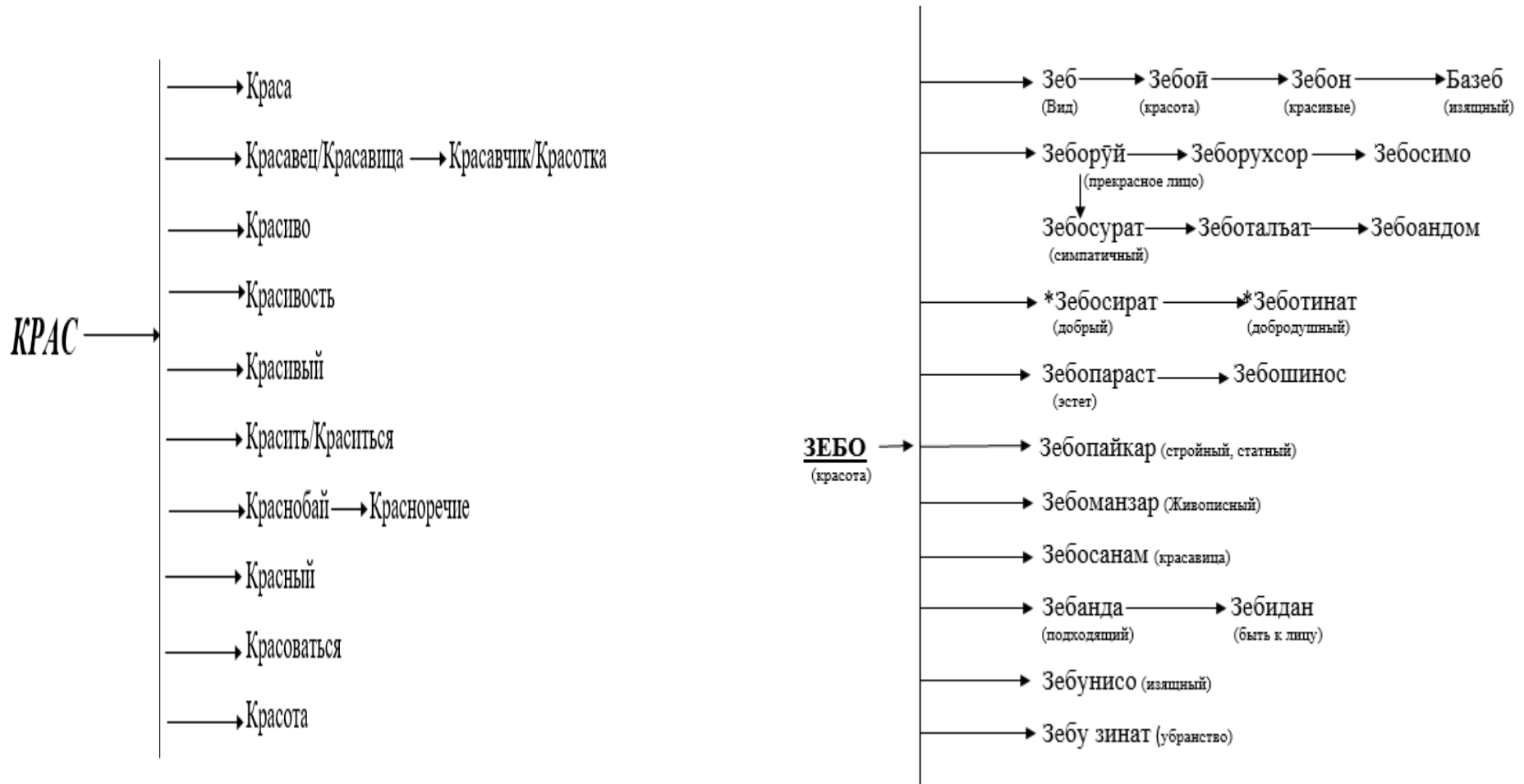

3. Карта слов ЛСП «ИСТИНА/ҲАҚИҚАТ» в произведении «Гулистон» («Розовый сад») Саади Шерази

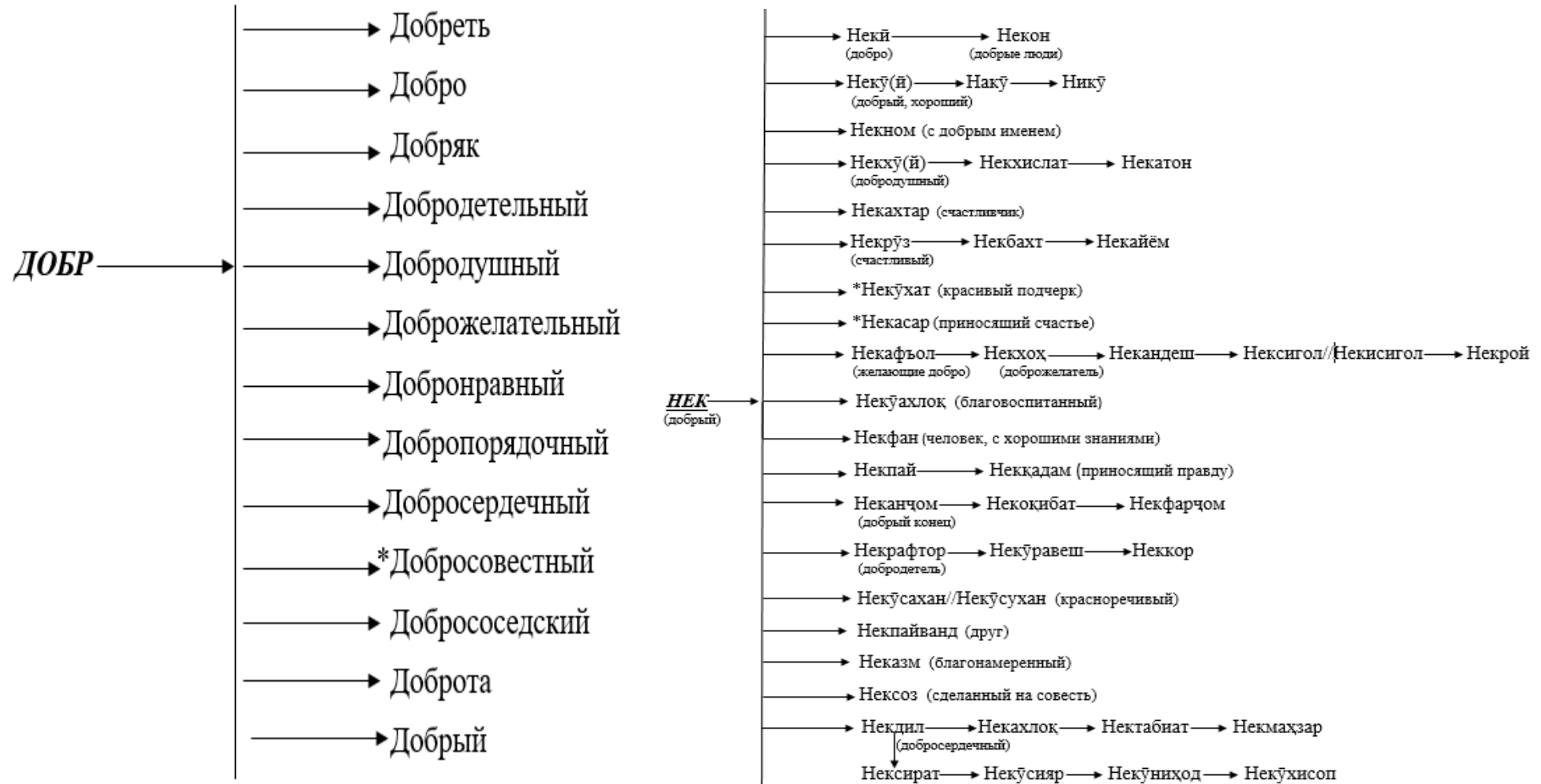

Приложение II

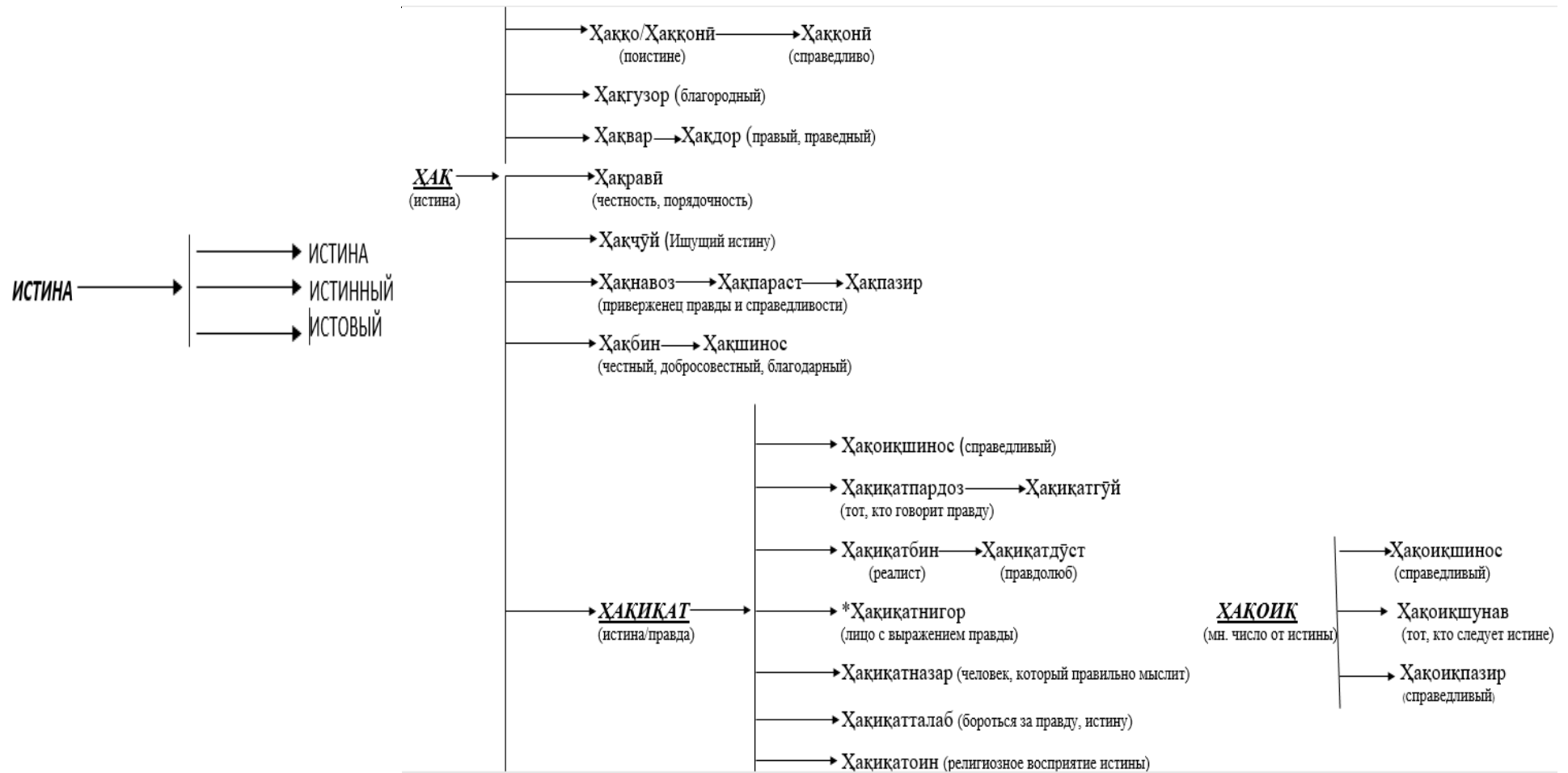
Производные словообразовательные единицы понятия «КРАСОТА/ЗЕБОЙ» в русском и таджикском языках

**Производные словообразовательные единицы
Понятия «ДОБРО/НЕКӢ» в русском и таджикском языках**

**Производные словообразовательные единицы
понятия «ИСТИНА/ҲАҚИҚАТ» в русском и таджикском языках**

ПРИЛОЖЕНИЕ III

1. Пословицы и поговорки с семантикой «ДОБРО/НЕКӢ» и их эквиваленты на русском языке в «Гулистане» Саади Шерози

<i>№</i>	<i><u>Таджикский язык</u></i>	<i><u>Осмысление на русском языке</u></i>
1.	Шамшери нек аз оҳани бад чун кунад касе.	Из негодного железа добрый меч сковать нельзя В
2.	Дӯстон ба зиндон ба кор оянд, ки бар суфра ҳама душманон дӯст намоянд.	Друзья познаются, когда ты в темнице, а за столом все враги кажутся друзьями А
3.	Душман чӣ занад, чу меҳрубон бошад дӯст ?	Что может сделать враг, коль ласков друг с тобой? Б
4.	Ҳар кӣ некӢ кунад, барои худ некӢ хостааст ва ҳар кӣ бадӢ варзад, бад ба вай бозгардад	Кто творит добро, тот творит его для себя, кто делает зло, тот причиняет его себе! А
5.	Хонаи дӯстон бирӯбу, дари душманон макӯб.	Лучше обобрать до нитки дом своих друзей, чем стучать в двери врагов. А
6.	Дасти карам беҳ зи бозуи зӯр.	Лучше щедрая ладонь, чем большой кулак В
7.	Душман он беҳ, ки некӢ набинад	Тот враг хорош, который не замечает хорошего! А
8.	Ҳар чӣ ба дил фуруд ояд, дар дида нақӯ намояд!	Что в сердце проникает, то и глаз привлекает! В
9.	Ҳар душанеро , ки бар вай эҳсон кунӣ, дӯст гардад, магар нафсро, ки чандон, ки удоро беш кунӣ, ухолифат зиёдат кунад.	Любой враг становится другом, когда ему делаешь добро, а страсть для тебя будет все более и более тяжкой, пока ты будешь делать ей поблажку за поблажкой. Г
10.	Пайдост, ки аз меъдаи холӣ чӣ қувват ояд ва аз дасти тихӣ чӣ мурувват?	Какая сила может исходить из пустого желудка и какая добродетель – от пустых рук? А
11.	Некбахт он, ки хӯрду кишт ва бадбахт он, ки мурду хишт!	Счастлив тот, кто ел пищу и сеял зерно, а несчастен тот, кто умер и оставил неиспользованное имущество Г
12.	НекӢ кун, чунон ки Худо ба ту	Будь добр к другим, как добр к

	некї кардааст.	тебе Бог. А
13.	Раҳм овардан бар бадон ситам аст бар некон ва афв кардан аз золимон чавр аст бар дарвешон	Милость злым – жестокость к добрым, прощать угнетателей вредных – значит, угнетать бедных А
14.	Хашм беҳ аз ҳад гирифта ваҳшат орад ва лутфи бевақт хайбат бибарад.	Гнев вверх меры вызывает страх, неумеренная ласка уменьшает к тебе уважение в людских сердцах Г
15.	На чандон дуруштї кун, ки аз ту сер гарданд ва на чандоне нармї , ки бар ту далер шаванд.	Не будь настолько суров, чтобы всем надоесть, и настолько кроток, чтобы тебе дерзили А
16.	Ҳар кї дар ҳоли тавоной накӯї накунад, дар вақти нотавонї сахтї бинад.	Кто в дни могущества не делает добрых дел, тот во время бедствия готовит себе печальный удел А
17.	Ҳар кї бо бадон нишинад, некї набинад.	Кто с дурным дружбу ведет, ничего доброго в жизни не найдет. В
18.	Шиддати некон рӯї дар фараҷ дораду, давлати бадон сар жар нишеб.	Бедствие добрых людей в счастье перейти суждено, а счастьем дурных – кануть на морское дно. Б
19.	Некбахтон ба ҳикояту амсоли пешиниён панд гиранд.	Счастливицы берут пример с деяний и трудов своих предков. А
20.	Гадои неканҷом беҳ аз подшоҳи бадфарҷом	Нищему, которому улыбнулось счастье, лучше, чем царю, которого постигло ненастье. Г
21.	“Ва-л-козиина-л-ғайза ва-л- офийина ан-инноси”	Тот, кто гнев укрощает, тот виновных прощает В
22.	Бо бадандеш ҳам накӯї кун, дахани сағ ба луқма дӯхта беҳ	И злому должен делать ты добро, ведь костью ты заткнёшь собаке рот Б
23.	Агар ҳанзал хури аз дасти хушхӯї , беҳ аз ширинї аз дасти турушрӯї	Из рук у доброго возьмёшь ты колоквинт, как сладость, а кислолицый сладость даст – и все тебе не в радость В
24.	Чавонмардию лутфу одамият, ҳамин накши ҳаюлої мапиндор	Человек великодушным, щедрым должен быть, человек ли ты не скажешь по чертам лица Б
25.	Чу инсонро набошад фазлу эҳсон, чї фарқ аз одамї то накши девор?	Если доблести лишен ты, нет в душе добра, ты походишь на картину – иль на мертвеца Г
26.	Некмардї кун на чандон, ки гардад чира гурги тездандон	Настолько ты забудь мягкосердечье, чтоб волк не ведал путь к стадам овечьи Б

27.	Бадонро нек дор, эй марди хушёр, ки некон худ бузургу некрӯзанд.	Ты добрым будь к дурным, благоразумный муж, ведь добрые и так счастливы и велики. А
28.	В-ар кариме дусад гунаҳ дорад, карамаш айбҳо фуру пушад	Щедрый человек пусть многогрешен, но щедростью покрывает прегрешенья. Б

2. Пословицы и поговорки с семантикой «ИСТИНА/ҲАҚИҚАТ» и их эквиваленты на русском языке в «Гулистане» Саади Шерози

<i>№</i>	<i><u>Таджикский язык</u></i>	<i><u>Осмысление на русском языке</u></i>
1.	Онро, ки ҳисоб пок аст, аз муҳосиба чӣ бок аст?	У кого правильный счет, тот спокойно живет, не зная ни каких забот. Б
2.	Насиҳат аз душман пазируфтани хатост , валекин шунидан равост, то ба хилофи он кор кунӣ, ки айни савоб аст.	Принимать советы врагов – ошибка, но выслушивать их нужно, чтобы поступать наоборот, это и будет истинно правильным образ действий. Г
3.	Розе, ки ниҳон хоҳӣ, бо кас дар миён манеҳ ва агарчи дӯсти мухлис бошад, ҳамчунин мусалсал	Тайну, которую хочешь утаить от всех, не раскрывай ни перед кем, даже перед твоим верным другом, ибо у этого друга могут оказаться свои верные друзья - и так образуется целая цепь. Г
4.	На ҳар кӣ дар мучадала чувт, дар муомала дуруст.	Не каждый, кто ловок в споре, честен в договоре. В
5.	Тавонгари фосик кулӯхи зарандуд асту, дарवेशи солиҳ шоҳиди хоколуд	Распутный богач – это грязи позолоченный комок, а праведный бедняк – красавица, покрытая пылью дорог. Б
6.	Ҳар кӣ ба таъдиби дуне роҳи савоб нагирад, ба таъзиби уқбо гирифтор ояд.	Кто, не смотря на опыт, который ему довелось в здешнем мире приобрести, не пойдет по правильному пути, тот повергнется мукам на том свете Г
7.	Ростро зинати ростӣ тамом аст!	Правая рука достаточно украшена

		тем, что она правая! В
8.	Ҳаргиз ду хасм ба ҳақ розӣ пешӣ қозӣ наравад.	Никогда два противника, любящие истину, не пойдут к судьбе. А
9.	Басо номи некӯӣ панҷоҳ сол, ки як номи зишташ кунад поймол	Пусть полвека носил человек своё честное имя, в миг бесчестный затопчет всю славу ногами своими Б
10.	Ростӣ муҷибӣ ризоӣ Ҳудост, кас надидам, ки гум шуд аз раҳи рост	Служащих истине, когда же Бог обидел? На истинном пути погибших я не видел В
11.	Ҳар кӣ симои ростон дорад, сари ҳидмат бар остон дорад	И праведник, высоко чтущий Бога, главу склоняет у его порога Б
12.	Якero, ки одат бувад ростӣ , хатое равад, даргузоранд аз ӯ	Привыкший вечно говорить лишь правду, хоть ошибется – будет в мир прощен Б

3. Пословицы и поговорки с семантикой «КРАСОТА/ЗЕБОЙ» и их эквиваленты на русском языке в «Гулистане» Саади Шерози

№	<u>Таджикский язык</u>	<u>Осмысление на русском языке</u>
1.	Як хилқати зебо беҳ аз ҳазор хилъати дебо.	Добрая природа лучше тысячи шелковых платьев. Б
2.	Андаке чамол беҳ аз бисерии мол	Небольшая красота лучше большого богатства А
3.	Рӯӣи зебо марҳами дилҳои хаста асту, калиди дарҳои баста	Красота лица – бальзам, исцеляющий утолщенные сердца, и ключ, отпирающий замкнутые двери Г
4.	Аз даричаи чашми Маҷнун бояд дар чамоли Лайлӣ назар кард, то сирри ниҳодаи ӯ дар ту таҷалли кунад	На красоту Лейли нужно взирать глазами Меджнуна, чтобы ты мог понять тайну блаженства, которое дает ему лицемерие. Б
5.	Мулк аз хирадмандон чамол гирад ва дин аз парҳезгорон камол ебад	Государство приобретает красоту благодаря ученым, а вера достигает совершенства благодаря людям воздержанным. А

6.	Ҳама касро ақли худ бакамол наояд ва фарзанди худ баҷамол	Всем людям свой ум кажется ясным, а свое дитя прекрасным. В
7.	На ҳар кӣ ба сурат некӯст, сирати зебо дар ўст. Кор андарун дорад, на пӯст.	Не всякий, кто по виду величав, имеет хороший нрав. Дело в сути, а не в коже А
8.	Бӯйи пиёз аз даҳани хубрӯй нағзтар ояд, ки гул аз дасти зишт	Ведь запах лука изо рта красавца приятней, чем в руках уroda роза А
9.	Ҳар кӣ бо аҳли худ вафо накунад, нашавад дӯструю давлатманд	Тот, кто родителей своих не уважает, не будет знать любви, узнает много бед Г

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

1. Фразеологизмы с семантикой «КРАСОТА/ЗЕБОЙ» и их эквиваленты на русском языке в «Гулистане» Саади Шерози

№	<u>Таджикский язык</u>	<u>Осмысление на русском языке</u>	<u>Пример: Таджикский язык</u>	<u>Пример: Русский язык</u>
1.	Меваи унфувони шабобаш наврасида	В расцвете ранней юности	<i>Дар он миён чавоне буд, меваи унфувони шабобаш наврасида ва сабзай гулистони изораи навдамида.</i>	<i>Случайно среди них оказался молодой человек в расцвете ранней юности; травка на лужайке его ланит едва пробивалась.</i>
2.	Сабзай гулистони изораи навдамида	Травка на лужайке его ланит едва пробивалась (на расцвете ранней юности)	<i>Дар он миён чавоне буд, меваи унфувони шабобаш наврасида ва сабзай гулистони изораи навдамида.</i>	<i>Случайно среди них оказался молодой человек в расцвете ранней юности; травка на лужайке его ланит едва пробивалась.</i>
3.	Чамоли сурату камоли маъни доштан	Благородная осанка и духовное совершенство	<i>Филчумла, мақбули назари султон омад, ки чамоли сурату камоли маънӣ дошт.</i>	<i>Он, конечно, понравился султану, ибо, отличался благородной осанкой и духовным совершенством.</i>
4.	Зоҳир ба салоҳ ораста	Благочестивая внешность	<i>Тане чанд аз равандагон дар сӯҳбати ман буданд, зоҳири эшон ба салоҳ ораста</i>	<i>У меня было несколько знакомых дервишей с весьма благочестивой внешностью.</i>
5.	Дар зоҳир айб надидан	Не видит недостатков	<i>Дар зоҳираи айб намебинам ва</i>	<i>Снаружи недостатков я в</i>

			<i>дар ботинаш гайб намедонам.</i>	<i>нем не наблюдал, а что внутри сокрыто, - о том не гадаю.</i>
6.	Сурату зоҳир покиза	Благородный облик	<i>...Дар ҳайаташ нигаҳ мекард: сурати зоҳираш покиза ва сифати ҳолаш парешон.</i>	<i>Внешний облик юноши показался царевичу благородным, а его состояние – плачевным.</i>
7.	Моҳи шаби чордах	Полная луна	<i>Ба ҳукми он, ки хулқе дошт тайибуладо ва ҳалқе дошт кағлбадри изо бад, яъне чун моҳи шаби чаҳордах, ба ҳангоме, ки тулӯъ мекунад.</i>	<i>У него был прекрасный голос, а лицо словно полная луна.</i>
8.	Наботи оразаш оби ҳает мехурад	Ланиты белые живой поил родник	<i>Он ки наботи оразаш оби ҳаёт мехурад, Дар шакараш нигаҳ кунад ҳар кӣ набот мехурад.</i>	<i>Ланиты белые живой поил родник, Отведай сладких уст, кто к сахару привык.</i>
9.	Равнақи бозори ҳуснаш шикаста	Прошло оживление на базаре его красоты	<i>Он хулқи Довудӣ мутагайир шуда ва он ҷамоли Юсуфӣ ба зиён омада ва бар себи занахдонаш чун бих гарде нишаста ва равнақи бозори ҳуснаш шикаста</i>	<i>Но его голов, подобный голосу Давида изменился, красота, подобная красоте Юсуфа, поблекла, яблоки его подбородка покрылось пушком, подобный пушку айвы, и прошло оживление на базаре его красоты.</i>
10.	Рӯйи некувон бо хати сабз ҷустан	Лицо красавицы с девственным пушком	<i>Сабза дар бог, гуфтаанд, хуш аст, Донад он кас, ки</i>	<i>Приятна зелень, говорят, в саду, – Кто молвил так, отнюдь не</i>

			<p><i>ин сухан гӯяд. Яъне аз рӯйи некувон хати сабз Дили ушишоқ бештар ҷӯяд.</i></p>	<p><i>сумасброд: Лицо красавец с девственным пушиком Всегда влюбленных прелестью влечет</i></p>
--	--	--	--	---

2. Фразеологизмы с семантикой «ДОБРО/НЕКӢ» и их эквиваленты на русском языке в «Гулистане» Саади Шерози

<i>№</i>	<i><u>Таджикский язык</u></i>	<i><u>Осмысление на русском языке</u></i>	<i><u>Пример: Таджикский язык</u></i>	<i><u>Пример: Русский язык</u></i>
1.	Чони пок	Чистая душа	<p><i>Чу оҳанги рафтан кунад чони пок, Чи бар тахт мурдан, чи ба рӯйи хок.</i></p>	<p><i>Не нужен трон, была б чиста душа– Для смерти и циновка хороша!</i></p>
2.	Сиришти пок	Чистая природа	<p><i>Ҳар мавлуде бо сиришти пок зода мешавад ва падару модаранд, ки ӯро яҳудӣ кунанд, масеҳӣ гардонанд ва ё оташпараст созанд.</i></p>	<p><i>Люди рождаются только с чистой природой, и лишь потом отцы делают их иудеями, христианами или огнепоклонниками</i></p>
3.	Чашми некӢ доштан	Ждать добрых входов	<p><i>Ҳар он ки тухми бадӣ кишту чашми некӢ дошт, Димоги беҳуда пухту хаёли ботил баст.</i></p>	<p><i>Кто, зло посеяв, добрых входов ждет, Того пусть лишь мечта тревожит</i></p>
4.	Дастӣ дӯстӣ гирифта	Подать руку помощи	<p><i>Дӯст машмор он, ки дар неъмат занад</i></p>	<p><i>Твой друг – не собутельник на миру,</i></p>

			<i>Лофи ёриву бародархондагӣ Дӯст он донам, ки гирад дасти дӯст, Дар парешонҳоливу дармондагӣ.</i>	<i>Когда тебе сопутствует удача, Но тот, кто руку помощи подаст Среди беды, несчастия и плача</i>
5.	Номи нек	Доброе/честное имя	<i>Нушервон намурд, ки номи накӯ гузошт!</i> <i>Басо номи некӯя панҷоҳ сол, Ки як номи зиштас кунад поймол.</i>	<i>Ануширван живет – по смерти оставив он благое имя.</i> <i>Пусть полвека носил человек свое честное имя – Вмиг бесчестный затопчет всю славу ногами своим.</i>
6.	Дасти карам кушодан	Раскрыть руку великодушия/щедрая ладонь	<i>Дасти карам беҳ зи бозуи зӯр!</i>	<i>Лучше щедрые ладони, чем большой кулак!</i>
7.	Ба дил фурӯд омадан	Проникнуть в сердце/проникать в душу	<i>Ҳар чӣ ба дил фурӯд ояд, бар дида накӯ намояд!</i>	<i>Что в сердце проникает, то и глаз привлекает!</i>
8.	Дар дида накӯ намудан	Глаз привлекать	<i>Ҳар чӣ ба дил фурӯд ояд, бар дида накӯ намояд!</i>	<i>Что в сердце проникает, то и глаз привлекает!</i>
9.	Дари сулҳ задан	Предлагать мирное соглашение/Затишье	<i>Бо мардуми сулҳхӯй душхор магӯй, Бо он ки дари сулҳ занад ҷанг мачӯй!</i>	<i>Не говори с мягкосердечным грубо, Не ссорься с тем, кому затишье любо!</i>
10	Бахшидани хун	Простить/ даровать жизнь	<i>Таваққӯъ ба карам ва ахлоқи худовандӣ чунон аст, ки ба бахшидани</i>	<i>Я уповаю на доброту и великодушие царя – да окажет царь мне, рабу своему, милость и даруй</i>

			<i>хуни ӯ бар банда миннат ниҳад.</i>	<i>ему жизнь.</i>
--	--	--	---	-------------------

3. Фразеологизмы с семантикой «ИСТИНА/ҲАҚИҚАТ» и их эквиваленты на русском языке в «Гулистане» Саади Шерози

<i>№</i>	<i><u>Таджикский язык</u></i>	<i><u>Осмысление на русском языке</u></i>	<i><u>Пример: Таджикский язык</u></i>	<i><u>Пример: Русский язык</u></i>
1.	Гум шудан дар раҳи рост	Запутаться/погибнуть на истинном пути	<i>Ростӣ муҷиби ризои Худост, Кас надидам, ки гум шуд дар раҳи рост</i>	<i>Служащих истине, когда же Бог обидел? На истинном пути погибших я не видел.</i>
2.	Ҳисоби пок доштан	Быть чистым на руку/правильный, чистый счет	<i>Онро, ки ҳисоб пок аст, аз муҳосиба чӣ бок аст?</i>	<i>У кого правильный счет, тот спокойно живёт, не зная ни каких забот.</i>
3.	Кашфи ҳақиқат кардан	Выявить истину	<i>...Ва малик дар кашфи ҳақиқат он истиқсо нафармуд ва ёрони қадиму ва дӯстони ҳамим аз калимаи ҳақ хомӯш шуданд.</i>	<i>А царь не соизволил, как надлежало бы, рассмотреть их жалобы, чтобы выявить истину, а старые друзья и близкие приятели словечка правды не проронили.</i>
4.	Симои ростон	Праведник	<i>Ҳар кӣ симои ростон дорад,</i>	<i>И праведник, высоко чтуций</i>

	доштан		<i>Сари хидмат, бар остон дорад.</i>	<i>Бога Главу склонит у его порога.</i>
5.	Ҳақ дар ҷониби <i>ӯ</i> ст	Правда на его стороне	<i>Ҳақ дар ҷониби ӯст</i>	<i>Правда на его стороне</i>
6.	Дил бар сидқ гувоҳи додан	Сердцем верить в правду	<i>Дили ман бар сидқи ин гувоҳи медиҳад ва ҷуз ин натавон будан.</i>	<i>Я сердцем верю в то, что этот рассказ правдив.</i>